

П. Е. ЩЕГОЛЕВ

ПУШКИН и МУЖИКИ

ПО НЕИЗДАНЫМ МАТЕРИАЛАМ

С автопортретом и авто-
графами Пушкина
и иллюстрациями

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ФЕДЕРАЦИЯ“
МОСКВА

„МОСПОЛИГРАФ“
14-я типография,
Варгункина гора, д. 8.
Главит А-17332. Зак. 1213
Тираж 5.000 1928
Фосп № 118

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пушкиноведение, как научная дисциплина, не как любительство, живет совсем не долгий век. Исследователи ведут работу в разных разветвлениях, изучают тексты, создают биографический комментарий, занимаются формальным анализом, литературной историей произведений, историей творчества поэта. Не приходится отрицать значение исследовательских работ, предпринятых в этих направлениях, но они не покрывают всех тех заданий, которые можно предъявить в настоящее время к пушкиноведению. Возможны и необходимы иные пути изучений. Пора перейти к широкому выяснению устоев жизни и творчества Пушкина, к анализу той социальной обстановки, в которой складывалось художественное восприятие Пушкина.

Пушкин и крепостное право, помещичьи отношения Пушкина — тема совершенно неизбежная, но еще не поставленная в науке. На рассуждениях о крепостном быте Пушкина лежит штамп, стирающий содержание

термина. В повседневной жизни мы не чувствуем и не оцениваем давления воздуха; так точно биографы и исследователи Пушкина оставили без всякого расследования вопрос о давлении крепостной атмосферы на жизнь и творчество поэта.

Задача настоящей работы—поставить вопрос о помещицьем быте Пушкина, о Пушкине и мужиках, и дать почувствовать это давление крепостной атмосферы. Я считал свою задачу выполненной, если бы моя работа вызвала некоторый поворот в тематике пушкиноведения и привлекла внимание исследователей к изучению до сих пор не использованных материалов с хозяйственным и экономическим содержанием.

На таких неизданных материалах основана и настоящая моя работа. Мною изучены рукописные фонды, хранящиеся в Пушкинском доме (остатки вотчинного архива Болдинского имения; дела, поступившие сюда из Лукьяновского и Сергачского земских судов и дворянских опеки), в театральном музее имени А. А. Бахрушина (архив опеки над детьми и имуществом Пушкина) и находящиеся в моем распоряжении (остатки архива опеки над детьми и имуществом Пушкина и бумаги Пушкина), и отдельные рукописные материалы из различных собраний. Извлечение из моей работы появилось в журнале „Новый Мир“ (1927, июль, август).

За некоторые полезные указания, сделанные мне за время работы Б. Л. Модзалевским и Е. А. Придворовым, я должен благодарить последнего и выразить мою признательность памяти первого.

1 мая 1928 г.

П. Щеголев.

ГЛАВА ПЕРВАЯ
КРЕПОСТНАЯ ЛЮБОВЬ ПУШКИНА

*„Эпизоды. (Пельмов уезжает в деревню.—
Смерть отца его.— Эпизод крепостной любви“.)*

Из программы к роману „Русской Пелан“
А. П у ш к и н

Сельцо Михайловское

С натуры, рис. землемера Иванова

I

Из села Михайловского, где Пушкин отбывал годы ссылки (1824—1826), по прекрасной дороге, вдоль озера, рукой подать в имение Петровское. Здесь, в двадцатых годах прошлого столетия, повелевая своими крепостными рабами, хозяйничал и доживал свои дни помещик Петр Абрамович Ганнибал, старший представитель расплодившейся в Псковской губернии с половины XVIII века „ганнибаловщины“. Шел ему восьмой десяток, и был совершенно черен этот потомок абиссинских владык, внук владетельного князя в Северной Абиссинии, имевшего во второй половине XVII века резиденцию на абиссинском плоскогорье Хамассен, на берегах Мареба, в Логоне, и сын арапа Петра Великого, Ибрагима (Абрама), в детском возрасте взятого в аманаты (заложники) ко двору турецкого султана и отсюда выкраденного в арапчага русскому царю. Племянница помещика имения Петровского — Надежда Осиповна Ганнибал — была матерью Пушкина.

С Ганнибалами, родственниками по матери, Пушкин познакомился впервые в июле 1817 года, когда, почти сейчас же по окончании обучения в лицее, уехал в Михайловское—имение матери. В 1824 году Пушкин, пребывая в Михайловском уже на положении ссыльного, занялся записками своей жизни и 19 ноября вспомнил первое посещение Петровского: „Вышед из лицея, я почти тотчас уехал в псковскую деревню моей матери. Помню, как обрадовался сельской жизни, русской бане, клубнике и проч... но все это нравилось мне недолго. Я любил и донныне люблю шум и толпу и согласен с Вольтером в том... деревня est le premier“... На оборотной стороне этого клочка, единственного, уцелевшего от записок Пушкина, веденных в Михайловском, сохранилось несколько строк о посещении деда Ганнибала в Петровском: „... попросил водки. Подали водку. Налив рюмку себе, велел он и мне поднести, я не поморщился—и тем, казалось, чрезвычайно одолжил старого арапа. Через четверть часа он опять попросил водки—и повторил это раз пять или шесть до обеда. Принесли... кушанье. Поставили“¹. Анненков дал сочный комментарий к этой записи Пушкина: „Забавно, что водка, которой старый арап потчевал тогда нашего поэта, была собственного изделия хозяина: оттуда и удовольствие его при виде, как молодой родственник умел оценить ее и как развязно с нею справлялся. Генерал-от-артиллерии, по свидетельству слуги его, Михаила Ивановича Калашникова, которого мы еще знали, занимался на покое перегоном водок и настоек, и занимался без усталы, со страстью. Молодой крепостной человек был его помощником в этом деле, но, кроме того, имел еще и другую должность. Обучен-

¹ Цитирую по подлинному автографу, воспроизведенному Анненковым не совсем полно. Находится ныне в т. н. Майковском собрании в рукописн. отдел. библиотеки Академии Наук СССР.

ный через посредство какого-то немца искусству разыгрывать русские песенные и плясовые мотивы на гуслях, он погружал вечером старого арапа в слезы или приводил в азарт своей музыкой, а днем помогал ему возводить настойки в известный градус крепости, при чем раз они сожгли свою дистилляцию, вздумав делать в ней нововведения, по проекту самого Петра Абрамовича. Слуга поплатился за чужой неудачный опыт собственной спиной, да и вообще, — прибавлял почтенный старик Михаил Иванович, — когда бывали сердиты Ганнибалы, все без исключения, то людей у них выносили на простынях. Смысл этого крепостного термина достаточно понятен и без комментариев¹.

II

9 августа 1824 года Пушкин прибыл на место своей ссылки — в имение матери, в сельцо Михайловское. Здесь он застал в сборе всю семью — „дражайших“ отца и мать, брата Льва, „потешного 19-летнего юнца“, сестру Ольгу, „27-летнее небесное создание“. Пушкины ютились в старом барском доме, одноэтажном, деревянном, на каменном фундаменте. Устраивал и обставлял дом в половине XVIII века самый грозный из Ганнибалов — прадед Пушкина Осип Абрамович. Крепостное хозяйство Пушкиных было незначительно. Правда, земли было много. При селе Михайловском с рядом деревень, из которых некоторые по временам существовали только по имени (население переводилось в другие), — Касохново, Поршугово, Лаптево, Вороново, Морозово, Махнино, Лежнево, Цыболово, Брюхово, полусельцо Рыццово, — числилось 1.965 десятин, в том числе пахотной — 848, под покосом — 216, под лесом — 320, под озерами — 471, под мызою, деревнями,

¹ П. Анненков, А. С. Пушкин в Александровскую эпоху, 1799—1826, Спб. 1874, стр. 11—12.

огородами, ручьями и дорогами—108¹. И на этом пространстве, кроме господ, обитало дворовых и крестьян по 7-й ревизии 1816 года — мужск. пола — 88, женск. пола—99, а по 8-й ревизии 1833 года—80 муж. и 100 женск. пола. Господской запашки было 71 десятина. На мужиков нажим был большой: в 1836 году 80 ревизских душ держали 67 тягол—32 в барщине, 13 в оброке и 22 в подушном. Дворни в 1816 году при барском доме было всего 31 человек, 12 мужчин и 19 женщин, в 1825 году—13 мужчин и 16 женщин². Старые Пушкины были помещиками беспечными и нерадивыми, в хозяйство они не входили и во всем полагались на лиц, ими поставленных и облеченных доверием. А их доверенные не особенно радели о хозяйском интересе и больше думали о собственном обогащении, чем о пополнении хозяйского сундука. В 1824 году приказчиком или, выражаясь высоким штилем, управляющим был Михайло Иванов Калашников, уже известный нам крепостной гусяр и усладитель досугов Петра Ганнибала, у которого он прошел хорошую крепостную школу и, кроме того, научился самогонному

¹ Любопытно, что еам Пушкин, да, очевидно, и другие Пушкины, полагали в Михайловском 700 десятин, и только в 1836 году Павлицев, муж сестры Ольги Сергеевны, выяснил по планам и межевым книгам настоящее количество земли и отписал об этом Пушкину. См. „Переписка Пушкина“, т. III, стр. 346, № 1 044. Я беру цифры десятин отсюда, опуская сажени.

² Цифры ревизии 1816 года—по ревизским сказкам, хранящимся в Псковском губархиве; цифры ревизии 1833 года взяты из описи с. Михайловского, составленной исправником Васюковым по требованию опеки в 1838 году. Число дворни в 1825 году из росписи церкви погоста Воронича, использованной в статье прот. В. Д. Семиречанского „Дворовые и соседи Пушкиных в Михайловском в 1825 г.“ в книге „Из псковской старины“, I, Псков 1916, стр. 15—16. Данные о числе душ и размерах поместья, приведенные здесь, явно не точны. Много подробностей о хозяйстве с. Михайловского в письмах Н. И. Павлицева к Пушкину в III томе „Переписки“.

делу. В 1824 году было ему лет за 50, жил он в Михайловском с своей женой Василисой Лазаревной: она была на три года моложе его. У него была большая семья. Сыновья работали и жили на стороне. Только старший Федор в это время (1824—1825 годы) был при нем с своей женой. За Федором шли Василий, Иван, Петр, Гаврила. Была и дочь.

Калашников был особенно доверенным человеком Сергея Львовича Пушкина и семьи Пушкиных. Кроме Калашникова, важным лицом в хозяйственной жизни Михайловского имения была Роза Григорьевна, домоправительница или экономка, поставленная на эту должность матерью Пушкина. Не последняя спица в хозяйственной колеснице была и знаменитая Арина Родионовна, няня Пушкина. Она смотрела за дворовыми девушками, работавшими в барском доме, ткавшими и вышивавшими господские уроки. В старостах во время пребывания Пушкина в Михайловском ходил мужик Архип; через него приводились в подчинение михайловские мужики.

В состоянии крайнего возбуждения, раздраженный и озлобленный, прибыл Пушкин в Михайловское — из шумного города, от моря, от голубого неба полудня — в далекий северный уезд, под пасмурное осеннее небо, в страну докучливого дождя, в глухую деревушку.

... Слезы, муки,
Измена, клевета, все на главу мою
Обрушилось вдруг... Что я, где я? Стою,
Как путник, молнией постигнутый в пустыне,
И все передо мной затмилось!

Много лет спустя, в сентябре 1835 года, посетив Михайловское, Пушкин вспомнил, с какими чувствами он прибыл в Михайловское и жил первое время... „Я видел изменника в товарище минутном... всяк передо мной

казался мне изменник или враг... был ожесточен... бурные кипели в сердце чувства, и ненависть, и грезы мести бледной“¹...

Запутанный клубок чувств обуревал душу Пушкина. Муки ревности, страдания и горести любви, оборванной насильственной рукой, раны самолюбия, глубоко уязвленного, разбитые мечты о свободе, о бегстве за границу — на фоне хмурой реальной псковской действительности выливаются в безмерное чувство скуки. „Бешенство скуки сдает мое глупое существование“, — писал Пушкин княгине В. Ф. Вяземской через два месяца после приезда.

Семейная обстановка, в которую попал Пушкин, совсем не содействовала смягчению настроения, успокоению. „Приехав сюда, был я всеми встречен как нельзя лучше, но скоро все переменялось“. Главная основа семейного раздора Пушкина с отцом коренилась в полной их отчужденности. П. А. Осипова, отлично знавшая семью Пушкиных, верно заметила: „Причина вечных между ними несогласий есть страшная мысль, которая, не знаю от чего, вселилась с обеих сторон в их умах. Сергей Львович думает, и его ничем нельзя разуверить, что сын его не любит, а Александр уверен, что отец к нему равнодушен и будто бы не имеет попечения об его благосостоянии“². Так оно и было: отец и сын не любили друг друга и просто были весьма равнодушны друг к другу. В 1824 году действие этой основной причины несогласий было усугублено ссыльным, поднадзорным положением Пушкина. Родители Пушкина были крепко испуганы отношением правительства к сыну, они боялись, как бы подозрительное и опасное недружелюбие официальных сфер каким-либо углом не задело их. Сергей Львович, благонадежный дворянин, известный в губернии

¹ Черновик к „Вновь я посетил“, быв. Рум. музей, тетрадь №2384, л. 40.

² „Русский Архив“ 1872, стр. 2360.

как по „добронравию“, так и по „честности“, имел слабость принять от предводителя дворянства поручение смотреть за сыном и давать отчет о его поведении... Понятно, что жизнь в семейном кругу стала в известном смысле адом для Пушкина. „От этого происходит то, что я провожу верхом и в полях все время, что я не в постели“. Натянутые отношения привели к грандиозной скандальной сцене между отцом и сыном. Отец громко вопил, что сын его бил, хотел бить, замахнулся, мог прибить, а сын готов был просить по начальству о переводе его из Михайловского в одну из крепостей. Дело могло кончиться плохо для Пушкина, но вмешались П. А. Осипова, В. А. Жуковский, и, наконец, благоразумие самого Пушкина одержало верх. Семейная склока завершилась полным разрывом отношений отца и сына, и надолго. В сущности, у Пушкина никакого сближения с отцом и не произошло. В начале ноября двинулся из Михайловского Лев Пушкин, через несколько дней — сестра Ольга; ее отвез в Петербург приказчик Михайло Иванович. Пушкин перенес на время свою резиденцию в Тригорское к П. А. Осиповой и в Михайловском после отъезда сестры и брата бывал редко. Наконец, 18—19 ноября покинули свое имение и старики Пушкины.

III

Поэт остался один; настало некоторое успокоение его раздраженным нервам. Он возвратился к своим художественным работам, и даже „скука — холодная муза“ не помешала расцвету творчества. Жизнь вступала в размеренный круг. Сократились его путешествия в Тригорское, где с нетерпением всегда ждал его женский цветник — сама П. А. Осипова, 43-летняя вдовушка, и девушки, девушки без конца, дочери от первого брака с Вульф — Аннета и Евпраксия, падчерица по второму браку Але-

ксандра Ивановна, племянницы — Netty (Анна Ивановна, впоследствии по мужу Трувеллер), Анна Петровна Керн. Тригорское и женщины Тригорского прославлены в биографии Пушкина, быть может, в такой мере, какая действительностью не оправдывается. Надо вспомнить трезвое слово Анненкова: „Всех женщин Тригорского Пушкин почтил стихотворными изъяснениями, похвалами, признаниями и проч. Пусть же читатель представит себе деревянный, длинный одноэтажный дом, наполненный всей этой молодежью, весь праздный шум, говор, смех, гремевший в нем круглый день от утра до ночи, и все маленькие интриги, всю борьбу молодых страстей, кипевших в нем без усталости. Пушкин был перенесен из азиатского разврата Кишинева прямо в русскую помещичью жизнь, в наш обычный тогда дворянский сельский быт, который он так превосходно изображал потом. Он был теперь светилом, вокруг которого вращалась вся эта жизнь, и потешался ею, оставаясь постоянно зрителем и наблюдателем ее, даже и тогда, когда все думали, что он без оглядки плывет вместе с нею... С усталой головой являлся он в Тригорское и оставался там по целым суткам и более, приводя тотчас в движение весь этот мир... Пушкин остается хладнокровным зрителем этих скоропреходящих бурь, спокойно и даже насмешливо отвечает на жалобы их жертв и, как ни в чем не бывало, погружается в свои занятия, соображения, чтения“¹.

Но необходимо здесь же отметить, что первые месяцы пребывания в Михайловском Пушкин удалялся в Тригорское не потому, что его уж так влекло туда, а, пожалуй, единственно по той причине, что уж очень тяжела была ему жизнь на лоне семьи. Он спасался в Тригорское от бла-

¹ П. Анненков, Пушкин в Александровскую эпоху, Спб. 1874, стр. 281—282.

гонравнейшего родителя, но еще не почувствовал вкуса ж тригорским барышням, и его отзывы о них этого времени резки и беспощадны. Так, около 15 октября он написал Вяземской о дочерях П. А. Осиповой, что они довольно дурны во всех отношениях и играют ему Россини; а в начале декабря он доводил до сведения сестры, что ее тригорские приятельницы несносные дуры, кроме матери¹.

После отъезда родных уединение Пушкина, по его собственному выражению, стало совершенным. Пушкин занял в родительском доме одну комнату, с окном на двор. Вход к нему был прямо из коридора, а в коридор входили через крыльцо. Режим экономии заставил няню Пушкина воздержаться от отапливания остальных комнат дома и между ними большого зала с билльярдом, на котором Пушкин любил играть в два шара. Отапливалась еще одна комната по другую сторону коридора, дверь против двери комнаты Пушкина. Здесь жила сама няня, и здесь же работали на пяльцах крепостные швеи под ее началом.

В позднюю осень и зиму 1824 года день Пушкина складывался так: „До обеда пишу записки, обедаю поздно; после обеда езу верхом, вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки!.. Каждая есть поэма“. Почти то же писал Пушкин через месяц. „Соседей около меня мало, я знаком только с одним семейством (Осиповой, в Тригорском), и то вижу его довольно редко — совершенный Онегин — целый день верхом — вечером слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны. Она единственная моя подруга — и с нею только мне не скучно...“².

¹ Переписка, I, стр. 137, № 99, и стр. 154, № 113.

² Переписка, I, стр. 140, № 101, и стр. 154, № 112.

Но в это время оживляется его переписка, и тон ее меняется. Правда, попадаются еще редкие напоминания о скуке, больше, так сказать, по обязанности ссыльного. Но они оттесняются на задний план энергичными и живыми выражениями чувств. Какой-то новый прилив уверенной бодрости! Ожили вновь литературные интересы. Пушкин засыпает брата, своего постоянного корреспондента и комиссионера, просьбами о книгах, запросами о литературных друзьях. Книги и вещи, о которых писал в это время Пушкин брату, должен был доставить Михайло. Этот михайловский приказчик, отвезший сестру поэта в Петербург, застрял там, был свидетелем знаменитого наводнения, вернулся только в начале декабря и доставил все благополучно. Только библии и перстня не вручил ему Лев Сергеевич. А Пушкин так просил брата прислать перстень. „Грустно без перстня, рискни с Михайлом“, но Лев Сергеевич не рискнул.

IV

В зимнем одиночестве нетопленного барского дома, внимание Онегина — нет, Пушкина (а ведь с себя писал он Онегина!) — потянулось через коридор в комнату няни, к пядьцам, над которыми мелькали руки крепостных подданных, и избрало одну из дворовых девушек. Она показалась Онегину, — т. - е. Пушкину (а Онегин был соблазнителем!), — доброй, милой, очень милой, она понравилась Пушкину. Но ведь она была крестьянка. Что ж? Не все ли равно? 8 декабря Пушкин писал приятелю Родзянке, очень плохому поэту, трудившемуся над романтической поэмой „Чуп“: „... Поговорим о поэзии, т. - е. о твоей. Что твоя романтическая поэма Чуп? (Злодей, не мешай мне в моем ремесле — пиши сатиры хоть на меня; не перебивай мне мою романтическую лавочку.) Кстати: Баратынский написал поэму (не прогневайся)

про Чухонку (и эта Чухонка, говорят, чудо, как мила!)— А я про Цыганку; какво! Подавай же нам скорее свою Чупку — ай да Парнас! ай да Героини! ай да честная компания! Воображаю, Аполлон, смотря на них, закричит: зачем ведете мне не ту? А какую же тебе надобно, проклятый Феб? Гречанку? Итальянку? Чем их хуже Чухонка или Цыганка (.....) одна — (...)! оживи лучом вдохновения и славы¹.

Так вот Пушкин и оживил лучом вдохновения и славы милую и добрую крестьянскую девушку, склонившуюся над пальями. Лицейский друг Пушкина Пушин навестил ссыльного поэта в Михайловском в январе 1825 года и подметил увлечение Пушкина. После первых восторгов радостной встречи друзья обнялись и пошли ходить: обоим нужно было вздохнуть. Пушин вспоминает: „Вошли в нянину комнату, где собрались уже швеи. Я тотчас заметил между ними одну фигурку, резко отличавшуюся от других, не сообщая, однако, Пушкину моих заключений. Я невольно смотрел на него с каким-то новым чувством, порожденным его исключительным положением: оно высоко ставило его в моих глазах, и я боялся оскорбить его каким-нибудь неуместным замечанием. Впрочем, он тотчас прозрел шаловливую мою мысль, улыбнулся значительно. Мне ничего больше не нужно было; я, в свою очередь, моргнул ему, и все было понято без всяких слов. Среди молодой своей команды няня преважно разгуливала с чулком в руках. Мы полюбовались работами, побалагурили и возвратились во-свояси. Настало время обеда. Алексей (человек Пушина) хлопнул пробкой, начались тосты за Русь, за лицей, за отсутствующих друзей и за „нее“. Незаметно полетела в потолок и другая пробка. Попотчевали искрометным няню, а всех других хозяйской наливкой. Все домашние несколько развесели-

¹ Переписка, I, стр. 157, № 114.

лись, кругом нас стало пошумней, праздновали наше свидание“¹.

Кроме этого свидетельства Пушкина о начальной стадии крестьянского романа, мы располагаем еще одним, относящимся уже к заключительной стадии и идущим от самого Пушкина. Роман завершился или был прерван (не знаю, что вернее) беременностью девушки, и Пушкину пришлось принять меры. В начале мая 1826 года Пушкин отправил подругу к князю Вяземскому, другу и приятелю, с следующим письмом: „Письмо это тебе вручит очень милая и добрая девушка, которую один из твоих друзей неосторожно обрюхатил. Полагаюсь на твое человеколюбие и дружбу. Приюти ее в Москве и дай денег, сколько ей понадобится, а потом отправь в Болдино (в мою вотчину, где водятся курицы, петухи и медведи). Ты видишь, что тут есть о чем написать, целое послание во вкусе Жуковского о попе; но потомству не нужно знать о наших человеколюбивых подвигах². При сем с отеческой нежностью прошу тебя позаботиться о будущем малютке, если то будет мальчик. Отсылать его в воспитательный дом мне не хочется, а нельзя ли его покамест отдать в какую-нибудь деревню, хотя бы в Остафьево³. Милый мой, мне совестно, ей-богу, но тут уж не до совести!“

Ответ Вяземского на это письмо последовал 10 мая, но он разошелся с новым письмом Пушкина к Вяземскому, письмом, в котором поэт спрашивал приятеля: „Видел ли ты мою Эду? Вручила ли она тебе мое пись-

¹ И. И. Пушкин, Записки о Пушкине, ред. С. Я. Штрайха, М. 1927, стр. 127.

² Намек на послание Жуковского о попе непонятен. Такое послание нам неизвестно. Срвн. Письма Пушкина, ред. Модзалевского, т. II, стр. 153.

³ Остафьево — имение князя Вяземского.

мо? Не правда ли, что она очень мила?“. Стоит привести и заключительные строки письма Пушкина, которые дают поучительный материал для своевременных размышлений: „Правда ли, что Баратынский женится? Боюсь за его ум. Законная... род теплой шапки с ушами. Голова вся в нее уходит. Ты, может быть, — исключение. Но и тут я уверен, что ты гораздо был бы умнее, если лет еще 10 был холостой. Брак холостит душу...“.

Вяземский оказался еще рассудительнее Пушкина. Он ответил: „Сей час получил я твое письмо, но живой червоточкой грамоты твоей не видал, а доставлено оно мне твоим человеком. Твоя грамота едет завтра с отцом своим и семейством в Болдино, куда назначен он твоим отцом управляющим. Какой же способ остановить дочь здесь и для какой пользы? Без ведома отца ее сделать этого нельзя, а с ведома его лучше же ей быть при семействе своем. Мой совет — написать тебе полулюбовное, полураскаятельное, полупомещичье письмо блудному твоему тестю, во всем ему признаться, поручить ему судьбу дочери и грядущего творения, но поручить на его ответственность, напомнив, что некогда волею божиею ты будешь его барином и тогда сочтешься с ним в хорошем или дурном исполнении твоего поручения. Другого средства не вижу, как уладить это по совести, благоразумию и к общей выгоде. Я рад был бы быть восприимчиком и незаконного твоего Бахчисарайского фонтана, но страх завязать новую классико-романтическую распрю, хотя бы с Сергеем Львовичем или с певцом. Буянова, но оно не исполнительно и не удовлетворительно ¹.

¹ Отец „Эды“ был крестьянином родителей Пушкина и по наследству мог перейти в крепость к Пушкину. На это и намекает Вяземский. А беременная „Эда“ принадлежала тоже отцу Пушкина, вернее матери. Певец Буянова — Василий Львович Пушкин. В это время В. Л. и С. Л. были совладельцами Болдина.

Другого делать, кажется, нечего, как то, что я сказал, а во всяком случае мне остановить девушки (ou peu s'en faut) нет возможности“.

Пушкин внял советам друга. 27 мая он писал Вяземскому из Пскова: „Ты прав, любимец муз,—воспользуюсь правами блудного зятя и грядущего барина и письмом улажу все дело. Должен ли я тебе что-нибудь или нет? Отвечай. Не взял ли с тебя чего-нибудь мой человек, которого я отослал от себя за дурной тон и за дурное поведение?“¹.

Этими свидетельствами и исчерпываются все наши сведения о крестьянском романе Пушкина. К ним, пожалуй, нужно прибавить еще одно, правда, внушающее мне некоторое недоверие по соображениям хронологическим, упоминание, сделанное И. П. Липранди. Он передает слова Льва Пушкина, приурочивая их к 1826 году: „Лев Сергеевич сказал мне, что брат связался в деревне с кем-то и обращается с предметом — уже не стихами, а практической прозой“².

¹ Сообщения о беременной девушке в „Переписке“, I, стр. 345, № 251; 346, № 253; 349, № 255; 351, № 257. На подлинном письме Пушкина, содержащем первое известие, Вяземский написал: „Не печатать“.

² „Русский Архив“ 1866, стр. 1 488 — 1 489. Полемизируя со мной, Вересаев утверждает: „Хронологически свидетельство Липранди говорит как бы против гипотезы Щеголева, а потому Щеголев устраняет его“ („Печать и Революция“ 1928, кн. 3). Во-первых, свидетельство Липранди вовсе не говорит против моей гипотезы, а, наоборот, подкрепляет; во-вторых, я не пользуюсь им из осторожности, потому что оно заключает неприемлемые хронологические даты. Беседы с семьей Пушкиных, передаваемые в записях Липранди, относятся к первой половине 1826 г. Вересаев пишет, что в апреле 1826 г. Липранди был по делам службы в Петербурге, но, если бы Вересаев гнался за точностью своих утверждений, он бы этого не написал. „В апреле 1826 г. я приехал в Петербург“, пишет сам Липранди — и только. Но почему же Вересаев полагает, что это путешествие было по „делам службы“? На самом деле, и Липранди запомнил довольно крупный факт своей жизни. Он был арестован по оговору одного из декабристов Комарова, привезен в С.-Петербург и содержался здесь на главной гауптвахте с 1 фев-

Но почему я думаю, что в рассказе Пушкина от января 1825 года и в переписке Пушкина с Вяземским от мая 1826 года идет речь об одной и той же девушке? Быть может, Пушкин видел одну девушку, а к Вяземскому Пушкин отсылал другую? Быть может, надо с места говорить о двух крепостных романах? Такие вопросы могут быть поставлены с полным основанием. Они и были предложены В. В. Вересаевым сначала в заседании Пушкинской комиссии Общества Любителей Российской Словесно-

раля по 19 февраля, когда был освобожден с аттестатом, а 11 мая ему было пожаловано за эту неприятность 2 000 руб. (Центрархив, Восстание декабристов, т. VIII. Алфавит декабристов, под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, стр. 343). Из Петербурга Липранди, по его словам, должен был, по поручению графа Воронцова, внезапно уехать в Аккерман для некоторых приготовлений к имевшемуся быть там конгрессу. Русско-турецкие переговоры в Аккермане под руководством графа Воронцова и графа Рибоьера, открылись 1 (13) июля 1826 года (Н. К. Ш и л д е р, Имп. Николай I, его жизнь и царствование, т. I, Спб. 1903, стр. 415). Соображая цель поездки — для некоторых приготовлений — и огромное расстояние до Аккермана, надо отнести отъезд Липранди на начало июня. Таким образом определяются точно даты того периода, в который происходили беседы Липранди с Пушкиным. Но содержание бесед не соответствует хронологическим датам. Старик Пушкин рассказывал Липранди о том, что Бенкендорф сделал Льву Пушкину предложение вступить юнкером в формировавшийся тогда дивизион жандармов. Лев как будто сдавался, а старик и слышать не хотел, а затем внимание старика обратили на то, что отказ Льва может оскорбить Бенкендорфа и послужить препятствием к облегчению участи Александра Сергеевича. Липранди вспоминает, как все в семье Пушкиных были обрадованы согласием Льва и как дней через десять пришел к нему Лев уже в военной форме. Но хронология такова. 25 июня 1826 г. состоялся приказ, назначавший ген.-ад. Бенкендорфа шефом жандармов и командующим императорской главной квартирой, а 3 июля последовал указ, которым упразднилась особая канцелярия министерства внутренних дел и учреждалось Третье отделение собств. е. в. канцелярии (Там же, стр. 464—465). Если бы и были какие-либо предло-

сти, где я докладывал свою работу, а затем в печати¹. В моем построении это место уязвимое. Математических доказательств единства лица у меня нет, но соображения порядка психологического я могу выставить. Мое мнение опирается на общее представление о личности Пушкина: разные стороны жизни Пушкина и с разных точек зрения освещены в многочисленнейших свидетельствах современников, его друзей, врагов, родственников, но на основании изучения всего этого материала я могу достоверно утверждать, что я не знаю за ним одной славы — славы профессионального растлителя дворовых девок. Если девушка в рассказе Пушкина одна, а в переписке Пушкина с Вяземским — другая, то уж, конечно, Пушкин был крепостным развратником — что ни год, то новая девка — и такая худая слава не лежала бы, а облетала окрестные деревни, сохранилась бы в памяти современников, и уж Вульф — то, обильно практиковавший право первой ночи в своих крепостных доменах, не преминул бы изложить и пушкинские подобные случаи, а даже у этого специалиста по крепостной клубничке таких указаний нет, но их вообще нет. Общее же представление Вересаева о Пушкине в любовном быту иное. У него навязчивая идея о цинизме Пушкина; не обнаруживая большой прожениы со стороны Бецендорфа Льву Пушкину по жандармской части, то Липранди не мог бы быть их свидетелем. И уже совсем не могло быть в указанный хронологический период появления Льва Сергеевича у Липранди в военной форме, так как Лев Пушкин состоял на гражданской службе до 24 октября 1826 года, когда и был уволен в отставку, а в военную он вступил 14 марта 1827 года юнкером в Нижегородский драгунский полк. Для Вересаева Липранди — свидетель чрезвычайно достоверный, и у него нет никакого основания заподозривать правдивость его сообщений, а к критическим разысканиям он не склонен и не способен, а на поверку выходит: не всякому слуху верь, если даже он идет от Липранди...

¹ „Печать и Революция“ 1928, кн. 3: „Заметки о Пушкине. Крепостной роман Пушкина“. Сравни мой ответ там же, кн. 5—6.

ницательности и разнообразия, Вересаев и нас хочет уверить в том, что едва ли не самой отличительной, во всяком случае не редкой чертой отношений Пушкина к женщинам был исключительный цинизм. Правда, утверждения Вересаева о цинизме Пушкина, в конце концов, аргументированы не обстоятельно, но, при наличии такого воззрения на природу любовной стихии Пушкина, наши соображения о неприемлемости двух крепостных романов, конечно, не имеют для него силы. Тут расхождение в основных взглядах.

Вересаев пытается основать свою точку зрения и обращается к анализу источников; его интерпретация рассказа Пущина отличается критической беспомощностью, но поражает неожиданностью¹. В общем же может служить показательной: именно так интерпретировать не годится. Приходится поэтому вернуться к рассказу Пущина. По доброму филологическому обычаю не начинать с контекста. Берем рассказ о посещении няининой комнаты, которая служила и девичьей: всего-то в доме отапливались две комнаты, отделенные коридором одна от другой, самого Александра Сергеевича и няни. С утра, с момента приезда Пущина, поэт и его друг-гость вели беседу о прошлом, о настоящем, о политическом положении. В глазах Пущина Пушкин вырос, он был признанным врагом правительства, политическим ссыльным. „Вообще, Пушкин показался мне несколько серьезнее прежнего, сохраняя однако ж ту же веселость; может быть, самое положение его произвело на меня это впечатление“,—пишет Пущин. Разговор зашел о тайном обществе, Пущин признался Пушкину в своей принадлежности к нему. Пушкин разволновался. „Я не заставляю

¹ Толкование рассказа Пущина Вересаев дал впервые в своей статье „Об автобиографичности Пушкина“ в журнале „Печать и Революция“ 1925, кн. 5—6, стр. 32—33.

тебя, любезный Пушкин, говорить. Может быть, ты и прав, что мне не доверяешь. Верно, я этого доверия не стою, — по многим моим глупостям“, — сказал Пушкин другу. „Молча, я крепко расцеловал его, — вспоминает Пушкин, — мы обнялись и пошли ходить: обоим нужно было вздохнуть“. Непосредственно за этой фразой идет интересующее нас место: „Вошли в нянину комнату, где собрались уже швеи. Я тотчас заметил между ними одну фигурку, резко отличавшуюся от других, не сообщая, однако, Пушкину моих заключений. Я невольно смотрел на него с каким-то новым чувством, порожденным исключительным положением: оно высоко ставило его в моих глазах, и я боялся оскорбить его каким-нибудь неуместным замечанием. Впрочем, он тотчас прозрел шаловливую мою мысль, улыбнулся значительно. Мне ничего больше не нужно было; я, в свою очередь, моргнул ему, и все было понято без всяких слов“.

Все просто и ясно в этом рассказе. Вошли в девичью, и Пушкин сразу приметил одну фигурку среди крепостных швей: уж очень резко отличалась она от других... чем? да своею внешностью, своим милым видом, своею привлекательностью! Пушкин, сам большой ходок по женской части, сразу остановил свое внимание на крепостной девице — такую трудно пропустить, — посмотрел на нее, вспомнил любовные шалости в дни общей юности, прелесть-польку Анжелику, и заключение сразу созрело: тут не без любовного приключения — такую трудно пропустить. Но задать вопроса не решился. Сознывая исключительность положения Пушкина, проникнувшись чувством уважения к этому новому для него Пушкину, Пушкин после беседы о важных материях счел неделикатным и нетактичным повернуть разговор на шалости любви. Он посмотрел на Пушкина и увидел, что Пушкин прозрел его шаловливую мысль и улыбнулся. Пушкин поймал

Пушкина: он удостоверился, что тут любовная игра. Все было понято без слов. Вот весь ясный смысл рассказа Пушкина.

Но что сделал Вересаев с этим тонким и прелестным воспоминанием о сцене без слов в девичьей барского дома сельца Михайловского? Он опрокинул на голову все вещи в своем толковании. Вот оно, неожиданное и поразительное своей свежей наивностью:

„В толковании Щеголева остается совершенно непонятным,—чем привлекла к себе внимание Пушкина „фигурка“ одной из швей? Почему привлекла внимание именно фигурка, а не лицо? Какие „заключения“ делает Пушкин, глядя на девушку, почему боится „оскорбить“ Пушкина своей догадкой? Что такое было понято без всяких слов? Ясно, что девушка была беременна. Замужние женщины обычно уже не работали с дворовыми девушками,—и вполне естественна была его догадка. И он взглядом спросил Пушкина: „что, брат, твое дело?“ И Пушкин в ответ улыбнулся значительно: „мое!“ Дело происходило 11 января 1825 года. Пушкин прибыл в Михайловское 9 августа 1824 года. Максимальный срок—пять месяцев. А как раз для „легкого“, „физиологического“ сближения много времени не требовалось, особенно для такого мастера в любовных делах, каким был Пушкин“.

„При своем внимании—как представляет себе Щеголев в подробностях сцену, описываемую Пушкиным? Фигурка девушки привлекла к себе внимание Пушкина—чем? Своей необычайной красотой, изяществом? Какова была „шаловливая мысль“ Пушкина, которую прозрел Пушкин? Неужели такая: „надеюсь, ты такой красотишки не пропускаешь своим вниманием?“ И Пушкин ему в ответ: „дурака нашел! Конечно, не пропускаю!“ Неужели это соответствует стилю отношений между Пушкиным и Пушкиным при встрече их в Михайловском?“

Вот это называется, озарило! Ну, вопросы, направленные по моему адресу и повергающие Вересаева в недоумение, можно отставить; в моем объяснении отрывка Пущина даны простые и исчерпывающие ответы, построенные исключительно на правильном чтении и толковании текста. Попробую теперь подойти к существу открытия Вересаева и воспользуюсь соображениями вне текста, так сказать, со стороны. Итак, девушка была беременна, что Пущин сразу и заметил. Молодая команда, среди которой важно прогуливалась няня с чулком, была многочисленна. Дворовых девушек в селце Михайловском было немного; если всех-то девиц сосчитать, пользуясь ревизскими сказками VII ревизии 1816 года, так их наберется в 1824—1925 годах в возрасте от 10 до 30 лет 8 человек: Агафья, Анны Ивановой дочь, 21 года, да Аграфена, Михайлы Григорьева, 19 лет, да Дарья, вдовы Степаниды Петровой,—27 лет, да Василиса, племянница вдовы Ульяны Григорьевой,—27 лет, да Ольга, дочь Ивана Максимова,—14 лет, да другая Ольга, Михайлы Иванова, 19 лет, да девчонки по 11 году—Катерина, Егора Федорова дочь, и сестра Дарьи—Анна. Может быть, еще прибавить двух-трех. Вот и вся команда. Пущин, как вошел, так тотчас, так тотчас и заметил беременную девушку. Если никогда не видал ее раньше и тотчас заметил, значит внешние признаки бросались в глаза, живот выдавался даже под крестьянским сарафаном, как известно, форм не облегающим, а скрывающим их. На каком же месяце Пущин застиг беременную девушку? Вересаев правильно приводит даты приезда Пушкина в Михайловское 9 августа 1824 года и посещения Пущина 11 января 1825 года, и устанавливает пятимесячный срок беременности для девушки, исходя, очевидно, из непреклонного убеждения, что первым делом Пушкина по прибытии в Михайловские сени было рас-

тление крепостной девицы. Как это, однако, соответствует психическому состоянию, в котором пребывал Пушкин в первые дни жизни в Михайловском!

...Слезы, муки,
Измена, клевета, все на главу мою
Обрушилось вдруг... Что я, где я? Стою,
Как путник, молнией постигнутый в пустыне,
И все передо мной затмилось!

Но пусть точка в точку пять месяцев, если этого желает пушкинист Вересаев! Но врач Вересаев сочтет ли возможным утверждать, что не акушер, не медик, а просто молодой человек, в роде Пушина, может сразу по первому взгляду опознать беременность пяти месяцев, да еще женщины, рожаящей в первый раз, да еще в таких условиях, в каких находился Пушин? Нет, пятимесячная беременность не может быть опознана не специалистом—этот решительный ответ я получил от целого ряда практиков-гинекологов. А если отойти от максимализма Вересаева и считать, что Пушкин и не сразу, и не в первые дни по приезде занялся любовными делами с крестьянской девой, то тогда Вересаеву пришлось бы исчислять беременность не пяти, а всего лишь на пятом месяце, а в это время только по внешним признакам, без осмотра, не разберется и акушер. А раз это так, раз врач побивает пушкиниста, то аннулируется и открытие Вересаева, исключается всякая возможность иного толкования рассказа Пушина, кроме простого и ясного. А затем надо сказать на чистоту. Помещичий уклад нам известен: ежели бы беременность крепостной девки бросалась сразу в глаза, как она бросилась Пушину—Вересаеву, то эта „тяжелая“ девушка уже не сидела бы среди дворовых швей и не кидалась бы в глаза своим „срамом“. Этот срам уже был бы покрыт так, как он был покрыт в 1826 году. Толкование Вересаева просто вздорно, но,

однажды вздернув себя на дыбы, он продолжает оставаться в сем неудобном положении.

Столь же натянуто и объяснение, предложенное Вересаевым дальнейшим строкам рассказа Пушкина: „Настало время обеда. Алексей (человек Пушкина) хлопнул пробкой, начались тосты за Русь, за лицей, за отсутствующих друзей и за „нее“. Незаметно полетела в потолок и другая пробка. Попотчевали искрометным няню, а всех других хозяйской наливкой. Все домашние несколько развеселились“. Надо перечесть эти строки непредубежденно и просто. Все просто и ясно, содержание этих строк не вызывает сомнений и не требует комментариев. Все было так, как описывал Пушкин. Обедали—не в девичьей, конечно; за столом были только друзья—Пушкин и Пушкин; за обедом хлопотала и суежилась няня. Служил человек Пушкина—Алексей. Открыли бутылку,—одну, другую шампанского, выпили за Русь (тост принципиальный—за Русь; он включал тост и за свободу), за лицей, друзей и за „нее“. Все было понято без слов, так же, как раньше при встрече в девичьей. За „нее“—героиню любовного приключения! За стольких героинь пили раньше друзья. Няню угостили тут же шампанским и послали—то ли няню, то ли Алексея—в девичью, потчевать девушек хозяйской наливкой. Чего проще, чего действительно эта картина!

Толкование Вересаева поистине похоже на „самое фантастическое притягивание за волосы невозможных фактов, которые хотя бы с самыми вопиющими натяжками можно было“ выставить против Щеголева. Стоит просмаковать густо глубокомысленный комментарий Вересаева.

„Тост, между прочим,—за „нее“. Кто это „она“?“

... Просто и ясно, но Вересаев погружается в задумчивость...

„Здесь можно разумать либо „свободу“ (ср. в послании к В. Л. Давыдову: „за здоровье тех (неаполитанских карбонариев) и той (свободы) до дна, до капли выпивали)“.

... Какое парение в высоту! и даже с ученой обстановочкой, даже с „притягиванием за волосы цитат“. Вересаев чувствует, что парение излишне, не помогает...

„Либо, если искать женщину...“

... Так-то ближе к делу. Вересаев выходит из задумчивости, ищет женщину... готов искать где угодно, лишь бы не за стеной...

„то всего вероятнее — графиню Воронцову:“

... придумал! Но почему? почему не Ризнич, не Раевская? Двоеточие готовит объяснение...

„Пушкин, по сообщению Пущина, говорил ему, что приписывает удаление свое из Одессы козням графа Воронцова из ревности“.

... Отсюда все же далеко до тоста „за нее“—за Воронцову. Нужен вольт, и Вересаев его делает...

„значит, посвятил Пущина в тайну своих отношений с Воронцовой“.

... Новый дар Вересаева пушкиноведению! Откуда же значит? Обращаемся к источнику, к подлинному тексту рассказа Пущина.

„Пушкин сам не знал настоящим образом причины своего удаления в деревню: он приписывал удаление из Одессы козням графа Воронцова из ревности; думал даже, что тут могли действовать смелые его бумаги по службе, эпиграммы на управление и неосторожные частые его разговоры о религии. Мне показалось, что он вообще неохотно об этом говорил; я это заключил по лаконическим отрывистым его ответам на некоторые мои вопросы, и потому я просил оставить эту статью, тем более, что все наши толкования ни к чему не вели, а только отклоняли нас от другой, близкой нам беседы“. Ну, по совести, ведь никак нельзя из этих строк вывести утверждение, „что Пушкин посвятил Пущина в тайну

своих отношений с Воронцовой“. А Вересаев с бесцеремонной неосторожностью это делает, но ведь это значит только „самый откровенный импрессионизм, самое безудержное фантазирование“! Дальше идут критические упражнения или вернее восклицания Вересаева...

„Щеголев этот тост за „нее“ толкует, как тост за ту дворовую девушку-швею, которая привлекла к себе внимание Пушкина“.

... Доносится вопль из критической пустыни Вересаева...

„Вещь, совершенно не мыслимая ни в психологическом, ни в бытовом отношении“.

... Такому абсолютному утверждению нужны же какие-нибудь фактические подкрепления. Вересаев требует их от меня!..

„Хотя бы Щеголев обратил внимание на такую деталь: „попотчевали искрометным няню, а всех других хозяйской наливкою“. Пьют за нее шампанское, а самой ей наливают наливку! Тост совершенно невозможный, если мы реально представим себе Пушкина и крепостную девушку-швею за пальцами“.

... Нет, не могу дать подкрепления Вересаеву. Ничего невозможного, ничего странного в этой детали не вижу. Да, в барской комнате пьют господ шампанское, а в девичью, где среди швей сидит и она, посылают наливку. Ничего не поделаешь! Пушкин не пригласил ее к столу, а тост был за нее, за отсутствующую. Все между Пушкиным и Пушкиным было понято без всяких слов. Хотя бы Вересаев обратил внимание на такую деталь: шампанское привез Пушкин и захватил он в Острове всего три бутылки: две распили за обедом, одну за ужином. Хотя бы Вересаеву пришла на помощь „хорошая художественная выдумка“, но и этого не случилось...

Итак, рассказ Пушкина не дает оснований к заключению, что Пушкин имел дело с первой живой брюхатой грамотой; становится легче, и, значит, Вересаев не лишил нас логической возможности думать, что Пушкин в ян-

варе 1825 года видел ту девушку, которую через год Пушкин отослал беременной. Вопреки „чреватому“ толкованию Вересаева мне именно кажется (увы! только кажется, а утверждать не смею!), что Пушкин застал именно начальный момент любовного приключения, быть может, еще и не разрешенного физиологически.

VI

Но что же нам делать с этими давно известными сообщениями? Как нам вставить в биографию поэта этот крестьянский роман? Биографы и исследователи самым решительным образом обходили этот момент жизни Пушкина, просто отмахиваясь рукой... не то по чувству целомудрия, хотя бы и лицемерному, не то в силу досадливого и неприятного сознания социальной неправды. Впрочем, есть один писатель по пушкинским вопросам, так сказать, пушкинист-импрессионист, который вошел в пространный анализ этого романа и пришел к нелепым выводам: это — В. Ф. Ходасевич в его книге „Поэтическое хозяйство Пушкина“¹. О его неосновательных соображениях я еще буду говорить дальше, а пока приведу лишь сделанную им общую характеристику пушкинского романа: „Можно предположить лишь то, что со стороны Пушкина было легкое увлечение с несомненной чувственной окраской — типичный роман молодого барина с пригожей крепостной девушкой. Вряд ли также будет ошибкою, если допустим, что роман носил некоторый отпечаток сельской идиллии, отчасти во вкусе XVIII столетия, и слегка походил на роман Алексея Ивановича Берестова с переодетой Лизой Муромской в „Барышне-крестьянке“. Почти такую же оценку дает и другой писатель по пушкинским вопросам П. К. Губер: „Это был

¹ Я пользуюсь русским изданием — Ленинград 1924. Ссылка на страницы в дальнейшем не делаю.

типический крепостной роман, — связь молодого барина с крепостной девкой“¹.

Я никак не могу согласиться с такой характеристикой. Если брат и интимные друзья Пушкина ни словом не обмолвились о крестьянском романе поэта, так только потому, что, коснея в своих классовых дворянских чувствах, они полагали пустяшной и не достойной даже мимолетного упоминания связь барина со своей крепостной и считали, что связь исчерпывается лишь моментом физиологическим и не дает оснований к надстройкам романтическим. А, кроме того, сам Пушкин довольно тщательно укрывал от посторонних взоров эту любовную историю, да и в рукописях своих он оставил слишком мало высказываний, относящихся к этому моменту, но все же тем немногим, что он оставил, следует воспользоваться. Рассказать о жизненной правде в этом эпизоде для Пушкина было бы так же трудно, как писать мемуары. „Писать мемуары заманчиво и приятно. Никого так не любишь, как самого себя. Предмет неистощимый. Но трудно. Не лгать — можно; быть искренним — невозможность физическая. Перо иногда остановится, как с разбега перед пропастью, — на том, что посторонний прочел бы равнодушно“².

Против легкого характера увлечения Пушкина говорит самая длительность связи. Начальный момент романа, по свидетельству Пушкина, падает на январь 1825 года или даже на декабрь 1824 года, и только в мае следующего года Пушкин отпускает или отсылает де-

¹ П. К. Губер, Дон-жуанский список Пушкина, Пгр. 1923, стр. 199. О романах барчуков с крепостными девицами см. сжатую, выразительную, но страдающую преувеличениями характеристику Б. А. Садовского, Ледоход. Статьи и заметки, Петроград 1916, стр. 18—19. Тут идет речь об увлечениях девицей у Лермонтова, Фета, отца Л. Толстого. Но Пушкин не был уже барчуком.

² Переписка, I, стр. 287, № 207.

вущку в период беременности, еще незаметной для окружающих. Из сообщения Вяземского можно заключить, что отец и семья, с которыми ехала девушка через Москву в Болдино, еще не знали о грехе дочери. Итак, год с лишком тянулась связь барина с крестьянкой, и никак нельзя характеризовать ее, как легкое увлечение.

Для кого угодно, но не для Пушкина это увлечение могло быть легким. В поэзии Пушкина совесть говорила властным языком, и мотив раскаяния, покаяния часто звучал в его художественном творчестве. С необычайной силой запечатлен этот мотив в стихотворении „Когда для смертного умолкнет шумный день...“:

В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья.
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток: —
И, с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жажду, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

А ведь это он, Пушкин, написал патетический протест против крепостной действительности!

Но мысль ужасная здесь душу омрачает:
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает:
Везде невежества губительный позор.
Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозей
И труд, и собственность, и время земледельца;
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее тащится по браздам

Неумолимого владельца.
Здесь тягостный ярем до гроба все влекут,
Надежд и склонностей в душе питать не смея;
Здесь девы юные цветут
Для прихоти развратного злодея...

Нельзя не подчеркнуть, что в первой части этого стихотворения Пушкин описывает как раз Михайловское таким, каким оно виделось ему с балкона господского дома:

... Люблю сей темный сад,
С его прохладой и цветами,
Сей луг, уставленный душистыми скирдами,
Где светлые ручьи в кустарниках шумят.
Везде передо мной подвижные картины:
Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус рыбака белеет иногда,
За ними — ряд холмов и нивы полосаты,
Вдали — рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крылаты...

В этой обстановке и разыгрывался роман Пушкина с юной крестьянской девой. И обстановка, и социальное неравенство не могли не напоминать Пушкину его же слов о помещицкой прихоти и не могли не усложнить его чувства. Не даром и наблюдательный Пущин отнесся к роману своего друга с большей чуткостью и осторожностью, чем Вересаев и Ходасевич. Пущин боялся оскорбить Пушкина неуместным намеком, а Пушкин, поняв, что Пущин догадался, улыбнулся значительно. А потом они пили за „нее“. И по этим соображениям нельзя свести этот роман к физиологическому инстинкту, оголенному от всякой романтики. Не для помещицкой же прихоти расцветала крестьянская девушка над пьядцами, под наблюдением няни? А, может быть, и для прихоти! Может быть, для прихоти только по началу?

Пушкин углублялся в самого себя и писал „Онегина“. На рубеже 1824 и 1825 годов в главе четвертой „Онегина“

Пушкин закончил историю деревенского романа Татьяны блистательной отповедью Онегина бедной Татьяне. Татьяна, выслушав урок Онегина, увядает, бледнеет, гаснет, а Онегин? Онегин, как и Пушкин, еще в деревне, и, возвращаясь к Онегину, Пушкин описывает собственную деревенскую жизнь. „В 4-й песне Онегина я изобразил свою жизнь“, — признавался Пушкин Вяземскому¹:

Прогулки, чтение, сон глубокой,
Лесная тень, журчанье струй,
Порой белянки черноокой
Младой и свежий поделуй,
Узде послушный конь ретивый,
Обед довольно прихотливый,
Бутылка светлого вина,
Уединенье, тишина:
Вот жизнь Онегина святая...

По правде жизни следовало бы дальше показать деревенские интимности и эту самую белянку черноокою, и что вышло у Онегина с этой черноокой белянкой, помимо молодых и свежих поцелуев. Ну, Татьяну отчитал, отвергнул, а белянку соблазнил... но Пушкин предпочел не развивать вскользь брошенного намека.

VII

Нам необходимо заглянуть еще и в финляндскую повесть Баратынского, названную по имени героини „Эдой“². Соблазненную девушку, отосланную в Болдино, Пушкин называет „моей Эдой“, но что общего между Эдой и девушкой из Михайловского, какие основания были у Пушкина для сравнения? Эда Баратынского — финка, отца простого дочь простая, блиставшая красой лица, души

¹ Переписка, I, стр. 352, № 257. Кстати, в этом самом письме Пушкин упоминал и о девушке, отосланной им из Михайловского.

² Цитирую по первому изданию „Эда, финляндская повесть, и Пирь, описательная поэма, Евгения Баратынского“, Спб. 1826. Цена. разрешение подписано 26 ноября 1825 года.

красой, „добренькая“ Эда. Герой романа — русский офицер. Эда любит гусара, но боится его, боится ему отдаться. — „Нам строго, строго не велят дружить с вами, говорят, что вероломны, злобны все вы, что вас бежать должны бы девы, что как-то губите вы нас, что пропадешь, когда полюбишь, и ты, — я думала не раз, — ты, может быть, меня погубишь“. Поэма — психологическая история обольщения Эды. Герой, не любя, увлекает Эду к падению.

Питомец буйного веселья
В пустыне скучной заключен,
За милой Эдой вздумал он
Поволочиться от безделья.

Герой владел хладным искусством любовной ласки, гордился жалкою наукой обманов:

Едва пора самопонятья
Пришла ему; наперерыв
Влекли его к себе в объятья
Супруги, бывшие мужей
Чресчур моложе, иль умней.
И жадно пил он наслажденье,
И им повеса молодой
Избаловал воображенье,
Не испытал любви прямой.

Эда уступила хладному искусству, ответила горячей любовью; но гусар ушел в поход, и Эда не вынесла разлуки: „кручина злая ее в могилу низвела“. Баратынский заставляет своего героя измениться. Похоть первоначальная превращается в искреннее чувство... Он тронут был ее любовью невинной:

Увы, мучительное чувство
Его тревожило потом!
Не раз гусарским языком
Он проклинал свое искусство;
Но чаще, сердцем увлечен,
Какая дева, думал он,
Ее прелестней в поднебесной?

Душою проще и нежней?
И провиденья перст чудесной
Он признавал во встрече с ней;
Своей подругой неразлучной
Уж врал ее в мечтах своих;
Уже в тени дерев родных
Вел с нею век благополучной...

Поэма Баратынского понравилась Пушкину необычайно. Прочел он ее в феврале 1826 года, когда плоды его собственного романа уже сказались. „Что за прелесть эта Эда! Оригинальности рассказа наши критики не поймут. Но какое разнообразие! Гусар, Эда и сам поэт — всякий говорит по своему. А описания финляндской природы! А утро после первой ночи! А сцена с отцом! — чудо!“ — писал Пушкин Дельвигу 20 февраля 1827 года¹. Немного позже, набрасывая в черновой тетради критические заметки о Баратынском, Пушкин старался уяснить, в чем прелесть поэмы, столь замечательной оригинальной своей простотой, и останавливался на изображении Эды.

„Перечтите сию простую, восхитительную повесть: вы увидите, с какою глубиною чувства развита в ней женская любовь. Посмотрите на Эду после первого поцелуя предприимчивого обольстителя:

Взор укоризны, даже гнева
Тогда поднять хотела дева,
Но гнева взор не выражал.
Веселость ясная сияла
В ее младенческих очах...

Она любит, как дитя, радуется его подаркам, резвится с ним, беспечно привыкает к его ласкам... Но время идет. Эда уже не ребенок:

.
Свою негою страшна
Тебе волшебная весна.
Не слушай птички сладкогласной!

¹ Переписка, I, стр. 328, № 237.

.....
Ты думал: агнец мой послушной!
Как жадно я тебя желал!
Как хитро в деве простодушной
Я грезы сердца возмущал!
Любви невольной, бескорыстной
Невинно предалась она...
Что ж грудь моя теперь полна
Тоской и скукой ненавистой?
На жертву прихоти моей
Гляжу, упившись наслаждением,
С неодолимым отвращением...

Так вот на какие трагические, безутешные размышления могло навести Фауста - Онегина - Пушкина разрушение девичьей невинности? Но прихоть—да, скажем, прихоть—удовлетворена, а связь длится, и прихоть перестает быть прихотью, и физиологический инстинкт, как у героя Эды, осложняется переживаниями социального порядка. Какое же место заняла связь с крестьянской девушкой, продолжавшаяся свыше года, в жизни Пушкина — в истории его любовного чувства и в его творчестве? Да заняла ли? На последний вопрос должно ответить утвердительно, хотя бы на основании уже приведенных соображений. Труднее ответить на первый вопрос, определить место.

Чем могло питаться любовное чувство Пушкина в 1825 году, когда, укрытый от всех взоров, развивался его роман в Михайловском? Скажем прямо: Пушкин не был моногамистом, и одновременно он мог питать страсть к нескольким объектам. Вспомним „Дориду“.

В ее объятиях я негу пил душой;
Восторги быстрые восторгами сменялись.
Желанья гасли вдруг и снова разгорались...
Я таял; но среди неверной темноты
Другие милые мне виделись черты,
И весь я полон был таинственной печали,
И имя чуждое уста мои шептали.

Кавказский пленник чувствовал такую же любовную раздвоенность:

В объятиях подруги страстной
Как тяжко мыслить о другой!

Но раздваивался Пушкин в любовном чувстве не только между действительностью и воспоминанием, но и между сосуществующими объектами вожделения. В 1825 г., кроме Михайловского, такие объекты могли оказаться только в Тригорском.

О романах Пушкина с тригорскими барышнями — да чуть не со всеми — рассказывают все биографы поэта. Биографами в их совокупности взяты под сомнение все существа женского пола свыше 14 лет, пребывавшие в Тригорском. Сама хозяйка, П. А. Осипова, милая, смешная, оригинальная, маленькая полная женщина 43 лет, вдовевшая с февраля 1824 года, и дочери ее — двадцатипятилетняя Анна Николаевна, сентиментальная, тоскующая, страдающая, болтливая и неглубокая, с растрепанными височками, которые не шли к ее круглому лицу, — и пятнадцатилетняя Евпраксия, на глазах Пушкина расцветавшая из подростка тоже в женщину, с тонкой талией, в золотистых кудрях на полных склонах белых плеч — любви приманчивый фиал, — и девятнадцатилетняя падчерица П. А. Осиповой Александра Ивановна, Алина, девушка пылких чувств и легко возбуждающегося воображения, — и одна племянница, Анна Ивановна, Нетти, нежная, томная, истеричная („вот это женщина!“ — слова Пушкина), — и, наконец, другая племянница, Анна Петровна Керн, о которой надо сказать несколько слов особо. Все эти девушки Тригорского отдали дань сердечных увлечений поэту, — „я нравлюсь юной красоте несмытым бешенством желаний“, говорит о себе Пушкин — все они одновременно были влюблены в Пушкина, но он только снисходил, оставался только зрителем и на-

блюдателем любовного быта Тригорского даже и тогда, когда все думали, что он без оглядки плывет по волнам этого быта. Правда, и он не обошел своим вниманием ни одной из девушек. Если попытаться внести хронологию в любовную историю Тригорского, то надо, кажется, разбить ее на следующие периоды. Любовные фарсы, потехи падают на первый период — на 1824 год: больше смеха, чем пылких чувств. Нетти занимает воображение Пушкина в марте 1825 года, в начале 1826 года Пушкин влюбил в себя Анну Николаевну, летом 1826 года предметом невинных стихов стала Евпраксия, и где-то по середине путешествие в Опочку и речи в уголку вдвоем с пылкой и страстной Сашенькой Осиповой.

В последнее время любовный быт пушкинской эпохи нашел строгого судью в Вересаеве, судью, но не толкователя. С наивностью, неуместной для судьи, положился Вересаев на свидетельские показания Алексея Вульфа, сына Осиповой, приятеля, друга и ученика Пушкина в любовном деле. Действительно, в историю любовных нравов свидетельства Вульфа вносят яркие и поразительные подробности. Откровенно описывал Вульф, в чем состояли его, Вульфа, романы с девушками. Он, видите ли, проводил их через все наслаждения чувственности, но они оставались девушками; он незаметно от платонической идеальности переходил до эпикурейской вещественности, оставляя при этом девушек добродетельными¹. Врач по специальности, Вересаев отмечает патологические результаты: у Вульфа постоянные головные боли, которые он сам приписывал „густоте крови“, а девушка то-и-дело „нездоровая и грустна“. И всем методам платонической любви, по мнению Вересаева, обучал Вульфа никто иной, как Пушкин. Но при чем тут Пушкин? Та-

¹ См. мою статью „Любовный быт в Пушкинскую эпоху“ в новом издании „Дневников А. Н. Вульфа“ в изд. „Федерация“—1928.

ков любовный быт той эпохи с неподвижным и жестким брачным укладом, когда разрешенный материалистически роман в помещичьей среде влек неминуемый брак со всеми экономическими последствиями. И, кроме того, помещичий сынок, перенимавший с Запада моды, брал оттуда и образцы любовных сближений. Пушкин — сын своего времени, и не приходится серьезно говорить о нем, как о Мефистофеле, а о Вульфе, как о Фаусте. Да, Вульф видел в Пушкине не столько учителя, сколько соперника, и не доказано, что Пушкин в своем обращении с сестрами и кузинами своего ученика в науке нежной страсти шел по тому же пути. По крайней мере, мы не слышим ни об одной жалобе на „густоту крови“.

Вересаев не признал в Вульфе холодного ремесленника любви. Нет сомнения, и Пушкин хорошо знал ремесло любви, но ведь в Михайловском, в эпоху тригорских романов, Пушкин писал:

Разврат, бывало, хладнокровной
Наукой славился любовной,
Сам о себе везде трубя,
И наслаждаясь не любя.
Но эта важная забава
Достойна старых обезьян
Хваленых дедовских времен:
Ловласов обветшала слава...

Но ясно, во всяком случае, как бы далеко ни заходил Пушкин в своем любовном быту, тригорские романы (даже и по Вересаеву) не получали физического разрешения, и девичьей чести обитательниц Тригорского урону не было.

Особо надо сказать об увлечении Пушкина, оставившем, по силе чувства, далеко позади все тригорские романы с Анетами, Зизи, Алинами. Летом 1825 года в женском цветнике Тригорского появилась еще одна племянница, совершенно прелестная, двадцатипятилетняя

красавица Анна Петровна Керн, взволновавшая чувственность Пушкина до пределов. „Как можно быть вашим мужем? Я не могу себе составить об этом представления, так же, как и о рае“, — писал он ей. И когда она находилась от него на расстоянии 400 верст, он в воображении переживал страсть. При одной мысли о будущей встрече с ней, у него билось сердце, темнело в глазах и истома овладевала им. И он писал: „Теперь ночь, и ваш образ чудится мне, полный грусти и сладострастной неги, — я будто вижу ваш взгляд, ваши полуоткрытые уста... Я чувствую себя у ног ваших, сжимаю их, чувствую прикосновение ваших колен, — всю кровь мою отдал бы я за минуту действительности“... Казалось бы, такая страсть в действительности должна иметь неизбежное увенчание, но Пушкин вел себя, как 14-летний мальчик, был робок, застенчив и — странная вещь, непонятная вещь! — не довел свою любовную схватку до увенчания, а ведь как легко, без тоски, без думы роковой овладел молодой Вульф своей прелестной кузиной, а ведь к Анне Петровне Керн подходил бы эпитет, данный Н. М. Языковым своей любви: *res publica*!¹ Скажем прямо. Припадок влюбленности, пережитый Пушкиным во время пребывания Керн в Тригорском в июне-июле 1825 года, не нашел физиологического разрешения и дал поразительный эффект только в творчестве: 19 июля Пушкин вручил Керн автограф — „Я помню чудное мгновенье“. И только года через три, когда праздник встречи, праздник пробуждения души и упоительного биения сердца

¹ Языковский архив, вып. I: Письма Н. М. Языкова, Спб. 1913, стр. 161. „Правда, что Воейкова не монархическая, но я не хочу верить, что она *res publica*: вот тебе латинский каламбур“, — писал Н. М. Языков брату 11 марта 1825 года. *Res publica* — в том смысле, что женщина является объектом притязаний многих и не обнаруживает особой стойкости, монархической.

стал далекими буднями и гению чистой красоты был дан эпитет вавилонской блудницы, инстинкт вступил в свои права, и где-то, как-то вышел случай, и Пушкин на момент овладел Анной Петровной... с божьей помощью¹.

... Чувственные возбуждения в Тригорском достигали высоких градусов и не находили здесь разрешения... Страстный темперамент Пушкина, бешенство желаний, невероятные взрывы ревности нам известны — особенно в период жизни на юге. А вот про жизнь его в 1824 — 1825 годах мы не знаем о таких проявлениях чувственного возбуждения. О припадках ревности, похожих на чуму, мы не слышали за это время. Ревность к Керн была больше в письмах, чем в действительности. Никогда чувственная жизнь Пушкина не протекала в столь нормальных условиях, как в этот год — в 1825-й. Но здоровая, нормальная любовь, удовлетворявшая его жадную чувственность, была в Михайловском, а не в Тригорском. Здесь, в Михайловском, жила милая и добрая крестьянская девушка, подарившая и девичью честь, и все свое чувство человеку, для нее необыкновенному. Ни в одном своем романе Пушкин не был так далек от припадков ревности, как в этом. И любовные отношения с девушкой, невинной как агнец полевой, были совсем свободны от приторных особенностей тригорских романов.

Кого не утомят угрозы,
Моления, клятвы, мнимый страх,
Записки на шести листах,
Обманы, сплетни, кольца, слезы,
Надзоры теток, матерей
И дружба тяжкая мужей!

¹ Совершенно невразумительно трактует любовь Пушкина к Керн в своих „Заметках“ Вересаев. „Увлечение Вульфом, — пишет он, — конечно, делало для нее совершенно невозможным ответный отклик на домогательства“. Но почему „конечно“?

Кстати, я забыл сказать, что о девушке мы можем сказать больше даже на основании данных, уже нам известных. Мы знаем ее отца. Это не раз упоминавшийся мною доверенный С. Л. Пушкина, приказчик села Михайловского, Михаил Иванович Калашников. Ведь это он и был назначен С. Л. Пушкиным в управляющие села Болдина. Назначение состоялось в январе 1825 года, а через год с лишним — в мае 1826 года — это он перевозил свое семейство, а в его составе и свою дочь, в Болдино. Об ее грехе он еще не знал.

Могу с точностью назвать ее имя. В ревизской сказке, поданной в 7-ю ревизию в марте 1816 года, среди дворовых сельца Михайловского на первом месте вписан Михайло Иванов с семьей — женой, пятью сыновьями и единственной дочерью, которой было в момент записи 10 лет. Имя ее — Ольга.

Итак, Ольга, Ольга Михайловна, дочь Калашникова¹.

И еще кстати. Не лишнее указать, что в одном из так называемых дон-жуанских списков Пушкина среди женских имен, близких Пушкину, названо и имя Ольги. Кто Ольга, не выяснили исследователи дон-жуанского списка². В исследованном ими любовном календаре даже имени такого не было. Теперь оно появляется.

¹ По некоторым соображениям, которые за их ошибочностью не стоит приводить, при первом появлении настоящей работы в журнале „Новый Мир“ я предположительно назвал Анной отца простого дочь простую. По ознакомлении с помянутой выше ревизской сказкой, хранящейся в Псковском губархиве, могу назвать теперь имя с ручательством за достоверность.

² Пушкин, ред. С. А. Венгерова, т. IV, 1900, ст. Н. О. Лернера, Дон-жуанский список Пушкина, стр. 100.

Роман развивался в отсутствие отца, а покровительницей романа была, конечно, няня, свет Родионовна. Она жила в таком близком общении со своим питомцем, что уж никак не могла не заметить, на кого направлены вождедеющие взоры ее питомца. Пушкин слышал ее тяжелые шаги за стеной и чувствовал ее кропотливый дозор. Ее „простые речи, и советы, и укоризны, полные любви“ утешали Пушкина.

Ох, эта Арина Родионовна! Сквозь обволакивающий ее образ идеалистический туман видятся иные черты. Верноподданная не за страх, а за совесть своим господам, крепостная раба, мирволящая, потакающая барским прихотям, в закон себе поставившая их удовлетворение! Ни в чем не могла она отказать своему неуимчивому питомцу. „Любезный друг, я цалую ваши ручки с позволения вашего сто раз, и желаю вам то, чего и вы желаете...“— читаем в ее письме, которое писали под ее диктовку в Тригорском (а тригорские барышни еще от себя поправляли!). Семидесятилетняя старушка любила молодежь, любила поболтать, порассказать о старине в назидание и поучение, не прочь была даже от бокала вина на молодой пирушке.

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей!
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей!

О старой няне идет речь в стихах Пушкина. И Языков воспевал ее и пиры в ее присутствии в комнате Пушкина.

С каким радушием — красою древних лет —
Ты набирала нам затейливый обед!
Сама и водку нам, и брашна подавала,
И соты, и плоды, и вина уставляла

На милой тесноте старинного стола...
Ты занимала нас, добра и весела,
Про стародавних бар пленительным рассказом;
Мы удивлялись почтенным их проказам,
Мы верили тебе, — и смех не прерывал
Твоих бесхитростных суждений и похвал.
Свободно говорил язык словоохотный,
И легкие часы летели беззаботно.

И еще в другом стихотворении Языкова любопытное описание домашнего быта Пушкина:

Вот там — обоями худыми
Где-где прикрытая стена,
Пол нечиненный, два окна
И дверь стеклянная меж ними;
Диван под образом в углу,
Да пара стульев; стол украшен
Богатством вин и сельских брашен.
И ты, пришедшая к столу, —
Мы пиروвали, — не дичилась
Ты нашей доли — и порой
К своей весне переносилась
Разгоряченной мечтой.
Любила слушать наши хоры,
Живые звуки чуждых стран,
Речей напоры и отпоры
И звон стакана о стакан.
.
Шумней, удалая пирушка!
Садись-ка, добрая старушка,
И с нами бражничай давай.

Длинные зимние вечера Пушкин коротал с подругой своей бедной юности. Она рассказывала ему сказки. Так и кажется (вот для этого предположения у меня нет данных, но уж очень оно напрашивается!), так и кажется, что рядом тут же сидит и дочка приказчика Михайлы, которую Пушкин сразу отличил среди крепостных швей. Только при покровительстве няни могла длиться связь Пушкина с Ольгой Михайловой: в узкой ограниченности

барского дома и усадьбы от няни не укрылось бы ни одно вожделение любезного ее сердцу питомца¹.

В конце февраля, в начале марта случилась история, которая, по всей видимости, имеет отношение к интимным делам Пушкина. Он писал в это время брату: „У меня произошла перемена министерства: Розу Григорьевну (экономку, назначенную матерью) я принужден был выгнать за непристойное поведение и слова, которых я не должен был вынести. А то бы она уморила няню, которая начала от нее худеть. Я велел Розе подать мне счеты... Велел перемерить хлеб и открыл некоторые злоупотребления... Впрочем, она мерзавка и воровка. Покамест я принял бразды правления“. Конечно, воровство Розы играло последнюю роль, а главное — слова, которые Пушкин не должен был вынести, и обида няне². Ушла Роза, которая могла быть свидетельницей романа. Остались сам барин, да няня, да девушка.

XI

От работы над записками Пушкин перешел в Михайловском к работе над художественным воплощением исторических событий — над „Борисом Годуновым“. У него было спокойное настроение — необходимое условие плодотворной творческой работы. „Для вдохновенья нужно сердечное спокойствие“³, — проговорился однажды Пуш-

¹ За няню обиделся на меня Вересаев. Защищая няню, он опустился до лицемерных аргументов, доносящих до нас крепостнические ароматы. „Общее уважение, которым она пользовалась в семье Пушкиных, не достигается одним низкопоклонством и потаканием барским прихотям“, — пишет Вересаев. Но ведь он же пушкинист и должен знать, что „общему уважению семьи Пушкина“ цена — ломаный грош.

² Внимательное чтение приведенных строк Пушкина убеждает в правильности нашего вывода: воровство Розы — дело второе, а первое — обида няне. А в чем обида, можно только строить догадки.

³ Переписка, III, стр. 239, № 939.

кин Плетневу. Когда у него не было спокойствия, он не мог отдаваться порывам вдохновения. „Вообрази, что до сих пор не написал я ни строчки, а все потому, что неспокоен“¹. В 1825—1826 годах в Михайловском Пушкин работал с творческим увлечением, необычайно радостно. Окончив работу, он веселился, как ребенок. Он перечел свою трагедию вслух, один, и бил в ладоши и кричал: „ай-да Пушкин, ай-да сукин сын!“. Создание Бориса Годунова предполагает особенные условия творчества: спокойное, удовлетворенное состояние духа, устранение мелких раздражающих моментов и в области интимной спокойное чувство любви, находящей ответное удовлетворение. Окончательная отделка Годунова падает на ноябрь месяц 1825 года, а в начале мая, т.е. через пять месяцев, Ольга Калашникова уже стала живой брюхатой грамотой, отосланной к Вяземскому, но особенность ее положения еще не бросалась в глаза.

Пушкин олицетворял свою музу в своих героинях. Между прочим, в восьмой главе „Онегина“ муза является уездной барышней, „с печальной думою в очах, с французской книжкою в руках“. Я напомним еще одно олицетворение. Пусть оно и заимствовано, но ведь Пушкин относился к переводам вполне субъективно и выбирал оригиналы, созвучные своей жизни и творчеству:

О, боги мирные полей, дубрав и гор,
И гений и стихи ваш любят разговор.
Меж ними я нашел и Музу молодую,
Подругу дней моих невинную, простую —
Но чем-то милую, — не правда ли, друзья?

Набросок не окончен, и если уж искать автобиографических приурочений, то нечего далеко ходить. Ни к кому другому, кроме как к невинной, простой, милой и доброй Ольге Калашниковой, нельзя отнести это при-

¹ Там же, III, стр. 232, № 933.

урочение. Оживленная лучом вдохновения и славы, молодая крестьянская девушка, с которой Пушкин жил в 1825 году, оставила обаяние своей невинности и простоты в творчестве Пушкина, хотя бы в спокойной простоте трагедии о Борисе Годунове, в той простоте, к которой, как к идеалу, движется дальше пушкинское творчество.

Перед нами две чашки весов. Бросьте на одну все тригорские романы с совершенно ничтожными, изломанными, исковерканными воспитанием помещичьими дочками и племянницами, а на другую — вот этот крестьянский роман, это сожительство барина с крестьянкой. Боюсь, что тригорская чашка пойдет быстро вверх. Михайловский роман прочнее, здоровее; в нем больше земли.

Конечно, при нашем скудном состоянии источников нет возможности точно определить значение крестьянской любви в жизни и творчестве Пушкина. Вопреки Вересаеву, мы утверждаем только, что свести ее к проявлениям оголенного физиологического инстинкта мы не имеем права. Не даром тема крестьянской любви интересовала Пушкина, как материал для художественной обработки. Герой ненаписанного романа, русский Пелам, переживает крепостную любовь. В одной из программ этого романа Пушкин записал: „Эпизоды (Уезжает в деревню.— Смерть отца его.— Эпизод крепостной любви)“¹.

Во всяком случае не мешает исследователям поразмыслить над поставленной мной проблемой, вникнуть поглубже в историю мужицкого романа, поискать новых материалов и параллелей. Как бы там ни было, как там ни называй, а существовала милая и добрая девушка. „Не правда ли, она очень мила?“ — боязливо спрашивал Пушкин крепостного барина князя Вяземского: значит,

¹ Сочинения и письма Пушкина, ред. П. О. Морозова, изд. „Просвещение“, Спб., т. V, стр. 571.

ему-то, Пушкину, она казалась очень милой. И с этой очень милой женщиной Пушкин сожительствовал—долго ли, коротко ли—но сожительствовал, вплоть до того, что почувствовал ее матерью будущего его ребенка. Нельзя устранить со страниц биографии Пушкина Ольгу, Михайлову дочь.

Одна мелочь из михайловской жизни Пушкина. Если когда-либо Пушкин был „народником“, так это в Михайловском. Не стану пользоваться воспоминаниями старожил; приведу свидетельство, которому можно верить, свидетельство современное, секретного агента Бошняка, известного предателя по делу декабристов. В июле 1826 года, по поручению начальства, он собрал сведения о Пушкине. „В Новоржеве от хозяина гостиницы Катосова узнал я, что на ярманке Святогорского Успенского монастыря Пушкин был в рубашке, подпоясан розовой лентою, в соломенной широкополой шляпе и с железною тростью в руке... Пробыв целый день в селе Жадрицах у отставного генерал-майора П. С. Пущина, в общих разговорах узнал я, что иногда видали Пушкина в русской рубашке и в широкополой соломенной шляпе; что Пушкин дружески обходился с крестьянами и брал за руку знакомых, здороваясь с ними; что иногда ездит верхом и, достигнув цели путешествия, приказывает человеку своему отпустить лошадь одну, говоря, что всякое животное имеет право на свободу... По прибытии моем в монастырскую слободу, при Святогорском монастыре состоящую, я остановился у богатейшего в оной крестьянина Столарева. На расспросы мои о Пушкине Столарев сказал мне, что Пушкин живет в 3½ верстах от монастыря, в селе Зуеве (Михайловском), где, кроме церкви и господского строения, нет ни церковно-служительских, ни крестьянских домов... Что Пушкин—отлично-добрый господин, который награждает деньгами за

услуги даже собственных своих людей; ведет себя весьма просто и никого не обижает; ни с кем не знается и ведет жизнь весьма уединенную. Слышно о нем только от людей его, которые не могут нахвалиться своим барином¹.

Вот каким народолюбием заразился Пушкин в Михайловском. И в 4-й главе он описал наряд Онегина, иными словами, свой собственный наряд:

Носил он русскую рубашку,
Платок шелковый кушаком,
Армяк татарский нараспашку
И шапку с белым козырьком —
И только. Сим убором чудным,
Безнравственным и безрассудным,
Была весьма огорчена
Его соседка Дурина,
А с ней Мизинчиков...

Дворянам-помещикам не нравился наряд Пушкина. Наряд шокировал их, но крестьянской девице Ольге Михайловне Калашниковой, должно быть, нравился, и „барин-крестьянин“ овладел ее любовным вниманием.

XII

Роман оборвался в мае 1826 года. Калашникова была в обременении; а тут вышло так, что она должна была переезжать вместе с семьей в Болдино, куда за год до этого ее отец, крепостной человек Н. О. Пушкиной, был назначен управляющим. Таким образом, у нас нет даже оснований к утверждению, что Пушкин отсылал ее по собственной инициативе. Правда, он попытался было воспользоваться ее переездом и отворотить тот срам, который вот-вот должен был упасть на ее голову. Но князь Вяземский не вник по существу в интимное дело своего

¹ Б. Л. Модзалевский, Пушкин под тайным надзором, 3-е изд., 1925, стр. 22—28.

друга и оказался просто-на-просто хладнокровным и рас-судительным рабовладельцем и посоветовал Пушкину войти в сношения с отцом девушки. Почувствовав неже-лание князя впутываться в это дело, Пушкин отмахнулся от него: „ты прав — письмом улажу все дело“. И опять у нас нет данных, писал ли Пушкин отцу девушки.

Переходим к дальнейшей истории крепостного романа Пушкина:

„Какова была дальнейшая судьба этого семейства, проезжавшего в мае 1826 года из Михайловского в Бол-дино, мы не знаем.

Дожила ли героиня истории до родов, благополучно ли родила, мальчика или девочку, где после жила и дол-го ли, что случилось с ребенком — ничего не известно. Ни в переписке Пушкина, ни в рассказах и бумагах его со-временников обо всем этом нет больше и намека, даже имя ее не сохранилось — и мать, и ребенок как в воду канули“.

Эти слова принадлежат В. Ф. Ходасевичу. Он по-ставил ряд вопросов, заявил, что для ответов на эти вопросы нет данных, но не удержался при этом заявле-нии, пошел дальше, вступил в соблазнительную и опасную область предположений и покатился по наклонной пло-скости. Вот фантастическая история, рассказанная им. Ходасевичу показалось, что судьба девушки, соблазнен-ной Пушкиным, дала тему для „Русалки“:

„Если Пушкин взялся за „Русалку“, — говорит он, — значит она ему была не сюжетно, а внутренне важна и близка, значит с этим сюжетом было для него связано нечто более интимное и существенное, чем намерение только состязаться с Краснопольским, автором „Днепров-ской русалки“. Скажу прямо — „Русалка“, как весь Пуш-кин, глубоко автобиографична, она отражает историю с той девушкой, которую поэт „неосторожно обрюхатил“.

„Русалка“ — это и есть та беременная девушка, которую отослали рожать в Болдино князь Вяземский и сам Пушкин.

Отсылая девушку из Михайловского, Пушкин так или иначе собирался заботиться о будущем малютке, если это будет мальчик, между тем никаких следов подобной заботы мы не встречаем в дальнейшем ни у самого Пушкина, ни у кого-либо из близких людей. Даже допустив, что младенец оказался девочкой, а Пушкин был так жесток, что не проявлял никакого внимания, то все же удивительно это бесследное исчезновение ребенка и матери. Если, наконец, — как ни трудно это допустить, — ребенок с матерью, живя в Болдине, ничем никогда не напоминали о своем существовании, то придется допустить нечто еще более невероятное — психологическую возможность для Пушкина - жениха в 1830 году, перед самой свадьбой, отправиться для осеннего вдохновения в это самое Болдино, где живет его собственный ребенок со своей матерью. Несомненно, что если бы возможность такой встречи существовала, то Пушкин в Болдино не поехал бы. Между тем, он поехал. Решительно невысказано допустить, чтобы Пушкин в 1834 г. мог мечтать переселиться с женой и детьми в то самое Болдино, где в качестве какой-нибудь птичницы живет его бывшая любовница и дворовым мальчиком бегает его сын. Конечно, ни этой женщины, ни ребенка в Болдине давно уже не было.

Как ни тяжело это высказать, все же я полагаю, — пишет Ходасевич, — что девушка погибла либо еще до прибытия в Болдино, либо вскоре после этого. Возможно, что она покончила с собой, может быть, именно традиционным способом обманутых девушек, столько раз нашедшим себе отражение в народных песнях и книжной литературе — она утопилась“.

Раз утопилась, Ходасевич уже считает себя в полном праве поставить вопрос о мрачной трагедии в жизни

Пушкина, о муках совести, призывавшей его к раскаянию, о преступлении, совершенном Пушкиным. По советским, например, законам в настоящее время Пушкин мог бы быть привлечен к судебной ответственности по ст. 154 или даже 153 уголовного кодекса. Ходасевич все же полагает, что Пушкин понес наказание за свою вину, искупив ее самой огненной мукой совести. „Лучше, пожалуй, знать, как впоследствии терзался и казнил себя Пушкин, нежели думать, что вся эта история была ему ни по чем“, — поучает нас Ходасевич.

Так вот какое откровение дано нам Ходасевичем! Откровение, как известно, не нуждается в доказательствах, и их нет, конечно, у нашего фантаста. В своих заключениях он опирается всего-на-всего на произведенное им выяснение (даже не исследование!) творческих приемов Пушкина. Никаких подтверждений фактического характера, никаких новых данных у Ходасевича нет. И даже отсутствует главная улика—нет трупа девушки.

Преступление Пушкина, конечно, результат досужего вымысла и распущенного воображения Ходасевича. Но редко случается такое разительное несовпадение вымысла с действительностью. „То, чего не было“—подобающее заглавие рассказу Ходасевича.

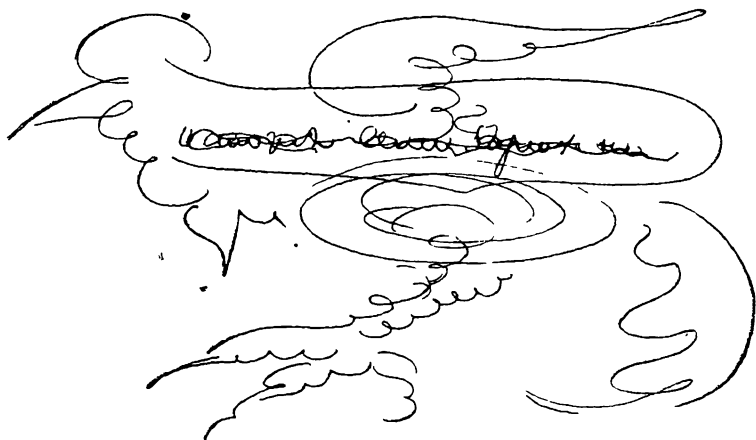
На самом деле все было проще, обошлось без преступления, и крепостной роман Пушкина получил довольно прозаическое развитие. Я перехожу к рассказу о том, как сложились у Пушкина отношения, вытекавшие из эпизода крепостной любви. Мне придется войти в подробности помещичьего быта и крепостного хозяйства.

ГЛАВА ВТОРАЯ

П О М Е Щ И К

„Благополучие крестьян тесно связано с пользой помещиков—и это очевидно для всякого.

А Пушкин. Мысли на дороге

„История села Горюгина“ Виньетка из театр. Пушкина № 2387-А

I

В ранней молодости, со времени окончания курса наук в лицее до ссылки в Михайловское, Пушкин жил отчасти на жалованье, весьма незначительное, отчасти на литературный гонорар, в это время тоже не крупный, и, наконец, от отцовских щедрот. Скучные щедроты не удовлетворяли Пушкина: скуп был чиновник 5-го класса и кавалер Сергей Львович Пушкин, скуп и беспечен в своем эгоизме. Раздражение против отца и охлаждение к нему сына объясняется преимущественно этими чертами характера Сергея Львовича. К тому же он должен был обеспечивать еще и дочь, и другого сына — Льва, любимцев. А между тем Сергей Львович на службе не состоял и жил исключительно на крепостные доходы. Крепостные мужики, работавшие на барщине, на оброке, несли ежегодную дань и кормили своего помещика со чады. Обычно этой дани С. Л. не хватало, и время от времени он получал еще более или менее крупные куши, закладывая и перезакладывая в сохранной казне принадлежавшие ему

души по десяткам и сотням с соответственным количеством земли. Залог совершался обычно на 37-летний или 25-летний сроки, и помещик должен был ежегодно частично погашать долг и вносить проценты. Дальше начиналась канитель. Разделяя общую помещичью участь, С. Л. Пушкин затягивал уплату и долга и процентов по нему, затягивал до последней крайности: именья описывались, передавались в опеку на предмет управления и извлечения доходов казной и с большими усилиями и хлопотами спасались от опеки. Хозяйством сам С. Л. не занимался и предоставлял все дело управителям, наемным вольным или крепостным, от которых требовалось только одно — постоянное снабжение господ деньгами. А как им выбить эти деньги из крестьян, это уж их забота. Никаких обязанностей по отношению к крестьянам С. Л., конечно, не чувствовал.

В двадцатых годах материальное благополучие Пушкиных сложилось так. У Надежды Осиповны было небольшое именье, известное Михайловское, в нем было всего 80 ревизских душ и 1.965 десятин земли, доход с него был ничтожный, около 2.000 — 3.000 руб. ассигнациями. Михайловское служило больше для наездов туда господ на временный отдых, а главный доход шел с поместий С. Л. Пушкина в Нижегородской губернии.

Здесь в Лукояновском уезде находилось родовое имение Пушкиных, знаменитое Болдино. Еще в 1612 г. Болдино, — или, как оно тогда называлось, Еболдино, — поместье Ивана Федоровича Пушкина, было отдано ему в вотчину по грамоте кн. Д. Т. Трубецкого и Д. М. Пожарского. Кроме Болдина, в Нижегородской губернии было еще не мало поместий и имений, принадлежавших различным представителям рода Пушкиных. Крупные имения постепенно дробились. В 1798 году при Павле было произведено перераспределение уездов (число их

было сокращено), вызвавшее составление новых описей помещичьих владений по уездам. Эти описи, носящие название „экономических примечаний“ к планам населенных мест, дают и краткое описание Болдина. В это время Болдино находилось во владении бабки Пушкина Ольги Васильевны, урожд. Чичериной, вдовы артиллерии подполковника Льва Александровича Пушкина (Чичерина была второй его женой), с детьми — поручиками Измайловского полка Василием и Сергеем, отцом поэта, и дочерьми, девицами Анной и Елизаветой.

По „экономическим примечаниям“ (под № 100) „село Болдино 145 дворов, 1.044 мужских душ, 1.095 женских (по 5-й ревизии, бывшей в 1794 году), и деревня Новоуспенская, Малая Болдина тож, 98 дворов, 292 муж., 290 женщ. А всего 243 двора, 1.336 муж., 1.385 женщ.; 4.538 десятин пашни, 544 — покосу, 1.965 — лесу строевого и дровяного, 162 — под усадьбой, 72 — неудобной. Расположено Болдино при речке Азанке, по течению на правой стороне. Церковь деревянная во имя Успения божьей матери, строится (в 1798 году) каменная. Господский дом деревянный, сада нет. При доме дворовые люди ткнут холсты и полотна для господского обихода. Торг бывает еженедельно по воскресеньям, приезжают крестьяне из окрестных сел, торгуют солью и другими мелочными товарами. В селе казенный питейный дом. На речке Азанке (на ее правом берегу расположена и деревня) — сажень ширины и четверть сажени глубины в жаркое время — запружен пруд и при нем состоит ручная мельница о двух поставах, действие имеет во весь год, которая мелет для крестьянского обихода; в речке рыба: щуки, окуни, язи, плотва. Жители довольствуются речной водой, которая для употребления людям и скоту здорова. Земля грунт имеет сероглинистый, лучше родится рожь, овес, греча, горох и полба, а прочие семена сродственны. Сен-

ные покосы против других мест средственны. Лес строевой и дровяной: березовый, липовый, осиновый, ольховый и ивовый, который для поташа не способен; в нем звери: волки, лисицы, зайцы, горностаи; птицы: тетерева, рябчики, скворцы, чижи, щеглы, соловьи. Крестьяне — на оброке, а некоторые на изделье, часть земли запахивают на господ, а остальную на себя, к чему они и радетьельны. Женщины, сверх полевой работы, упражняются в рукоделии, прядут лен, посконь и шерсть, ткнут холсты и сукна для своего употребления и на продажу¹.

Таким по казенному шаблонному описанию было Болдино в самом конце XVIII века; изменения, происшедшие в деревенском быту к тридцатым годам XIX века, были столь незначительны, что о них не стоит и говорить². Но к этому времени Болдино уже раздробилось. Одна половина принадлежала отцу Пушкина Сергею Львовичу, другая — дяде Василию Львовичу. Вот данные о половине Сергея Львовича, в которую входила и деревня Львова³, уже по 8-й ревизии, бывшей в 1833 г.: числилось 564 души мужеска полу (в Болдине — 391, в Львова — 173), пахотной земли 2.540 десятин, лугу с мелким кустарником по оврагам и вокруг леса — 328, леса строевого и

¹ Сообщением материала „экономических примечаний“ я обязан Е. Н. Щепкиной. Ср. статью А. Садовского „О нижегородских имениях Пушкиных в конце XVIII века“, которая появится в ближайшем выпуске „Пушкин и его современники“. На основании „экономических примечаний“ написана и статья А. Садовского.

² В бумагах Пушкина сохранилось собственноручное „шаблонное“ описание сельца**. Даем этот автограф на страницах 65 и 66. Трудно сказать, для каких надобностей сделал Пушкин это описание: для практических или для писательских? Такие же „описания“ помещены см. в тетр. б. Рум. муз. (ныне библиотеки имени Ленина), № 2387, А, л. I.

³ Деревня Львова отошла к Сергею Львовичу по полюбовному разделу с братом Василием Львовичем в 1817 году.

Всё имеет^{xx} надпробавки в аконд.
Feb. дубль 227 — Ошибка в. унверситетом
исполн. Владимир комонур
Надомашн' 1200 фс. 577. сар.
Сенокосу 46 де
Иту, пробавлен и между обидно похому
826 де.
Побавлену иту Пробавлен 8 фс
Подв дубль и пробавлен 21 дубль
на 1200 сар
Подв имену иту, о саравану и подв
иномытким Пробавлен 34 де
Всего дубль 2170 де 1750 сар.

Всё над имену иту, о саравану и подв.

фс 120.

Среднего похому фс	—	100 фс
Обса	—	160 фс
Итма	—	24 фс

Киселице ————— 4 стр.
Сила ивањино ————— 2 и
Городу — 1
Зграда — 10
Противник иницијал ордена Радне
кешабор

дровяного — 244, под поселением, садами, огородами и гуменниками — 110, под проселочными дорогами — 7, под прудами, реками и оврагами — 12, всего 3.244 десятины 1.200 саж. Болдино состояло на запашке. Доход от Болдина за десятилетие с 1839 по 1849 г. определялся в среднем по 28.700 р. ассигнациями, но в это время хозяйство было несколько упорядочено, а в предшествовавшее десятилетие „пушкинские“ доходы были значительно меньше: Александр Сергеевич Пушкин в 1834 г. определял доход в 22.000 руб., полагаясь на слова батюшкины¹, но и эта цифра немного преувеличена. Но Сергей Львович заложил свою часть еще 26 июня 1824 г. за 112.600 руб. (по 200 руб. за душу), а потом 6 ноября 1830 года перезаложил за 28.150 руб., взяв дополнительно по 50 руб. за душу. С уплатой долга дело стояло совсем неутешительно: в 1835 г. по первому займу было уплачено за 11 лет всего 10.752 руб., а по второму за 5 лет всего 1.774 руб.

Неподалеку от Болдина, но уже в Сергачском уезде, было другое имение Пушкиных — Кистенево (Тимашево тож). В конце XVIII века это имение принадлежало сыновьям Льва Александровича Пушкина от первого брака на М. М. Воейковой — артиллерии майору Петру Львовичу и полковнику Николаю Львовичу Пушкиным. В их общем владении значилось дворов 117, душ мужеска полу — 457, женска — 436; земли под усадьбой 48 десятин, пашни —

¹ Данные об имениях Пушкиных в тридцатых годах XIX века я беру из бумаг опеки, находящихся в моем распоряжении, и вотчинного архива с. Болдина, хранящегося в Пушкинском Доме. В 1849 г. наследники Пушкиных, Сергея Львовича и Александра Сергеевича, начали делиться и собрали точные данные о состоянии имения. Цифры по сравнению с 30-ми годами изменились совершенно незначительно. Я привожу круглые цифры, опуская сажени и копейки. Везде, где не оговорено, деньги показаны на ассигнации. При переводе на серебро, надо считать 3 руб. 70 коп. асс. за серебряный рубль (курс, установленный в 1829 году).

974, сенокоса — 116, леса — 149, неудобной — 56, всего 1.346 десятин. Кистенево расположено „при двух озерах безыменных, а дачею речки Чеки на правой, озера безымянного на левой и по обе стороны заливов от речки Чеки и озер безыменных. И та речка в летнее жаркое время в мелких местах глубиной бывает в вершок, шириною в две сажени, а озеро глубиною в три аршина, а в окружности не более 250 сажений, — заливы же от речки Чеки пересыхают. Земля грунт имеет черноземистый, лучше родится рожь и полба, а греча, овес и пшеница, ячмень, горох и лен средственно. Сенные покосы изрядные, лес растет дубовый, березовый, липовый, осиновый, сосновый, ивовый. Крестьяне состоят на оброке, землю запахивают всю на себя, зажитком средственны“¹. Из сравнения казенных описаний Болдина и Кистенева видно, что последнее значительно беднее и скуднее первого в естественных своих богатствах. Владельцы Кистенева умерли бездетными, Николай Львович в 1821, Петр Львович — 15 мая 1825 года. Он жил в самом Кистеневе одиноко (хотя была „Палагея Акимовна“), в барском доме (деревянный, крытый тесом, длиною 7¹/₃ саж., шириною 5 саж., в 5 комнат). Так как поблизости не оказалось родственников, то все имущество было взято в опеку, и управляя имением опекун, отставн. подполк. Гавр. Петр. Ермолов. Единственными наследниками были братья Пушкины, Василий и Сергей Львовичи. В сентябре (18-го) они приняли от Ермолова как движимое, так и недвижимое имение, в чем и дали ему собственноручную расписку. 7 октября 1825 года Сергачский земский суд дал указ о вводе их во владение. Но в 1825 году братья получили еще одно наследство после родной тетки их Варвары Васильевны Чичериной (умерла 15 апреля 1825 г.) —

¹ Данные о Кистеневе по „экономическим примечаниям“ взяты из статьи А. Садовского.

имение Березичи Козельского уезда Калужской губернии. „Поговорив между собой, полюбовно учинили полюбовный раздел“—Василий Львович взял Березичи, а Кистенево стало единоличной собственностью Сергея Львовича. 12 февраля 1826 года Московский надворный суд сообщил в Сергачский земский суд об утверждении раздела. Сергею Львовичу Пушкину отошла и близлежащая пустошь Кривенко, раньше принадлежавшая Льву Александровичу Пушкину, подполковнику Григорию и капитану Николаю Бахметевым, майорше Ираиде Петровне Болтиной и каптенармусу Макару Асееву.

По данным 30-х годов, при Кистенево по плану значилось 978 десятин и сверх того в пустоши Кривенке 50 десятин пахотной земли, да купленной крестьянами 60¹, — всего 1.088 десятин; сенокосу 262, леса крупного строевого чернолесья — 15, мелкого кустарника — 6, под поселением, огородами, коноплянниками — 48, под половиной речки Чеки, озерами и заливами — 33, под проселочными дорогами — 6, всего 1.460 десятин. По 7-й ревизии душ числилось—474, по 8-й—уже 524 (и 538 женск. пола). Село Кистенево состояло на оброке. Тягловых единиц в нем числилось 212, каждое тягло платило по 50 руб., что составляло общую сумму дохода в год 10.600 руб.² И из Кистенева Сергей Львович Пушкин

¹ Кистеневские крестьяне купили землю на имя своего господина подполковника Петра Львовича Пушкина в 1821 году у гвардии прапорщика Беклемишева.

² При письме к Пушкину в январе 1832 года Калашников на требование его сообщить „сколько земли и прочего всему в общей с батюшкой части“ приложил партикулярное описание кистеневскому имению С. Л. Пушкина (См. Г. А. Х. Н. „Искусство“ 1923, № 1, статья И. Л. Поливанова „Из архива Поливанова“). Цифры, приведенные здесь, несомненно, уступают в точности моим цифрам, взятым из скрупулезного описания, сделанного для опеки. Но в 1832 году Калашников отмечает 220 тягол на оброке, уплачивающих ежегодно

выжал все, что мог. 3 февраля 1827 года он заложил 100 душ за 20.000 рублей и 10 ноября 1831 года перезаложил их за 5.000 рублей, взяв дополнительно по 50 р. за душу; в 1828 году 10 июля он заложил еще 100 душ за 20.000 руб. и перезаложил их 3 октября 1831 года еще за 5.000 руб. и, наконец, 19 июля 1834 года он заложил последние 76 душ за 15.200 рублей.

В 1836 году с Сергеем Львовичем Пушкиным случилось очередное несчастье. Он так запустил платежи по долгам в опекунский совет под залог своих кистеневских мужиков, что довёл дело до последней черты. Приехал в Кистенево дворянский заседатель Трескин и при двух дворянских свидетелях описал для передачи в управление дворянской опеки 37 крестьянских семей. После поименной переписи крестьянских мужиков, жен и детей, Трескин присоединил следующие подробности о положении кистеневских мужиков; подробности эти, набросанные в отношении крестьян, принадлежавших Сергею

10.000 руб. Отметим из описания Калашникова: „Промышленность крестьян состоит в хлебопашестве, в изделии рогож и торпешей, чем производят немаловажный торг. Сбыт произведений в губернском городе Нижнем и уездном городе Арзамасе и по базарам, в окрестных селениях находящимся“.

Из специальной работы о Болдине приводим следующие данные: „в списке населенных мест“ (неизданном) Кистенево показано, как часть прихода села Болдина. Вероятно, оно было выселено сюда по господскому велению за самоуправство и бунат; не даром улицы Кистенева получили столь характерное наименование, как Самодуровка и Бунтовка. Нам думается при этом, что этот опальный поселок был образован дедом поэта Л. А. Пушкиным. В Болдине он сам жил и, как человек, отличался, по свидетельству А. С. Пушкина, крутым и вспыльчивым характером. Все население Кистенева было русское, православное; крестьяне состояли на оброке; кроме хлебопашества, они были заняты выделкою рогож. Мочало получали из Симбирской губернии из-за Суры“ (А. И. Звездин, О Болдинском имении А. С. Пушкина в Нижегородской губернии, Нижн.-Новг. 1912, стр. 9).

Львовичу, в полной мере применимы и к собственности Александра Сергеевича. Уместно будет с официальным описанием сопоставить и сделанное с натуры заседателем Трескиным: „Сельцо Кистенево состоит от губернского города Нижнего в 180, от уездного Сергача в 55, от московской дороги пролегающей в Симбирск в 7, от судоходной реки Волги в 135 верстах, описные крестьяне занимаются хлебопашеством, тканием рогож и вольною работою, в оной деревни владеют описные крестьяне землею чересполосно с крестьянами Г. Александр Сергеевича Пушкина; означенным описным крестьянам, коих имеется 44 тягла, на каждый тягло достается пашенной земли во всех трех полях по 1 десятины и по $3\frac{1}{2}$ осминника, а на каждую ревизскую душу означенной земли причитается по $27\frac{1}{2}$ сажень, неудобной, под сельцом, селидебной с огородами, гуменниками, конопляниками и под овинами, сколько состоит не известно, и в ясность сие без планов привести невозможно, сенокосных полей в разных местах также мерою неизвестно, а вышеописные крестьяне на каждое тягло выкашивают ежегодно по два воза, у чиновника 5 класса Сергея Львовича Пушкина при сельце Кистеневе в общем владении с сыном вышеупомянутым Г. Александр Сергеевичем Пушкиным лесу примерно десятин до 9-ти, лес произрастает: дубовый, липовый, березовый и осиновый, частью строевой и частью дровяной, употребляется на господские обиходы, а крестьянам не отпускается, вышеописные крестьяне высеивают на каждое тягло разного рода хлеба поодной четверти и четыре четверика, ерового гречи противу ржи овса аполбы в двое, близ означенного селца протекает река Чека вней и кроме оной в селце Кистеневе рыбных ловлей нет. В сказанном селце Кистеневе у чиновника 5-го класса Сергея Львовича Пушкина и сына его Александр Сергеевича Пушкина кроме их

других владельцев владение земли в оном селце ни в особенном ни в чресполосном владении неимеется. Описные крестьяне 44 тягла платят оброку скаждого тягла по 50 рублей серебром с лажем по курсу народного обращения всего годового оброку составляетя 2.200 рублей идоставляются помещику в Санкт-Петербурх в четыре срока в июле, ноябре, декабре и в марте. Споров на оное имение нет, предположительных доходов в отдачу в оброк или нааренду в виду нет и не имеется авдесятилетнею сложность могут они господину своему принести хозяйственного дохода 22.000 рублей в оном селце господского строения кроме одного флигеля другого и никакого Богоугодного заведения неимеется крестьяне по духовенству состоят в приходе Лукояновской округи в селе Болдине внем церковь каменная во имя успения пресвятыя Богородицы, священно-церковнослужители от помещика никакой суммой не ползуются, апродовольствуют себя особо вырезанной церковною землею; документы как то: купчия, планы, межевыя книги и прочия крепости попринадлежности описного имения приселце кистеневе неимеется анаходятся оныя учиновника 5-го класса Сергея львовича Пушкина который проживает в столичном городе Санк-Петербурхе, ибо осем утверждает бурмистр родионов. Посоображению состояния описных крестьян количество принадлежащей кним земли, угодьи, иприносимого ими годового доходу, также соображаясь сдесятилетнею сложностию оцениется каждая ревизская мужеска пола душа в 250 р., а все вобще имение с землею и угодьи в дватцать восемь тысячь пятьсот рублей“. Эта оценка относится только к части Сергея Львовича.

II

После ссоры с отцом в Михайловском в 1824 году А. С. Пушкин, повидимому, не получал уже никаких по-

собий, да он в них и не нуждался, ибо его литературный гонорар уже стал весьма значительным. С этого времени материальное благосостояние Александра Сергеевича зиждилось преимущественно на литературных заработках. „Я богат через мою торговлю стихистую, а не прадедовскими вотчинами, находящимися в руках Сергея Львовича“¹. Но в 1830 году Пушкин сделал предложение Н. Н. Гончаровой, предложение было принято, и ему пришлось позаботиться об устройстве своего состояния. Он обратился с просьбой к отцу. Отец ответил: „Ты знаешь положение моих дел. У меня тысяча душ—это правда,—но две трети моих имений заложены в воспитательном доме.—Я даю Оленьке около 4.000 р. в год². В имении, которое досталось на мою долю после покойного моего брата, находится около 200 душ, совершенно свободных, и я даю их тебе в твое полное и безраздельное владение. Они могут принести около 4.000 руб., а со временем может быть и больше“³. И, действительно, 27 июня 1830 года чиновник 5 класса и кавалер Сергей Львович Пушкин совершил в С.-Петербургской палате гражданского суда „запись“—официальный акт, которым он передавал своему сыну, коллежскому секретарю Александру Сергеевичу, часть недвижимого своего имущества, состоявшего в сельце Кистеневе. С. Л. успел

¹ Переписка, II, стр. 65, № 361.

² Это—неправда. Н. И. Павлищев, женившийся на дочери С. Л. 25 января 1828 года, дает любопытные сведения на этот счет в письме к А. С. Пушкину от 26 апреля 1834 года: „Батюшка назначил когда-то содержание жене моей по четыре тысячи в год. Назначение это было принято с полною благодарностью. Несмотря на то, что в первые два года дано было только по 2 тыс., в последующие два по 1.500 руб., а в остальные еще менее, так что в последние 20 месяцев пребывания нашего в Варшаве вся выдача ограничилась только тысячью рублей“. См. Переписка, III, стр. 104, № 807.

³ Переписка, II, стр. 137. № 428.

заложить, как мы видели, в С.-Петербургском опекунском совете в 1827 г. 100 душ и в следующем 1828 г. еще 100 душ. Из оставшихся 274 душ незаложенных он уступил сыну 200 душ в вечное и потомственное владение. По записи А. С. Пушкин был ограничен в праве владения. Запись читается: „Он, сын мой, до смерти моей волен с того имения получать доходы и употреблять их в свою пользу, так же и заложить его в казенное место или партикулярным лицам; продать же его или иным образом перевести в постороннее владение, то сие при жизни моей ему воспрещаю, после же смерти моей волен он то имение продать, подарить и в другие крепости за кого-либо другого укрепить, притом за сим отделом предоставляю ему, сыну моему Александру, право после смерти моей из оставшегося по мне прочего движимого и недвижимого имения требовать следующей ему узаконенной части; на перед же сей записи означенное отдельное ему, сыну моему, по оной имение никому от меня не продано, не заложено, ни у кого ни в чем не укреплено и ни за что не отписано, цену же тому имению по совести объявляю государственными ассигнациями восемьдесят тысяч рублей“¹.

Имение нужно было Пушкину не столько для получения ежегодного с него дохода, сколько для извлечения сразу крупной суммы денег. Пушкин не замедлил воспользоваться предоставленным ему правом, и 5 февраля 1831 года он заложил свои двести душ на 37 лет за 40.000 рублей².

¹ Первая часть этой неизданной записи дословно повторяется в подписанном Пушкиным документе, который я привожу дальше. Полный текст записи — в приложениях.

² Пушкин писал Плетневу в феврале 1831 года (Переписка, II, стр. 223, № 523): „Представляю тебе хозяйственный отчет: заложил я моих 200 душ, взял 38.000 (на ассигнации), и вот им распределение: 11 000 теще, которая непременно хотела, чтобы дочь ее была с при-

Но еще до совершения залоговой операции Пушкину предстояло вестись во владение. „На-днях отправляюсь я в нижегородскую деревню, дабы вступить во владение оной“,—писал Пушкин 24 августа 1830 года из Москвы дедушке будущей жены А. Н. Гончарову¹.

„Осень подходит,—писал Пушкин Плетневу 31 августа.—Это любимое время. Здоровье мое крепнет—пора моих литературных трудов настает,—а я должен хлопотать о приданом, да о свадьбе. Еду в деревню. Бог весть, буду ли там иметь время заниматься и душевное спокойствие“².

В начале сентября он уже был на месте и основался в Болдине, 9 сентября он писал отсюда невесте: „Мое пребывание здесь может продолжиться вследствие обстоятельства, совершенно непредвиденного. Я думал, что земля, которую мой отец дал мне, составляет особое имение; но она—часть деревни в 500 душ, и нужно приступить к разделу. Я постараюсь устроить все это как можно скорее“³.

Пришлось повозиться. В болдинской конторе было составлено следующее прошение (не издано):

„Всепресветлейший державнейший великий Государь Император Николай Павлович, Самодержец всероссийский Государь всемилостивейший

просит дворянин Коллежский Секретарь Александр Сергеев сын Пушкин, а о чем—тому следуют пункты.

даным—пиши пропало; 10.000 Нащокину для выручки его из плохих обстоятельств: деньги верные. Остается 17.000 на обзаведенье и житье годичное“. В официальной справке указано, что Пушкин заложил имение за 40.000 руб. ассигнациями (11.428 руб. 58 коп. серебром) Очевидно, 2.000 руб. разошлись по мелочам.

¹ Переписка, II, стр. 170, № 469.

² Переписка, II, стр. 172, № 472.

³ Переписка, II, стр. 173, № 473.

Сего года июня 27 дня родной мой Отец Чиновник 5-го Класса и Кавалер Сергей Львович Пушкин по данной мне отдельной Записи Засвидетельствованной С.-Петербургской Палаты Гражданского Суда во 2-м департаменте, От делил мне в вечное и потомственное владение из собственного своего и недвижимого имения доставшегося Ему по наследству после смерти брата Его артиллерии подполковника Петра Львовича Пушкина, Состоящего Нижегородской губернии Сергачьского уезда в сельце Кистеневе, всего писанного по 7-й ревизии мужеска пола Четыреста Семдесят четыре души из числа оных Двести душ мужска пола с женами их и рожденными от них после 7-й ревизии обоего пола детьми, и совсеми их Семействами, Спренадлежащею на число оных двухсот душ в упомянутом Селце Пашенною и не Пашенною землею, с Лесы, с Сенными покосы с их крестьянскими Строениями и заведениями с хлебом наличными и в земле посеенных, Со скотом, Птицы и прочими Угодьи, и принадлежностями, что оным душам следует и во владении им состояло. Но как еще оная Запись не явлена, то и прошу.

Дабы высочайшим Вашего императорского Величества указом повелено было сие мое прошение и приложенную при сем подлинную отдельную Запись в Сергачьском уездном Суде принять и поступить на основании Законов, а между тем Нижнему Земскому Суду предписать: ввести меня во владение того отдельного мне имения, подлинную Запись по списанию с нее Копии возвратить мне обратно.

Всемилоостивейший Государь, прошу Вашего императорского Величества о сем моем прошении решение учинить сентября ¹ дня 1830 года к поданию надлежит

¹ Оставлено пустое место для числа и не заполнено.

в Сергачевский уездный Суд. Прощение в черне сочинял и на бело переписал Крепостной Его человек Петр Александров, Сын Киреев“.

Через строки прошения и в конце собственноручные строки Пушкина:

„К сему прошению Александр Сергеев сын Пушкин 10-го класса чиновник руку приложил.

Прощение сие верю подать, по оному хождение иметь и подлинную запись получить человеку моему Петру Кирееву“.

Петр Киреев начал хождение. Надо сказать, что срочность проявлена была необыкновенная. 11 сентября 1830 г. он подал прошение в Сергачский уездный суд. Прощение доложено было 11 сентября и передано в повытье (в канцелярию) с приказанием „о введении означенного господина Пушкина вышеуказанным именем законным порядком во владение, со взятъем от него в приеме оного расписки, а от крестьян о бытии у него в должном повиновении и послушании подписки, прописать здешнему земскому суду указом с повелением по исполнении рапортовать“. Указ земскому суду был послан 12 сентября. Во исполнение дворянский заседатель Григорьев 16 сентября ввел господина Пушкина во владение, отобрав от него расписку в получении крестьян, а от крестьян о бытии в должном повиновении и послушании. 18 сентября земский суд рапортовал в уездный суд об исполнении приказа. Уездный суд сделал распоряжение о прибитии к судейским дверям листа с извещением о вводе во владение г-на Пушкина и о публикации объявления в публичных ведомостях обеих столиц.

Помещик, от имени которого ведется рассказ в „Истории села Горюхина“, созданной как раз осенью 1830 г. в Болдине, рассказывает о своем приезде на родину: „Около трех недель прошло для меня в хлопотах вся-

кого роду,—я возился с заседателями, предводителями и всевозможными губернскими чиновниками. Наконец, принял я наследство и был введен во владение отчиной“. Эти строки отразили действительные события в жизни Пушкина—ввод во владение Кистеневкой.

III

Александру Сергеевичу надо было выделить 200 душ по тяглам. Приехали власти и стали делить мужиков. Не знаем признаков, по которым шел дележ, но тягло за тяглом переписывалось на нового помещика—и ревизские души со строением, скотом, хлебом и разным заведением переходили ему. Так и возникает в воображении картина: „Эй, вдова Авдотья Андреева, будешь теперь за бариновым сыном“. А у вдовы сын Николай Данилыч и дочь Настасья, лошади нет, одна корова, три курицы, хлеба никакого, только семени конопляного три меры—„дом и состояние бедное“—полтягла на нее и записать. За Авдотьей Андреевой пошел и Петр Осипов Ларцев, жена его Дарья, сын его Матвей, Лука, Лукина жена Федосья, Лукина дочь Офросинья, Петра Осипова дочь Варвара, у них изба, сарай, три курицы и три меры конопли—„дом и состояние бедное“—полтора тягла с них, и пошли Горюновы, Тихоновы, Латышевы, Макаровы, Галкины, Горбуновы, Курочкины, Перденевы и т. д. Отошло на сторону А. С. всего 96 тягол¹. И стали все эти крестьяне кистеневскими мужиками Александра Сергеевича, и стал Александр Сергеевич помещиком и душевладельцем.

К „хамскому“ племени, к крепостным он стал в прямые отношения, как господин, помещик. Раньше, в Михайловском, он был только сын господина, здесь он—

¹ Фамилии и подробности взяты из подробного описания половины А. С. Пушкина из дел опеки.

глава, самодержец. Он повелевает, а его „повелений слушаются: управляющий, бурмистр, староста, земские, сотские и иные мелкие сельские власти. В этот болдинский период, прославленный в его творчестве (сентябрь—ноябрь 1830 года), он испытал новые чувства, возникшие из новых для него социальных отношений. Когда-то, лет десять тому назад, он писал:

... барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.

Теперь земледельцу, в честь которого был сложен сей политический гимн, противостоял землевладелец, которого должен был сознавать в себе Пушкин. И он сделал это, и, как всегда, результаты своих размышлений он отразил в своем творчестве, в своих произведениях. Он наблюдал жизнь, как она шла в его поместьи и в поместьях его отца. В 1830 году он был баринком не только у себя в Кистеневке, но и в Болдине. Художественно-хозяйственный отчет о состоянии пушкинских имений и пушкинских мужиков мы находим в „Истории села Горюхина“.

„История села Горюхина“ в пушкинской литературе еще не обследована. Вряд ли можно считать (и после работ Б. В. Томашевского) установленным текст, нет еще обстоятельного историко-литературного анализа. Писавшие об этом произведении не довели до конца спора, кого в нем пародировал Пушкин, — Карамзина или Полевого. За исключением, кажется, одного А. С. Долинина (Искоза), никто не обратил внимания на автобиографичность, на обстановку, в которой написана „История“. Да и он задел эту тему только вскользь, в противовес авторам, ничего, кроме литературной пародии, в „Истории“ не усматривавшим¹. Вопрос помещичий

¹ Пушкин, ред. С. А. Венгерова, т. IV. Статья А. С. Искоза „История села Горюхина“. Углубление в литературные прообразы истории продолжается в работах Д. П. Якубовича.

или, что то же, вопрос крестьянский — вот основная тема „Истории“, выросшей из наблюдений и размышлений в болдинскую осень над окружавшим Пушкина рабским бытом. Занятия хозяйственные были чужды и владельцу села Горюхина и Пушкину, но новый помещик не мог не вникать в дело, выслушивая доклады, принимая счета и расчеты, просматривая документы крепостного хозяйства, а главное, наблюдая непосредственные результаты крепостного хозяйства господ Пушкиных. Он не мог, конечно, пройти мимо ревизских сказок, мимо составленных конторщиком описаний имущественного положения тягловцев, в роде тех, образцы которых мы только что приводили. А в списке источников, послуживших к составлению „Истории Горюхина“, показаны как раз „ревизские сказки, с замечаниями прежних старост (счетные и расходные книги) касательно нравственности и состояния крестьян“. Другие источники — календарные записи помещика о повседневных событиях помещичьего быта (4 мая Тришка за грубость бит, 6 — корова бурая пала, Сенька за пьянство бит и т. д.) — существовали также в болдинской действительности и восходят к записям дяди Пушкина Петра Львовича и к управительским журналам и памятным книгам, образцы которых я приведу дальше.

Конечно, Пушкина в „Истории Горюхина“ интересовала не литературная форма произведения, не пародийная ирония по адресу историков, а правда жизни, открывавшаяся ему в новой социальной обстановке. Тема „Истории“ точно указана Пушкиным: „Образ правления в Горюхине несколько раз изменялся. Оно попеременно находилось под властью старшин, выбранных миром, приказчиков, назначенных помещиками, и, наконец, непосредственно под рукою помещиков. Выгоды и невыгоды сих различных образов будут развиты мною в течение

моего повествования“. И, конечно, все три способа помещичьего правления Пушкин наблюдает не на протяжении многовековой истории крепостного права, а в современности, находившейся в пределах его наблюдения. Непосредственная власть помещика над крестьянами — не в историческом прошлом, а в современном быту. А современный помещик — сам Пушкин. В „Истории села Горюхина“ меньше всего истории: она укладывается в период 20 — 30 лет.

Итак, описанию подлежат три способа правления в Горюхине: 1) власть старост, выбранных миром, 2) власть приказчиков, поставленных помещиками, и 3) власть помещиков. Описал Пушкин в „Истории“ только два способа:

„Село Горюхино издревле принадлежало знаменитому роду Белкиных. — Но предки мои, владея многими друми вотчинами, не обращали внимания на сию отдаленную страну... Но в течение времени родовые владения Белкиных раздробились и пришли в упадок. Обедневшие внуки богатого деда не могли отвыкнуть от роскошных своих привычек и требовали прежнего полного дохода от имения, в десять крат уже уменьшившегося“. Эта картина — точная копия болдинской действительности. Дед Пушкина, Лев Александрович, прикупкой округлял нижегородское свое имение, а после его смерти оно начало дробиться, перешло двум братьям и двум сестрам, а после смерти Петра Львовича дробление пошло между Сергеем и Василием Львовичами. „Ныне огромные имения Пушкиных раздробились и пришли в упадок; последнее родовое имение скоро исчезнет“, — записал Пушкин. Ни Сергей, ни Василий Пушкины, поделившие Болдино, почти и не заглядывали в болдинское поместье.

„Горюхино платило малую дань и управлялось старшинами, избираемыми народом на вече, мирскою сходкою

называемом... Грозные предписания (обедневших внуков богатого деда) следовали одно за другим. — Староста читал их на вече; старшины витийствовали, мир волновался, а господа, вместо двойного оброку, получали лукавые отговорки и смиренные жалобы, писанные на засаленной бумаге и запечатанные грошом“. Крестьяне, предоставленные самим себе, не заботятся о выгодах помещика: „староста, выбранный ими, до того им потворствовал, плутуя за одно, что Иван Петрович Белкин принужден был отменить барщину и учредить весьма умеренный оброк; но и тут крестьяне, пользуясь его слабостью, на первый год выпросили себе нарочитую льготу, а в следующие более двух третей оброка платили орехами, брусникой и тому подобным; и тут были недоимки“. Этот эпизод из помещицкой жизни Белкина напоминает „новый порядок“, учрежденный Онегиным в 1824 году:

В своей глуши мудрец пустынный,
Ярем он барщины старинной
Оброком легким заменил;
И раб судьбу благословил.
Зато в углу своем надулся,
Увидя в этом страшный вред,
Его расчетливый сосед.

Бросается разница в отношениях к „легкому оброку“ у Пушкина в 1823 и 1830 годах. В 1830 году система „легкого оброка“ оказалась вредной именно с точки зрения помещицких интересов, которые стали занимать Пушкина. Иронизирует Пушкин и над органами крестьянского самоуправления. Он наблюдал мирское правление и воочию, и по многочисленным документам вотчинной конторы, — по приговорам¹ о выборе стариков, бурмистров, старост „доброго и хорошего“ поведения,

¹ Сохранились среди вотчинных болдинских документов в Пушкинском Доме.

приговорам, которые утверждались помещиками или исправником.

Невыгоды управления через старост почувствовал и владелец Болдина — С. Л. Пушкин. Уж очень плохо деньги поступали.

В Горюхине, в один прекрасный день, староста Трифон Иванов получил предписание господина: „Трифон Иванов! Вручитель письма сего, поверенный мой ** (любопытно отметить: Пушкин не дал никакой фамилии приказчику), едет в отчину мою Горюхино для поступления в управление оною. Немедленно по его прибытии собрать мужиков и объявить им мою барскую волю, а именно: приказаний поверенного моего ** им, мужикам, слушаться, как моих собственных. А все, чего он требует, исполнять беспрекословно, в противном случае имеет он ** поступать с ними со всевозможной строгостью. К сему понудило меня их бессовестное непослушание и твое, Трифон Иванов, плутовское потворство“.

И в Болдино в один прекрасный день 1825 года явился поверенный С. Л. Пушкина, крепостной человек Михайло Иванович Калашников, предъявил мандат, который вряд ли многим разнился от типичной барской доверенности, воспроизведенной в „Истории Горюхина“, и начал управлять.

Правление приказчика ** описано так:

„** принял бразды правления и приступил к исполнению своей политической системы. Она заслуживает особенного рассмотрения“.

„Главным основанием оной была следующая аксиома: чем мужик богаче, тем он избалованнее; чем беднее, тем смиреннее“. Вследствие сего ** старался о смирности вотчины, как о главной крестьянской добродетели. — Он потребовал опись крестьянам, разделил их на богачей

и бедных. 1. Недоимки были разложены на всех зажиточных мужиков и взыскиваемы с них со всевозможной строгостью. 2. Недостаточные и празднoлюбивые гуляки были немедленно посажены на пашню — если же по его расчетам труд их оказывался недостаточным, то он отдавал их в батраки другим крестьянам, за что сии платили ему добровольную дань, а отдаваемые в холопство имели полное право откупаться — заплатя сверх недоимок двойной годовой оброк. Всякая общественная повинность падала на зажиточных мужиков. Рекрутство же было торжеством корыстолюбивому правителю: ибо от оногo поочереди откупались все богатые мужики, пока, наконец, выбор не падал на негодя или разоренного. — Мирские сходки были уничтожены. — Оброк собирал он понемногу и круглый год сряду. Сверх того, завел он нечаянные сборы. Мужики, кажется, платили и не слишком более противу прежнего, но никак не могли ни наработать, ни накопить достаточно денег. В три года Горюхино совершенно обнищало. Горюхино приуныло, базар запустел, песни Архипа Лысого умолкли. Половина мужиков была на пашне, а другая служила в батраках; ребяташки пошли по миру — и день храмового праздника сделался, по выражению летописца, не днем радости и ликования, но годовщиною печали и поминания горестного“.

В одной из программ „Истории Горюхина“ Пушкин набрасывает схему истории села: „Была вольная богатая деревня. Обеднела от тиранства, поправилась от стр. (конечно, строгости. П. Щ.), пришла в упадок от нерадения“¹. Подчеркнуть стоит убеждение автора в полезности строгости для крестьян или, точнее, для помещичьего хозяйства.

¹ Напечатана И. А. Шляпкиным, неправильно прочитавшим: „поправилась при отце“. Цитирую по автографу, хранящемуся в Пушкинском Доме.

Приказчи́чья система управления в Болдине сложилась так. Калашников вступил в управление именем С. А. Пушкина в январе 1825 года. С 30 января этого года заведена Калашниковым книга для записи: спереди — поступления оброчных взносов, сзади высылки денег барину. Оброки Калашников собирал небольшими суммами в течение целого года¹, и деньги высылал не периодически, а по мере накопления. Стереотипная запись о высылке денег: „отправлено оброку в Санктпетербург 500 руб., за отправку страховых и весовых — 8 руб. 40 коп., почтальону за сургуч — 20 коп., для себя земский (отвозивший деньги) издержал 1 руб. 60 коп.“. Надо думать, что первое время Сергей Львович был доволен своим управляющим. Так в июле 1825 года Михайле Калашникову было пожаловано 150 руб., в декабре того же года — 100 руб. Наблюдения за Калашниковым барин никакого не имел. Он почти никогда не наезжал в нижегородское имение. Впрочем, в книге Калашникова есть запись об одном приезде барина, запись — скорее в цифрах, чем в словах — весьма выразительная. Приезжал Сергей Львович в сентябре 1825 года для того, чтобы показаться в своей новой деревне Кистеневе и вестись ею во владение. 15 сентября Калашников занес в книгу: „Отправлено Льву Сергеевичу 400 рублей, за отправку страховых и весовых 6 руб. 40 коп., для себя издержал бурмистр 1 руб. 25 коп. Сергею Львовичу отдано в Кистеневе 400 руб., в церкви дано Сергею Львовичу 4 руб., еще на свечи в церкви 60 коп., Никите Козлову тулуп 16 руб. (Никита Козлов, старый слуга господ Пушкиных, который был отпущен служить Александру Сергеевичу в 1820 году, когда его высылали на юг), вина для крестьян 3 ведра — 26 руб. 40 коп.; за починку колеса

¹ Приказчик в „Истории Горюхина“ оброк собирал понемногу и круглый год.

в коляску — 1 рубль; при отъезде вашей милости дано — 100 руб.“. Целая картина барского посещения вотчины, заставившего управителя подобраться. Вдали от барских взоров, Калашников забрал власть над тысячей душ. Вместе с управляющим половиной Болдина, принадлежавшей Вас. Льв. Пушкину, Елисеем Дорофеевым, он главенствовал в Болдинской округе. Этот крепостной человек старался жить под барина. Так 16 августа 1830 года, за две недели до приезда Пушкина, у него был прием: прибыли управляющие соседних имений, г-на Аникеева ардатовский мещанин Василий Павлов, управляющий г-на В. Л. Пушкина Дорофеев, еще управляющий Алексеев, был тут и болдинский конторщик П. А. Киреев. Тут произошла ссора, оставившая след в вотчинных бумагах. „Василий Павлов объявил на Калашникова неудовольствие, будто бы он, Павлов, приезжал в село Болдино к священнику Федору Михайлову и, находясь у него в гостях проживающий у него, священника, на квартире дьякон Алексей Ильин объявил ему, чтобы он со двора не ездил для того, будто бы управляющий Михайло Иванов посылал конторщика Киреева и старосту поймать его и убить“. По поводу этого „объявления“ конторщик писал даже жалобу в Лукояновский уездный суд. Вот как жил Калашников!

Когда Пушкин жил в Болдине в 1830 году, управлению Михаила Ивановича Калашникова шел уже шестой год. Но результаты уже были налицо. Сохранились записи собираемого господского оброку с 30 генваря 1825 года — со дня приезда управляющего Михаила Калашникова. Собрал он по 1 января 1826 года 13.106 руб. 17 коп., за 1826 год — 10.578 р. 65 к., за 1827 год — 7.862 р. 04 к., за 1828 год — 5.515 р. 77 к., за 1829 год (по 21 апр.) — 1.639 р. 46 к. Цифры свидетельствуют о хроническом падении оброка. Помимо официальных

данных, у нас есть и свидетельства современников. Первое хронологическое сообщение об управлении Калашникова находим в письме Ник. Ив. Павлищева, только что женившегося на дочери С. А. Пушкина — Ольге Сергеевне, к матери от 1 июля 1828 года¹: „По сие время родители (речь идет о стариках Пушкиных) еще ничего не сделали в пользу нашу, и мы с покорностью ожидаем их решения — разумею насчет денег. Скажу вам только, что тесть мой скуп до крайности, и вдобавок по хозяйству не сведущ. У него в Нижегородской губернии слишком тысяча душ; управляет ими крепостной, который, не заботясь о выгодах господина, набивает карман, а барина часто оставляет без гроша; очевидно, что за беззаботливостью отца и от плутовства управителя мы также должны терпеть нужду“. Вот свидетельство позднейшее от 1834 года: три года не изменили дела. Ученый управитель Рейхман, посетивший Болдино летом 1834 года, по предложению Пушкина, и ознакомившийся с хозяйством Болдина и Кистенева, писал ему: „Вы мне рекомендовали Михайла Иванова, но я в нем ничего не нашел благонадежного, через его крестьяне ваши совсем разорились, в бытность же вашу прошлого года в вотчинах крестьяне ваши хотели вам на него жаловаться и были уже на дороге, но он их встретил и не допустил до вас, и я обо всем оном действительно узнал не только от ваших крестьян, но и от посторонних по близости находящихся суседей“. Грабительские инстинкты Калашникова были хорошо известны родне Пушкина. Н. И. Павлищев писал Пушкину в январе 1835 года: „Михайло разорял, грабил имение двенадцать лет сряду; чего же ожидать теперь? — первой недоимки, — продажи с молотка и, может быть, зрелища, как крепостные покупают имения у своих

¹ Письма Н. И. Павлищева не изданы, хранятся в Пушкинском Доме.

господ. Я не говорю, чтобы Михайло купил его, нет, — но уверен, что он в состоянии купить“. У нас есть и высказывание и самого Пушкина в письме к П. А. Осиповой 29 июня 1834 года. „Все, что мне нужно: честный человек. Я не могу иметь доверия ни к Михайле, ни к Пеньковскому, поскольку я знаю первого и не знаю второго“.

Особенно пострадали от управления Калашникова кистеневские мужики. Я могу привести свидетельство о положении кистеневских мужиков более позднего времени — 1849 года. Сосед по болдинскому имению, товарищ по кавалергардскому полку П. П. Ланского, второго мужа Н. Н. Гончаровой и опекуна над малолетними детьми Пушкина, отставной полковник Г. В. Бобоедов, по просьбе друга ездил в имение, осмотрел его и доложил: „По письму твоему я ездил в имение г-д Пушкиных сельцо Кистенево, где нашел крестьян можно сказать в бедственном положении, такой нищеты я мало видал. Есть крестьяне, у которых не только нет лошади и коровы, даже нет курицы и избы, где бы он мог приклонить свою голову, многие из них не в состоянии платить не только оброка, даже и подушных казенных сборов; управляющий на их щет занимает в частных руках по 1.000 и более рублей, чтобы внести в подушные и оброк, платит за это по 8 и 10 процентов и записывает этот долг порашету на тех, за кем состоит эта недоимка, следовательно на самых бедных, который не имеет ничего, а долги на нем увеличиваются, чем же это должно кончиться, посуди сам, и теперь на этих крестьянах слишком девять тысяч этого долгу и от такого положения у многих из них совершенно испортилась нравственность и сделались просто бродяги и пьяницы, пахотной земли у них очень мало, лесу ничего нет, а лугов довольно, вот положение крестьян сельца Кистенева“.

Если подвести итоги подворной описи сельца Кистенева, части А. С. Пушкина, то получим: при 246 душах мужеска пола и 237 женского—96 тягол, при имуществе 79 лошадей, 86 коров, 142 овцы, 47 свиней, 359 кур, хлеба ржаного 191 четверть 4 меры, ярового 265 четвертей 3 меры, семени конопляного 12 четвертей 2½ меры, пчелы 4 пенька. Мочала для производства рогож было 924. Все население ютилось в 80 избах. При оценке дворов оказалось „лучших“ всего 6, хороших 2, средственных 21, бедных 35, весьма бедных 3, неимеющих ничего 1. Таков инвентарь Кистенева в части Александра Сергеевича Пушкина.

Других комментариев к хозяйственной системе Михайлы не требуется. Второй образ правления себя не оправдал.

Осязательные результаты второго образа правления не могли не поразить Пушкина, не наполнить смущением его сердца.

IV

Возвращаюсь к вопросам, поставленным и не разрешенным Ходасевичем.

Михаил Иванович Калашников привез в 1826 году в Болдино свою семью и свою дочь Ольгу, тяжелую. Я не могу пока ответить, сошли ли благополучно роды, кто родился, мальчик или девочка. Но достоверно следующее: Михаил Иванович, мужик крепкий, доверенный барина, управляющий, нашел выход и покрыл грех дочери. Он выдал ее замуж за вольного (значит, она тоже получила вольную), за мелкого чиновника, какого-нибудь протоколита, повытчика, вообще человека на казенной службе. Он даже владел несколькими душами, служил где-то неподалеку от Болдина, пьянствовал, дебоширил. Надо думать, он срывал при всяком удобном случае обиду за то, что его сделали ширмой, прикрывавшей грех жены. Если

ребенок был жив, ему пришлось, конечно, дать свое имя, но это лишь предположение. Он бросил службу в 1832—1833 году, вышел в отставку и вместе с женой поселился в Болдине у своего тестя. Ольга Михайловна претерпевала за свое увлечение, находясь в бедном положении и горестной жизни, но к виновнику своего несчастья она относилась не только без раздражения, но, наоборот, с дружеской привязанностью и интимной любезностью. Отношения с баринком не порвались после ее отъезда из Михайловского. Она была даже в переписке с ним. Из этой переписки дошло до нас только одно ее письмо, которое дало мне материал для предыдущих строк. Я приведу его дальше. Она и была предстательницей перед сыном барина за своего отца, и скажем здесь—ее слова, ее просьбы имели значение для Пушкина.

Была ли она в Болдине осенью 1830 года? Нет ничего неправдоподобного в положительном ответе на этот вопрос. Если она и не жила в Болдине, то, конечно, могла и приехать повидать Пушкина. А вот как они встретились или встречались в Болдине в эту осень, знаменитую в творчестве Пушкина? Этот вопрос я оставляю без ответа и даже не рискую строить какие-либо предположения.

Но, не правда ли, крепостной роман, завязанный в Михайловском, получил дальнейшее развитие в социальной обстановке, окружавшей помещика А. С. Пушкина?

V

Вокруг Болдина местность степная, безлесная, встречаются лишь небольшие рощицы из дубняка и осинника. „Что за прелесть здешняя деревня! степь да степь; соседей ни души; ездят верхом, сколько душе угодно, пиши дома; сколько вздумается, никто не помешает“¹. Пушкин весь отдался творческому порыву, а мужиков все-таки

¹ Переписка, II, стр. 175, № 475.

наблюдал и изучал. Они величали его титулом „Ваше здоровье“, а он держал тон шутливо-добродушный. В хозяйственную жизнь он не входил, и только исключительные обстоятельства—открытие в смежных с Нижегородской губерниях холеры—заставили его войти в более близкие отношения. Правда, Пушкин отбилсЯ от принятия официальной должности по холере, от назначения чем-нибудь в роде инспектора карантинных или попечителя квартала, но в роли антихолерного пропагандиста ему пришлось выступать¹. „Я бы хотел переслать тебе проповедь мою здешним мужикам о холере; ты бы со смеху помер, да не стоишь ты этого подарка“,—писал Пушкин Плетневу 29 сентября². В мемуарной литературе сохранился не лишенный достоверности рассказ П. Д. Боборыкина: „Дядя П. П. Григорьев любил передавать мне разговор Пушкина с нижегородской губернаторшей Бутурлиной. Это было в холерный год. „Что же вы делали в деревне, Александр Сергеевич?—спрашивала Бутурлина.—Скучали?“—„Некогда было, Анна Петровна. Я даже говорил проповеди“.—„Проповеди?“—„Да, в церкви с амвона, по случаю холеры. Увещевал их.—И холера послана вам, братцы, оттого, что вы оброка не платите, пьянствуете. А если вы будете продолжать так же, то вас будут сечь. Аминь!“

¹ 2 декабря 1830 года Пушкин писал невесте: „В минуту моего выезда, в начале октября, меня назначают окружным инспектором. Я непременно принял бы эту должность, если бы в то же время не узнал, что холера появилась в Москве. Мне стоило большого труда отделаться от инспекторства“ (Переписка, II, № 494, стр. 197). В приложениях мы даем любопытный документ холерной эпохи—приказ попечителя квартала помещика Пантусова управляющим села Болдина обеих половин Елисею Дорофееву и Михайле Калашникову. Документ дает реальный комментарий к письмам Пушкина из Болдина в холерный, 30-й, год.

² Переписка, II, стр. 177, № 476.

Но это чрезмерное добродушие было напускным. Сущность крестьянско-помещичьих отношений раскрывалась перед его сознанием, от нее нельзя было отмахнуться добродушием. Оставался третий способ управления крестьянами—власть осуществляется непосредственно помещиком. В „Истории села Горюхина“ выгоды и невыгоды сего образа правления оказались неразвитыми: „История“ оборвалась на втором способе. Оно и понятно: в Болдине и Кистеневе третий способ не нашел осуществления. В „Отрывках из романа в письмах“ читаем: „Звание помещика есть та же служба. Заниматься тремя тысячами душ, коих все благосостояние зависит совершенно от нас, важнее, чем командовать взводом или переписывать дипломатические депеши. Небрежение, в котором мы оставляем наших крестьян, непростительно. Чем более имеем мы над ними прав, тем более имеем и обязанностей в их отношении. Мы оставляем их на произвол плута-приказчика, который их притесняет, а нас обкрадывает; мы проживаем в долг наши будущие доходы и разоряемся“.

В 1830 году Пушкин сознал обязанности свои по отношению к крестьянам, но не взял их на себя. Он не мог положить конца управлению плута-приказчика. Что мог сделать в устройстве крепостных порядков он, в первой молодости с блеском выступавший против крепостного принципа? Пушкин иронизировал над собой, когда описывал положение Ивана Петровича Белкина (в предисловии к „Повестям“). „Быв приятель покойному родителю Ивана Петровича,—повествует друг Белкина,—я почитал долгом предлагать и сыну свои советы, и неоднократно вызывался восстановить прежний, им упущенный, порядок. Для сего, приехав однажды к нему, потребовал я хозяйственные книги, призвал плута-старосту и, в присутствии Ивана Петровича, занялся рассмотрением

оных. Молодой хозяин сначала стал следовать за мною со всевозможным вниманием и прилежностью; но как по счетам оказалось, что в последние два года число крестьян умножилось, число же дворовых птиц и домашнего скота нарочито уменьшилось, то Иван Петрович довольствовался сим первым сведением и далее меня не слушал, и в ту самую минуту, как я своими розысканиями и строгими допросами плута-старосту в крайнее замешательство привел и к совершенному безмолвию принудил, с великою моею досадою услышал я Ивана Петровича, крепко храпящего на своем стуле“.

Но у Пушкина были особые отношения к своему как никак блудному тестю—Михаилу Ивановичу Калашникову. Он „не вмешивался в его хозяйственные распоряжения и предал его дела распоряжению всевышнего“. Пушкин не без удовольствия, надо думать, посчитался на бумаге в рукописи „Истории села Горюхина“ с приказчиком, т.-е. с Калашниковым. Но для продолжения „Истории“ у Пушкина не хватило материалов, просто не было наблюдений.

VI

Пушкин уехал из Болдина в начале декабря 1830 года. Приказчик остался управлять имением. Крепостные доходы Пушкина были не велики. У него было двести душ, они были разбиты на 95^{1/2} тягол, т.-е. платежных единиц (у Сергея Львовича оставалось 274 души, 110 тягол). Должны были бы мужики уплачивать Александру Сергеевичу около 4.500 рублей, но полностью этой суммы он не получал. Так за 1831-й год Калашников переслал всего -на- всего 3.600 рублей. Вот его отчет: „Присем препровождаю Достального оброку До марта м-ца 550 р. Золотом, Асигнациями Будить 500 руб., а 50 руб. Промену на них Сто рублей Задержаны о чем и вашей Милости прежде Писал, теперь извольте получить от меня

Мартовской трети 900 руб. ассигнациями. Через Ольгу Сергеевну 1.200 руб. в Москву от правлено через Павла Воиновича Нащекина Ассигнациями 900 руб. теперь 500 р. ассигнациями будить Да задержанных 100 руб. всего за весь год 3.600 рублей¹. В 1833 году оброк составил почти такую же сумму². Крепостными доходами Пушкин пользовался недолго, всего четыре с небольшим года. Весной 1835 года он уступил доходы с своих кистеневских мужиков сестре. В то же время Сергей Львович согласился отдать свою половину Кистенева Льву Сергеевичу. Извещая брата о решении отца, Пушкин определял чистый доход в сумме около 2.000 руб. Часть Сергея Львовича была больше части Александра Сергеевича, но процентов по долгам с нее шло больше. При всем том, доходы с половины Александра Сергеевича на 1835 год вряд ли определялись суммой, большей 2.000 рублей. Пушкин проектировал свой бюджет на первый год семейной жизни на 17.000 руб., а в последний год жизни он предвидел 80.000 рублей ежегодных расходов. Понятно, при таком росте бюджета „рогожные“ заработки кистеневских мужиков были каплей в море. В бюджете Пушкина оброчные суммы не играли никакой роли. В тридцатых годах Пушкин жил преимущественно на литературный гонорар, но его нехватало, чтобы вести тот широкий образ жизни, к которому привела Пушкина женитьба. Пушкин делал долги, долги росли с каждым годом.

Любопытно отметить, что Пушкин, которого не могли удовлетворить оброчные прибывки, хотел последовать

¹ „Искусство“ 1923 г., № 1, ст. И. Л. Поливанова „Из архива Поливанова“. Датировка письма Калашникова 1832-м годом сомнений не вызывает. Оброчные деньги собирались медью; пересылка больших количеств меди была убыточна, и потому установился простонародный лаж при обмене меди на ассигнации. О таком „промене“ и идет речь в письме Калашникова.

² См. в приложениях „Щет“ А. С. Пушкину старосты Петрова.

примеру отца и, перезаложив свои души в Опекунском Совете, взять добавочные суммы, как это полагалось, по 50 руб. на душу. Операцию перезалога в Московском Опекунском Совете Пушкин поручил Нащокину и дал ему на это доверенность. 2 декабря 1832 года он писал Нащокину: „Надеюсь, что теперь получил ты, любезный Павел Воинович, нужные бумаги для перезалога; и что получишь ломбардные деньги беспрепятственно“. „Бумаги“ должен был выправить на месте Калашников; „бумаги“—свидетельство Нижегородской гражданской палаты о неполучении добавочных ссуд. 10 января 1833 года Нащокин спрашивал Пушкина: „Да скажи ради бога, что твой управляющий или бурмистр, чорт его знает, не присылает мне бумаг. Из твоего письма видно, что ты полагаешь, что я их давно получил и по оным уже и деньги, но ни того, ни другого; и без бумаг, не смотря, что я имею доверенность, ничего сделать нельзя. Не пишет ли он тебе чего-нибудь—уведомь, сделай милость“. Во второй половине февраля 1833 года Пушкин опять запрашивал друга: „Что, любезный Павел Воинович, получил ли ты нужные бумаги, взял ли ты себе малую толику?“ Наконец, бумаги были присланы, и надежда на перезалог рассеялась, как дым. Опекунский Совет отказал в добавочной ссуде по причине бедности крестьян Пушкина, по причине их крайнего безземелья. Нащокин сообщил Пушкину об этой неприятности: „Наконец, получил твое свидетельство, которое тебе и отсылаю, ибо оно никуда не годится: нет по пяти десятин на душу, ты сам увидишь из одного—и потому добавочных не дают; к сему еще разногласие с прежним свидетельством: там 545 дес., а здесь более. Далее говорить нечего, ибо я сей час еду в деревню сам хлопотать об том же... Для добавочных тебе остается два средства: либо выпросить у отца, чтобы дал до тысячи десятин

или свидетельство вместо чем на двести душ, на сто десять душ, на которое число только земли у тебя и достаточно“.

Но Пушкин не успокоился, вернее не вник в причины отказа Совета дать дополнительную ссуду, и решил, что дело в свидетельстве, формально неправильном. Нащокин в конце 1833 года писал Пушкину: „Управитель твой приехал, бумагу выправил, а денег опять не дадут; ибо я тебе и писал и сказывал сколько раз, что надо по пяти десятин на душу, а у него опять только по 3—было прежде по 2. Ему надо ехать домой, а мне перестать писать“.

Хотя кистеневские души и были признаны непригодными для перезалога, при случае оказалось возможным их использовать. В январе 1834 года у Пушкина началась забавная квартирная тяжба с домовладельцем Жадимировским, взыскивавшим с него 1.063 руб. 33¹/₃ коп.¹. Пушкин, выступая перед Съезжим домом Литейной части с объяснением, представил в обеспечение иска впредь до окончания дела 7 свободных душ из имения, состоящего в деревне Кистеновой². Жадимировский выиграл в суде свое дело и обратился через Управу благочиния к Пушкину с требованием уплатить деньги, но Пушкин предложил в уплату своих мужиков: Лукояновский Земский Суд должен был описать из 7 свободных душ следующие на удовлетворение иска количество душ. Смерть Пушкина прервала поток и разорение кистеневских мужиков, и долг алчному домовладельцу был уплачен опекой над имуществом и детьми Пушкина. Черточка, характерная для крепостного быта Пушкина!

¹ См. мою статью „Материальный быт Пушкина“ в журнале „Печать и революция“ 1928 г., кн. 8.

² У Пушкина было двести душ; они были заложены им в 1831 г. Семь свободных душ составляют, очевидно, прирост населения, отмеченный 8-й народной переписью или ревизией в 1833 году.

1835 Года *Марта 29* дня, въ Московскоиъ Опекунскомъ
Совѣтѣ принято по обязательству, данному на *27* лѣтъ ошъ

г-ну Николаю Александровичу Сергеелвичу Мушкетеру

1851 года *Февраля 5* дня, въ *Листѣ*, за уплатою
— руб. — коп., въ остальныхъ — руб. — коп.,
нынѣ еще въ уплату

№ 8059

По 1. 2. 3. срокъ

	Рублм.	Коп.
капитала по 1852 03 1854.	296 ⁰⁰	—
процента. по 1852 03 1854.	5959.	—
просрочки	96.	—
Итого ассигнаціями	7200.	—

Ассигнаціями *Россійскаго Императорскаго* востребованы.

*Средствъ
Генерала Ада*

Директоръ *Михайловъ*
 Экспедиторъ *Султановъ*
 Бухгал. Помощникъ *Миринъ*
 Казначей Помощникъ *Войцеховскій*

В отношениях к долговым обязательствам перед Опекунским Советом Пушкин не проявил какого-либо своеобразия. Он волновался в первый год после займа, 3 августа 1831 года просил Нащокина: „Еще покорнейшая просьба: узнай от Короткого, сколько должен я в ломбард процентов за 40.000 займа, и когда срок к уплате?.. Да растолкуй мне, сделай милость, каким образом платят в ломбард? Самому ли мне приехать? Доверенность ли прислать? Или по почте отослать деньги?“ Нащокин успокоил друга, и Пушкин отнесся к погашению с фамильной беспечностью. В первые три срока— за 1832, 1833, 1834 гг.—от него не поступило ни копейки ни в погашение капитала, ни в уплату процентов. В 1834 году Московский Опекунский Совет обратил внимание на застарелого неплательщика, и началось дело о взыскании денег с „10-го класса А. С. Пушкина“. Опекунский Совет обратился в Нижегородское правление; правление 15 сентября дало указ Сергачской Дворянской Опеке и Сергачскому Земскому Суду; 25 сентября Опекa предписала учинить опись имени Пушкина, а Сергачский Земский Суд постановил сообщить о взыскании дворянскому заседателю Трескину — с тем, чтобы он закончил дело не далее двух недель. 30 сентября постановление было сообщено Трескину, 15 октября, за неисполнением, оно вновь было сообщено с понуждением. Но дело застопорилось, как потом объяснял Земский Суд, из-за того, что одновременно производилось взыскание и с отца, и с сына, и, когда поступил платеж по долгу отца, вышло что-то в роде отсрочки для сына. 30 октября 1834 года управляющий именем Болдиным Пеньковский сообщил о беде: 10 ноября Пушкин ответил ему: „Получил я ваше письмо от 30 окт. и спешу вам отвечать. Долг мой в Опекунский Совет я заплачу сам, а из доходов Болдина не должно тратить ни копейки. Что касается до

1.270 требуемых за просрочку Батюшкинова долга, то если можете найти такую сумму, то заплатите“. 6 февраля 1835 года Нижегородское губернское правление приказало: „Сергачскому Земскому Суду за предосудительную медленность сделать выговор и строго подтвердить опись имению г. Пушкина доставить в сие правление с первой почтой под опасением за дальнейшую медленность строгого взыскания и сергачской опеке, дав знать о сем, предписать по зборе доходов с упомянутого имения отправить оные в полном количестве в Совет“. Тучи сгустились над Кистеневым, и Пеньковский, конечно, из болдинских доходов внес 7.200 руб. в Сергачский Земский Суд и предотвратил опись Кистенева¹.

VII

Нижегородскими имениями Пушкиных — отца и сына — продолжал управлять Михаил Иванович Калашников, продолжал разорять и грабить. В сентябре 1832 года Пушкин даже выдал ему доверенность. Сохранилось несколько писем Калашникова к своим господам — и Сергею Львовичу, и Александру Сергеевичу. Писаны письма писарем и только подписаны Калашниковым. Все они делового характера, обычно содержат сообщения о высылке денег, о состоянии хлебов, дают стереотипную фразу „при вотчине вашей все благополучно“ и неизменно заканчиваются „честь имею остаться с истинным моим высокопочтанием и преданностью милостивого государя покорный слуга и раб навсегда пребуду Михайла Калашников“.

Но и беспечнейший Сергей Львович обратил, наконец, внимание на бедственное положение имения и пришел к решению отставить Калашникова от управления. Ка-

¹ Воспроизводим в приложениях расписку Совета в получении денег.

Милостивый государь

Александръ Сербичевъ

извѣщаетъ васъ милостивый
государь что я съезжаю въ
моего друга, и въ томъ я пишу
вашему починивъ дѣлать зрѣнось.
тѣмъ же въ томъ же поводомъ
въ Сербичевъ выписавъ, и въ
вашемъ подвѣдѣнъ это
и въ поводомъ тѣмъ же. Въ
вашъ и въ томъ же въ томъ же
и въ томъ же дѣлать
вашъ же въ томъ же
и въ томъ же дѣлать
и въ томъ же дѣлать
и въ томъ же дѣлать

Письмо М. И. Калашникова (см. стр. 103).

..... засим честь име айшим
вы и преданностью госуд“.....

Письмо это не датировано или, вернее, датировка объединена мышами, на бумаге с водяным 1830 годом и явно относится ко времени, предшествующему удалению Михаила Иванова.

13 февраля 1833 года писала Пушкину и дочь Калашникова. Это письмо находится сейчас в моем распоряжении; оно — единственное сохранившееся из переписки поэта с героиней крестьянского романа. Калашникова была неграмотна и должна была диктовать свои письма, а писал ей обычно ее муж. Очевидно, он не совсем следовал диктовке и изображал в письме не совсем то, что слышал, и, кроме того, предавался по временам канцелярскому словоизвитию, а от этого стиль выходил чересчур кудрявым. Пушкин обратил внимание на кудрявый стиль писем бывшей своей возлюбленной и спросил ее в письме, откуда такие кудрявые письма. Когда ей пришлось ответить на вопрос Пушкина в письме к ней, она обратилась не к мужу, а к сельскому грамотею, тому самому, который писал письма ее отцу. Им и написано это единственное сохранившееся письмо¹. Вот из тридцатых годов голос милой, доброй девушки, оживленной лучем вдохновения и славы Пушкина:

„Милостивый Государь

Александр Сергеевич,

Я имела щастие получить от вас Письмо, за которое чувствительно вас Благодарю что вы Незабыли меня Находящуюся в бедном положении и в Горестной Жизни; впродчем покорнейше вас прошу извинить меня что я вас беспокоила Нащет Денег, Длявыкупки моего мужа Крестьян, то оные нестоют чтобы их выкупить, это я

¹ Ниже даем и факсимиле письма.

Сделала удовольствие Для моего мужа, и Стараюсь все К пользы нашей Но он Нечувствует моих благодеяний, Каких я Ему Неделаю, потому что он Самый беспечный человек, на которого янинадеюсь и нет надежды иметь куска хлеба, потому что Какие только Могут Быть пасквильные Дела то все оные Есть умоего мужа первое пьяница и Самой развратной Жизни человек. уменя вся наДежда Навас Милостивый Государь что вы неоставите меня Своею милостию, в бедном положении ив Горестной Жизни, мы вышли водъставку иЖивем у отца в болдине, то инезнаю Будули якогда покойна от Своего мужа или нет, а набатюшку все Сергей львович поминутно пишит Неудовольствия иСтрогие приказы то прошу вас Милостивый Государь защытитъ Своею милостию Его от Сих Наказаний; вы пишете, что будите Суда или внижний, тоя Снитерпением Буду ожидать вашего приезда, иоблагополучном пути буду Бога молить, оСебе вам Скажу что явообременении иуже время приходит, К разрешению, то осмелюсь вас просить Милостивый Государь, нельзяли Быть восприемником, Естли вашей милости Будет непротивно хотя нелично, ноима ваше вспомнить на крещении. описьмах вы изволити писать, то оные писал мне мой муж, инепонимаю что значут кудрявые, впродчем писать Больши Нечего, остаюсь С иСтинным моим почитанием ипреданностью изъвестная вам,—“.

Письмо датировано: „Село Болдино, февраля 21 Дня 1833 года, а подписи никакой нет. „Известная вам“ — так и кончается текст письма.

Одно письмо дошло из переписки помещика и крепостной крестьянки, ее письмо. Но и это единственное письмо дает материал для суждений. Отношения, нашедшие здесь отражение, представляются проникнутыми какой-то крепкой интимностью и простотой. Они в переписке, она с доверием прибегает к нему за поддержкой,

не скрывает от него своих горестей. Главная горесть — муж пьяница и самой развратной жизни человек, и вся надежда у нее на Пушкина: он не оставит ее своими милостями. Необходимым считает сообщить Пушкину о своей беременности, просит в крестные отцы, хоть по имени назвать. Ждет с нетерпением приезда. Нет никаких следов озлобления и раздражения, которое было бы естественно после истории, разыгравшейся в 1826 году; наоборот, пишет человек, относящийся к адресату с чувствами дружеского уважения и приязни, не остающимися безответными. Эти чувства являются проекцией тех, что связывали барина и крестьянку семь лет тому назад. Исключается возможность расценки их связи, как чисто физиологической, оголенной от романтики, лишенной длительности. Барин пришел, разрушил девичью невинность и при первых признаках беременности отослал от себя — такой трактовки не оправдывает позднейшая человечность их отношений. Если бы я и не думал, что оба давно известных сообщения — Пущина от января 1825 года и переписки Пушкина с Вяземским от мая 1826 года — относятся к одной и той же соблазненной Пушкиным девушке, а эти даты в таком случае свидетельствуют о продолжительности сожительства, то для меня достаточно было бы красноречивого свидетельства письма 1833 г. о некоей длительности связи 1825 — 1826 годов. С психологической точки зрения первый аргумент в пользу длительности дан был мне именно этим письмом.

Напечатанное мной письмо крестьянской девушки, бывшей предметом пушкинского романа в 1825 — 1826 годах, действительно дает основу к некоторым значительным выводам о характере этого романа, дает психологический и методологический толчок, дает исходный пункт к пересмотру давно известных сообщений и оправдывает попытку построения характеристики романа. Все

рассуждения о крепостном романе должны начинаться от этого письма. Отсюда я и начал. Изучение письма определило и мое отношение к ранее известным сообщениям.

Жизнь разрешила эпизод крепостной любви не так, как казалось Ходасевичу, а совсем наоборот. Вспомним его фантастическое построение; сопоставим с нашими сообщениями; не задерживаясь на нем, пройдем мимо и освободим Пушкина от ответственности, к которой Ходасевич привлек его за преступление, им не совершенное.

VIII

В 1833 году С. Л. Пушкин подыскал, наконец, нового управляющего для своих имений в Нижегородской губернии, — белорусского дворянина Иосифа Матвеевича Пеньковского. Доверенность, или, по тогдашнему казенному выражению, верующее письмо, Пеньковскому С. Л. выдал в Новоржеве 25 сентября. Круг обязанностей Пеньковского определяется так: „По случаю пребывания моего в Санктпетербурге прошу вас... мое имение принять в полное ваше распоряжение и хозяйственное управление, и буде случится по означенному моему имени дела, то по оным иметь хождение, следующие прошения, объявления и всякого рода бумаги от имени моего за вашим вместо меня рукоприкладством, во все присутственные места и лицам подавать... крестьян от всяких обид защищать, и для работ или промыслов их выпускать по рассуждению вашему с законными видами, также и имеющих при селе Болдине и сельце Кистеневе, Тимашеве тож, дворовых людей выпускать по паспортам, полагая на них оброк по вашему же рассмотрению, и, буде окажутся неисправными и дурного поведения, меня уведомлять. Из крестьян или дворовых людей кто-либо окажется ослушным или уличенным в преступлении, таковых

без пристрастия предавать суду и меня извещать. При том наблюдать, чтобы казенные повинности и подати в свое время уплачиваемы были сполна. С оброчных крестьян положенный мною оброк в назначенные мною сроки получать без недоимок, и ко мне высылать. От управляющего в селе Болдине крепостного жены моей человека Михайлы Калашникова принять все в свое ведомство по имеющимся у него книгам и документам, и буде имеются наличные из моих доходов деньги, то оные, тотчас от него приняв, доставить ко мне ровно и от бывших земских, бурмистров и старост, находящихся в живых, собрать все сведения по их управлению. Бурмистра кистеневского, Никона Семенова, при прежней должности оставить под непосредственным вашим надзором; словом, прошу вас по оному имению действовать и распоряжаться так, как бы я сам лично, собираемые с оного доходы доставлять ко мне¹ ...

8 октября Пеньковский из Острова извещал С. Л. Пушкина, что он получил доверенность и отправится в Болдино 11 и никак не позже 12 октября. В самом конце октября Пеньковский был на месте и приступил к приемке инвентаря. Первого ноября Калашников уже сдавал сельский запасной магазин. Переход власти из рук Калашникова к Пеньковскому совершился как раз в то время, когда Пушкин находился в Болдине (приехал 1 октября, уехал в середине ноября). Пеньковский вступил в управление Болдиным, а Калашников?.. Калашников продолжал исполнять какие-то управительские функции. Пеньковский должен был с ним считаться. По Кистеневу, в части А. С., он оставался управляющим. Конечно, этим он обязан был Александру Сергеевичу и дочери. Калашников перешел на второе положение, но пребывал в Болдине милостью Александра Сергеевича. Любопытно его жалостное пись-

¹ Полный текст см. в приложениях.

мо от 9 января 1834 г.: „Я к батюшке писал и просил Его Милости себе со старухой неоставить которая на смертном одре и боли ни о чем; еще уведомил сколько какова хлеба здал на лицо ровно и денег; вся надежда на вашу милость“. В этом письме Калашников счел возможным просить протекции для одного из двух болдинских попов и даже приложил его письмо. После стереотипной официальной подписи (ваш милостивого государя всенижайше раб навсегда пребуду...) следует характерная приписка, отдающая намеком на интимность: „Старуха моя желает всех благ от вышнего вам со слезами и кланяется все вместе“¹.

Осенью 1833 года помещичьи интересы привлекали внимание Пушкина. Враг раздробления крупных имений, Пушкин мечтал о воссоединении частей Болдина, поделенного между С. Л. и В. Л. Пушкиными, о приобретении находившейся в опеке после смерти дяди Василия Львовича его половины. 6 ноября 1833 года А. С. писал жене из Болдина: „Здесь я было вздумал взять наследство Василия Львовича, но опека так ограбила его, что нельзя и подумать“.

По возвращении в Петербург Пушкин повидался с отцом, и тот был очень рад предложению сына взять Болдино. А в первой половине декабря 1833 года Пушкин сообщил Нащокину: „Наследники дяди делают мне дурацкие предложения — я отказался от наследства. Не знаю, войдут ли в новые переговоры“. И через год Пушкин вел переговоры, но неудачно. В конце концов, в 1835 году, часть Василия Львовича была продана с аукциона полковнику С. В. Зыбину за 220.000 рублей.

Обращаясь в июле 1835 года к царю за субсидией, Пушкин в письме к Бенкендорфу не без горечи упоминал, что наследственное имение ушло из его рук.

¹ См. „Искусство“, назв. работа И. Л. Поливанова, стр. 320—321.

„Я должен был взять управление делами моей семьи, это обстоятельство запутало меня так сильно, что я вынужден отказаться от наследства“¹.

IX

В 1834 году Пушкину пришлось стать еще ближе к помещичьим делам. „Обстоятельства мои, — сообщал Пушкин Нащокину в начале марта 1834 года, — затруднились еще вот по какому случаю: на-днях отец мой посылает за мною. Прихожу — нахожу его в слезах, мать в постеле, весь дом в ужасном беспокойстве. — Что такое? — Имение описывают. — Надо скорее заплатить долг. — Уж долг заплачен. Вот и письмо управителя. — О чем же горе? — Жить нечем до октября. — Поезжайте в деревню. — Не с чем. — Что делать? Надо взять имение в руки, а отцу назначить содержание. Новые долги, новые хлопоты. А надобно: я желал бы и успокоить старость отца, и устроить дела брата Льва“.

Обстоятельства сложились так, что Пушкину пришлось взять за себя нижегородское имение и управлять им. Рассуждал он здраво: „Если не взяться за имение, то оно пропадет же даром; Ольга Сергеевна и Лев Сергеевич останутся на подножном корму, и придется взять их мне же на руки, тогда-то наплачусь и наплачусь, а им и горя мало! Меня же будут цыганить. Ох, семья, семья!“ И вот, в результате вышло так, что Пушкин должен был работать на своего брата, откровенного лентяя и бесстыдного мота, и на чету Павлищевых — Ольгу Сергеевну и ее супруга Николая Ивановича, хладнокровного и убежденного вымогателя. Это ли еще не горькая обида жизни! Несомненно, на решение Пушкина влияло страстное желание сохранить Болдино в роде Пушкиных, а потом Пушкин мечтал, что он раздается же когда-

¹ Переписка, III, № 918, стр. 215.

нибудь со двором, со светом, с городом, уедет в Болдино и заживет барином. Жена Наталья Николаевна была против того, чтобы муж брал Болдино, и Пушкину не раз впоследствии пришлось вспоминать о ее словах. 13 апреля 1834 года Пушкин отправил Пеньковскому письмо, являющееся первым по времени памятником его управления Болдиным. „Батюшке угодно было поручить в полное мое распоряжение управление имения его. Посему утверждая доверенность, им данную вам¹, извещаю вас, чтобы отныне относились вы прямо ко мне по всем делам, касающимся Болдина. Немедленно пришлите мне счет денег, доставленных вами батюшке со времени вступления вашего в управление, также и вами взятых в займы и на уплату долга, а засим и сколько в остатке непроданного хлеба, несобранного оброка и (если случится) недоимок — приступите вам также и к подворной описи Болдина, дабы она к сентябрю месяцу была готова“².

Первое время Пушкин не верил Пеньковскому и имел намерение пригласить нового управляющего. А. Н. Вульф посоветовал ему взять немца-агронома К. Рейхмана, управлявшего тверским имением П. А. Осиповой Малинниками. П. А. Осипова, узнав о намерении Пушкина, пришла в необыкновенное волнение. В ее глазах Рейхман был никуда негодный агроном-теоретик. „Поверьте мне и моей малой опытности, что лучше иметь управителем человека, умеющего, дав известный доход вам, сохранить и себе малую толику, чем честного дурака, который, ничего не зная, расстроит все ваше хозяйство и не приобретет ничего“, — писала 17 июня из Тригорского Осипова. Пушкин отвечал ей 29 июня. „Касательно Рейхмана ответу вам откровенно. Я знаю его за честного человека, а в данную минуту мне только это и нужно. Я не могу

¹ Полный текст доверенности — в приложениях.

² Переписка, III, № 801, стр. 96.

иметь доверие ни к Михайле, ни к Пеньковскому, так как знаю первого и вовсе не знаю второго. Не имея намерения поселиться в Болдине, не могу и думать об устройстве имения, дошедшего, между нами будь сказано, до совершенного разорения; я хочу только, чтобы меня не обкрадывали, и хочу проценты исправно вносить в ломбард. Улучшения придут впоследствии. Но будьте спокойны: Рейхман пишет мне, что крестьяне находятся в такой нищете, а дела идут так худо, что он не мог взять на себя управление Болдиным, и в эту минуту он в Малинниках. Не можете себе представить, до какой степени тяготит меня управление этим имением. Нет сомнения, что Болдино стоит того, чтобы его спасти, хотя бы для Ольги и для Льва, которым грозит в будущем нищета, или по меньшей мере бедность. Но я не богат, у меня самого семья, которая от меня зависит и без меня впадет в нищету. Я принял имение, которое принесет мне одни заботы и неприятности. Родители мои не знают, что они на волос от полного разорения". А сообщая жене, что новый управитель Рейхман отказался от управления и уехал, Пушкин прибавлял: „Думаю последовать его примеру. Он умный человек, а Болдино можно еще коверкать лет пять“¹. Много крови попортило Пушкину управление Болдиным. „Хлопоты по имению меня бесят“ или „Теребят меня без милосердия. Вероятно, послушаюсь тебя и откажусь от управления имения. Пускай они коверкают, как знают: на их век станет, а мы Сашке и Машке постараемся оставить кусок хлеба“... „Здесь меня теребят и бесят без милости. И мои долги, и чужие мне покоя не дают. Имение расстроено и надобно его поправить, уменьшая расходы, а они обрадовались и на меня насели. То то, то другое“².

¹ Переписка, III, № 832, стр. 130; № 839, стр. 139; № 841, стр. 141.

² О хлопотах 1834 года см. дальше.

Эти фразы точно рисуют положение Пушкина в деле управления имением. Он имел слабость принять дела и отказаться у него не хватило решительности.

Осенью 1834 года Пушкин был в Болдине (13 сентября он приехал, а 15 октября он был уже в Петербурге). Здесь Пушкину опять пришлось выступить в роли помещика. В письме к жене от 15 сентября Пушкин рассказывает о своей встрече с крестьянами: „Сейчас у меня были мужики с челобитьем; и с ними принужден был я хитрить; но эти, наверное, меня перехитрят, хотя я сделался ужасным политиком“... А в дневнике Пушкин записал: „съездил в нижегородскую деревню, где управители меня морочили — а я перед ними шарлатанил, и, кажется, неудачно“. Управители — Пеньковский и Калашников: весной 1834 года, будучи в Петербурге, Пушкин хотел отделаться от того и другого, но кончил тем, что оставил обоих. Пеньковскому он дал доверенность. Любопытно, что, совпадая почти текстуально с доверенностью, выданной Сергеем Львовичем, документ, подписанный Александром Сергеевичем, содержит существенное изменение. Сергей Львович поручал Пеньковскому: „из крестьян или дворовых людей кто-либо окажется ослушным или уличенным в преступлении, таких без пристрастия предавать суду и меня извещать“. Александр Сергеевич давал полномочия шире и жестче: „буде окажутся дурного поведения и вредные вотчине крестьяне и дворовые люди, таковых отдавать во всякое время в зачет будущего рекрутства; если окажутся неспособными, то отдавать без зачету, предварительно меня о том уведомив“.

Это изменение нельзя считать формальным; оно соответствовало, как увидим дальше, принципиальным взглядам Пушкина.

Доверенность Пеньковскому подписана Пушкиным 20 ноября и явлена в первом департаменте С.-Петербур-

бургской Палаты гражданского суда 22 ноября 1834 года¹. Но еще до выдачи доверенности Пушкин, очевидно, во время пребывания в Болдине, столкнулся с Пеньковским о размерах его вознаграждения. 30 октября Пушкин подписал соглашение; позволяю себе привести его полностью. Любопытный памятник помещичьего хозяйства, он тоже содержит одно чисто „пушкинское“ изменение: „В 1834 году октября 30 дня мною ниже подписавшимся назначается управителю по данной мною Доверенности на село Болдино и сельцо Кистенево Иосифу Матвееву Пеньковскому жалованья в год одну тысячу рублей ходячей монетой, дозволяется держать пару лошадей собственных и для оных сена и овса двадцать четыре четверти — Ординарий — Ржи четыре четверти, Ячменя по три четверти, Муки крупичатой шесть пудов, Круп рисовых десять фунтов, Манных пятнадцать фунтов, Соли три пуда, Говядины восемь пудов, Свинины три пуда, Коровьего масла три пуда, Индеек десять, Гусей пятнадцать, Уток двадцать, Кур тридцать, Телят четыре, Баранов пять, Поросят десять, Яиц четыреста, Свечей сальных два пуда двадцать фунтов, Вина пенного шесть ведер. В разъездах расходы мои, если по собственному моему делу, если же по каким другим делам, касающимся лично одних крестьян, тогда нащет вотчины, угощения приезжим по должности Чиновникам делать умеренные. Александр Пушкин“².

¹ Доверенность напечатана впервые в „Русск. Архиве“ 1890 г., т. стр. I, 436—437. 10 ноября Пушкин извещал Пеньковского о том, что он вышлет доверенность по следующей почте. Переписка, III, № 874, стр. 170.

² Извлекаем этот документ из „Известий литературно-художественного кружка“, вып. I, октябрь 1913 года: „Бумаги, относящиеся к Болдину, имению А. С. Пушкина“ — статья В. Я. Брюсова.

Умеренные угощения—тоже принципиальная установка хозяйственника Пушкина. Угощения, действительно, были неизбежным злом помещичьего и крестьянского быта. Когда он вписывал строки об угощении в соглашение об окладе Пеньковского, он только вспоминал болдинские „книги, учиненные для записывания расхода мирских денег“. Несомненно, он просматривал в вотчинном архиве немудрые записи этих книг. Одна из таких книг воспроизводится в приложении. Замечательный памятник крепостного быта! Просматриваешь книгу и вспоминаешь знаменитое щедринское жизнеописание купца Парамонова. „Приезжал чиновник из губернии для ревизии — дадено 7.000 руб.; попу Миките сантуринского — 12 руб.; проезжал немецкий прынец, дадено 6.200 руб.“ и т. д. Возможно, что прототипом жизнеописания явились такие же книги расхода мирских денег.

Кто только ни делал интервенций на Болдино, и решительно все интервенты получали угощение и дары. Чаще всего „приезжал солдат“ из Лукоянова. Приезды солдат отразились в книге так: „Приезжал с приказом — про него вина 44 коп.; приезжал с приказом чтобы везли ямские деньги — издержано вина 44 коп.; приезжал с приказом подавать сведения об урожае — ему дано 30 коп.; приезжал, посылал народ на розыскания — про него 44 коп.; приезжал с платежом десятских денег—ему дано деньгами 40 коп., про него вина 44 коп.“.

Когда приезжали приказные, суммы увеличивались: „Приезжали два приказных, отбирали подписки и с приложением о поставлении на дорогах вешек — деньгами 2 руб., вина 44 коп.“! Приезжали кредиторы, у которых общество занимало деньги для оплаты подушных и других казенных повинностей: за пожданье им платили про-

центы, угощали водкой, ерофеичем, одаривали ведром вина. Главным кредитором был кистеневский барин Петр Львович. Его чествовали особо: так на Спаса „куплено яблоков на поздравление Государя Петра Львовича и Пелагеи Якимовны (Петр Львович был холост) с праздником — 4 руб. 70 коп.“.

Но подарки становились крупными, когда дело доходило до исправника. „По приказу мира подарено исправнику за канавы на большой дороге по 25 коп. с души, всего 138 р. 25 к.“. Это уже серьезная взятка. Крестьяне, очевидно, отделались от тяжелой дорожной повинности по рытью канав. Но деньгами от исправника не отделаться: тут же: „исправнику сахару голова — 18 руб.“ или „исправнику орехов четверка — 1 р. 50 к.“. За исправником и секретарь — „секретарю Полянскому об канавах — 20 руб.“. Еще одна запись, которую можно было бы считать юмористической, если бы в действительности она не была строго фактической: „Проезжал исправник Блаватской, подумал мертвое тело (стоит подчеркнуть деликатное выражение — „подумал мертвое тело“), подарено на всю команду деньгами — 35 руб., вина и водки для них — 5 руб., из Лукоянова привезен штоф — 3.50, рыбы и меду — 3.50“. Известно, какой волокитой сопровождалось открытие мертвого тела на крестьянской земле и какое раздолье начиналось для поборов властей всех калибров. Мужикам надо было, чтобы исправник и оставался только подумавшим о мертвом теле, а не открывшим его. Исправник уехал с деньгами и думой, а на другой день запись: „За погребение мертвого тела для попов вина на 1 руб. 50 коп.“. Но отсылаем читателя к полному тексту этой любопытной книги (в приложениях): она стоит подробного ознакомления.

Так, в этих записях, возникает перед нами бесхитростная, рабья жизнь захолустного крепостного села.

XI

О Пеньковском надо сказать, что он оказался дельным управляющим и во всяком случае задержал падение поместий Пушкиных. В 1835 г. он отговорил Сергея Львовича от продажи Болдина, за что Пушкин выражал ему признательность в письме от 14 июня 1836 г.: „Очень благодарен вам за ваши попечения о нашем имении. Знаю, что в прошлом году вы остановили Батюшку в его намерении продать это имение и тем лишить, если не меня, то детей моих последнего верного куска хлеба. Будьте уверены, что я никогда этого не забуду“¹. Он пришелся по нраву и Сергею Львовичу: „никто меня в жизни столько не успокаивал, как вы“, — говорил он Пеньковскому. Сергей Львович изволил даже крестить дочку Пеньковского и в благодарность за попечения о своей особе подарил ему девочку или, выражаясь официальным языком, передал ему в вечное и потомственное владение свою крепостную Пелагею Семенову².

XII

В остатках вотчинного архива с. Болдина сохранилась за 1833 — 1834 гг. „памятная“ книга, куда сам управляющий и конторщики заносили достопримечательные собы-

¹ Переписка, III, стр. 335, № 1033. Пеньковский высоко ценит этот отзыв Пушкина, см. впервые печатаемое в приложениях его письмо к Н. Н. Ланской (Пушкиной).

² См. письмо С. Л. Пушкина к И. М. Пеньковскому в „Русск. Арх.“ 1890 г., т. I, стр. 438 — 439. Но С. Л. по беспечности не закрепил официально девочку за Пеньковским, и после его смерти последнему пришлось просить в 1850 году Ланского об оставлении крепостной у него. И. М. Пеньковский управлял Болдиным и после смерти С. Л. Пушкина (ум. 29 июля 1848 года) до 3 мая 1850 года, когда отошел в имение камергера А. А. Полянского.

тия и факты болдинской подневольной жизни. Записи любопытны не только как свидетельство об управлении имением Пушкина, но и как памятник крепостного быта¹. В этой книге читаем запись: „корова отелилась, родился бычек“, а рядом важный административный указ: „Я по вступлении моем в управление в село Болдино по данной мне доверенности г. С. Л. Пушкина нашел ослушным против моих приказаний и недостойным исправлять должность бурмистра Игн. Сем. Сягина, при собрании всех стариков устранию его от должности...“. Тут записаны и остальные назначения: в хлебные старосты, бурмистры и т. д. Столь же обычным являются записи о расправах: „Кистеневский крестьянин Вас. Игнатов просил на кистеневского земского Гавр. Алексеева, что насильно перевязал овец (за долг) и прибил женщин, одной женщине разорвал рот. Решено Гавр. Алексеева лишить иску, за побои наказан розгами 20 ударов“.

Еще запись о применении желез к Якову Семенову, бегавшему от солдатчины и месяц скрывавшемуся. Пред тем, как он был поставлен на суд перед собранием стариков, он был в железах, и из оных выпущен Михаилом Ивановичем Калашниковым. Решено дать 25 ударов розгами. Еще повседневный случай: „Ефим Захаров принимал в свой дом язовских воров — ослушался по приказанию моему дабы явиться из кабака в судную — мною лично был замечен с язовскими ворами в кабаке пьянствующего и украл тулуп у кистеневского крестьянина“ и т. д. Наказан 50 ударами розгами. А вот еще ослушник Тимофей Пядышев, тоже не явился из кабака в судную, решено было наказать его 40 ударами, но он был прощен за „вызнание о многих вещах им же в воровстве прошедшем, — и он же доказал на бывшего бурмистра Игната Семенова, что из под колосников рожь крал и при-

¹ Воспроизводим этот документ полностью в приложениях.

Мемуары о жизни
Андреевича Козлова
и Кумарова

1882,

1854 годъ

апрель 6 за дивер январско

866 р.

— 9 февраля 200 р.

Гапергоуры ассигновка 550 р.
всего всего 1416 р.

за бумага Мте (штук)

апрель 29го за перепу 1,330 руб.

в перепу — 260 р.

всего всего 1,590.

Мали

24²⁰ } сума независимат 100 р.
30²⁰ } _____ 200 р.
расходи 6²⁰ - 300 р.

сума б.
4²⁰ сума 50 р.
6²⁰ расходи 678 р.
8²⁰ сума 150
9²⁰ сума 350
сума 1228

Получено отъ банката 400 р.

сума пострада отъ 6²⁰ а отъ 11²⁰
отъ 9 изама (квота сума) 3924 р.
сума доку ... 550
сума 4,474 р.
пострада ... 400 р.

11 год
 9го ————— 50
 110 112

3 напичены 50
~~4 напичены~~

6го модификация опоры 30 инв.

20 101 112) Белая А. 100 74 82 инв
за 13,260 руб. (30 инв. (2 - 1000))

мощь вода —————
 Бурблен (1) Запасная Дале 220 р
 Шквал инв-пр. ————— 380 р
 23 101 112) за 857 р
 31 101 112) за 950 р

автомат
 14 шт. за переборку мебели 35 р.
 16 — водопровод 500
 — за ремонт 161

расходы 13,230 руб.
 расходы 3,088 руб. за ремонт мебели
 вмен 4,070 —
 7,158

денгю нр бнн сумма отплат
6,042 руб

Список

1го нр Сотт — — — — — 350 р.
— Купон Копеек за Или (ср.) 391

Список

22 Подписан — — — — — 500

Список

1го За А участия состав 168 - р.
18го Курс СВ Сред 350
21го нр Или Копеек Получено 30

Список

7го состав заво 40 р.
21го Сек. 150 "

28 окт. заданья	800
— за п.п. береминский	1500

по плану дирекции на 1900 год.

Безымянная, сумма 1240

в том числе: 1) 1240 — 1240 —
 в том числе: 1) 1240 — 1240 —
 в том числе: 1) 1240 — 1240 —

835 wya

27

Three's

11,114 books is present in
libraries in the region

with (approximate number)

5

7

1

1

1

1

1

1

Passage

3 ⁰⁰	4 ⁰⁰ <i>гнв</i> <i>гнв</i>	15 ⁰⁰
4 ⁰⁰	_____	150
11 ⁰⁰	_____	500
2,6	_____	100
		765 ⁻

Приворот.

14 ²⁰	2 ⁰⁰ <i>гнв</i>	100
15 ⁰⁰	<i>гнв</i> <i>Ан. Кук. Б</i> <i>гнв</i>	20
16	<i>гнв</i> <i>гнв</i>	300
22	<i>гнв</i>	75
		495

в. Капма

1	2 ⁰⁰ <i>гнв</i>	200
4	<i>гнв</i> <i>гнв</i>	300
17	<i>гнв</i>	100
31	_____	100
		700

Parroys

arphub

6²⁰ — 1000

200 p.

17 —

100 p.
300

Men

200 p.

3 —

150

150

500

1000

14 —

25

17 —

375

20 —

~~175~~

575

возил в собственный дом, а рижник Кирей за шубу давал ему, Пядышеву, барского овса 4 четверки“.

Вот оно, пушкинское хозяйство! Ну, и так далее. Все эти записи — реальный комментарий к отрывку из „Истории села Горюхина“: „Посадил окаянный приказчик Антона Тимофеева в железы — а старик Тимофей сына откупил за 100 руб.; а приказчик заковал Петрушку Еремеева, и того откупил отец за 68 руб., и хотел окаянный сковать Леху Тарасова, но тот бежал в лес — и приказчик о том вельми крушился и свирепствовал во словесах — а отвезли в город и отдали в рекруты Ваньку-пьяницу“.

Особое место занимают записи о рекрутском наборе. В ноябре 1833 года болдинская экономия назначила в солдаты семь человек. Против первых четырех фамилий в списке пометки „вор“, а физические характеристики такие: Ефим Захаров — течет с ушей, Пядышев — рана в ноге, Кандалов — желтью болен, Ананьин — палец на левой руке крюком. Только два без особых патологических примет, а из них Сягин („чист“) сбежал, очевидно, по дороге в Арзамас, от отдатчика. Целая система поставки рекрут государству! И эту систему — защищал Пушкин. Напомню особенный пункт в доверенности, выданной им Пеньковскому, и приведу характерные рассуждения по этому поводу из „Мыслей на дороге“: „Власть помещиков, в том виде, как она теперь существует, необходима для рекрутского набора. Без нее правительство в губерниях не могло бы собрать и десятой доли требуемого числа рекрутов. Вот одна из тысячи причин, повелевающих нам присутствовать в наших поместьях, а не разоряться в столицах под предлогом усердия к службе, но в самом деле из единой любви к рассеянности и чинам. Очередь, которой придерживаются некоторые помещики-филантропы, не должна существовать, пока существуют наши дворянские права. Лучше употребить сии права

в пользу наших крестьян и, удаляя из среды их вредных негодяев, людей, заслуживших тяжкое наказание и проч., делать из них полезных членов обществу. Безрас-судно жертвовать хорошим крестьянином, трудолюбивым, добрым отцом семейства, а щадить вора и пьяницу об-нищалога, из уважения к какому-то правилу, самовольно нами признанному. И что значит эта жалкая пародия законности!“¹.

Стремления помещиков сдавать негодных рекрутов обратили внимание правительства. Министр внутренних дел 11 июня 1836 года издал особый циркуляр по этому поводу. „Государь император, замечая, что при рекрут-ских наборах весьма часто представляются рекруты с явными недостатками, повелеть соизволил, дабы министр внутренних дел подтвердил циркуляром по гражданскому ведомству о той ответственности и взысканиях, коим подвергают себя по силе рекрутского устава виновные в представлении приему таковых рекрут, недостатки имеющих“. Этот циркуляр лукояновский предводитель дворянства сообщил к сведению помещиков своего уезда, а за их отсутствием их управляющих и вотчинных на-чальников. Был прислан циркуляр и в болдинскую вотчин-ную контору (26 июля 1837 г., № 118).

Пушкин знал болдинскую действительность, нищен-ский рабский быт разоренных имений Пушкиных, и поэтому грустным памятником резкого несоответствия жизненной правде является изображение крепостного му-жика в сравнении с английским рабочим в тех же „Мы-слях на дороге“, изображение, дающее повод говорить о защите крепостных устоев. „Прочтите жалобы англий-ских фабричных работников: волосы встанут дыбом от ужаса. Сколько отвратительных истязаний, непонятных

¹ Сочинения и письма Пушкина, ред. П. О. Морозова, изд. „Просвещение“, т. VI, стр. 348.

мучений! Какое холодное варварство с одной стороны, с другой — какая страшная бедность... Кажется, что нет в мире несчастнее английского работника... У нас нет ничего подобного. Повинности вообще не тягостны. Подушная платится миром, барщина определена законом; оброк не разорителен... Помещик, наложив оброк, оставляет на произвол своего крестьянина доставать оный, как и где он хочет. Крестьянин промышляет, чем он вздумает, и уходит иногда за 2.000 верст выработать себе деньги... Злоупотреблений везде много: уголовные дела везде ужасны. Взгляните на русского крестьянина: есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи? О его смелости и смысленности и говорить нечего. Преимчивость его известна; проворство и ловкость удивительны... В России нет человека, который бы не имел собственного своего жилища. Нищий, уходя скитаться по миру, оставляет свою избу. Этого нет в чужих краях. Иметь корову везде в Европе есть знак роскоши, у нас не иметь коровы есть знак ужасной бедности... Судьба крестьянина улучшается со дня на день, по мере распространения просвещения. Избави меня боже, быть поборником и проповедником рабства; я говорю только, что благосостояние крестьян тесно связано с пользою помещиков, — и это очевидно для всякого. Злоупотребления встречаются везде"¹.

В своих имениях Пушкин не мог найти подтверждения благополучному состоянию мужика. В наших руках — подворные описи кистеневских мужиков, мы уже приводили общие итоги; в частности были мужицкие семьи — бездомные, бескоровные, безлошадные (на 96 семейных единиц — 79 лошадей, 86 коров). Действительно, в своей публицистике, которая, несмотря на все компромиссы, не увидела света, Пушкин перегнул, и даже слишком.

¹ Там же, стр. 362—363.

Управление имениями увлекало внимание Пушкина по двум направлениям, соответственно двум функциям управительской деятельности — функции собирания, накопления и функции распределения. Поэт и художник, Пушкин должен был разбрасываться на две стороны: в сторону болдинских и кистеневских мужиков и в сторону алчных родственников — родителей, брата, сестры с мужем. Как помещик, Пушкин не выделился из круга средне-дворянского, даже чуть ниже среднего. Так вели свое хозяйство сотни и тысячи дворян, уже не сидевших на земле, сторвавшихся от нее, отдавших ее в руки управителей. Сам Пушкин в своих статьях восклицал патетически, что благосостояние крестьян тесно связано с пользой помещиков; в этом ему вторил его лицейский товарищ, человек совсем иного склада, барон М. А. Корф. „При существующем положении нашего гражданского устройства, необходимо, чтоб помещичья власть обращена была единственно на благо своих крепостных; злоупотребление же сей власти влечет за собою унижение благородного звания и может привести к пагубнейшим последствиям“¹.

В действительности для разнопоместного дворянина, по классовому недалёковидного, на первом плане стояли вопросы помещичьего благосостояния, которое и устраивалось — пусть временно, пусть недалёковидно — за счет крестьянского благосостояния. Ведь надо же было жить и родителям, и бесстыдному моту Льву Сергеевичу, и нудному неудачнику Николаю Павлищеву с женой. А для

¹ Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа, „Русск Старина“ 1899 г., т. С, октябрь, стр. 52.

этого надо было выколачивать оброки, выжимать барщину, не запускать недоимок. Сперва мужички должны были устроить и обеспечить господское благосостояние, а потом, если оставалось время, подумать и о своем. „Я хочу только не быть обворованным и платить проценты в ломбард, — идеал желаний Пушкина. — Улучшения придут впоследствии“. Будем считать, что Пушкин относился формально к делу управления именьями и передоверил всю свою власть управителю; возложим бремя ответственности на И. М. Пеньковского. Подчеркнем, что с момента вступления в управления имением для себя лично он не пользовался крепостными доходами. Все шло на родственников — второе устремление хозяйственного внимания Пушкина. Все, что мы знаем о деятельности распределяющей функции пушкинского хозяйствования, побуждает нас проникаться чувствами глубокого и горестного сожаления. Злая ирония судьбы! Беспечный, рожденный для вдохновения, сладких звуков и молитв, поэт должен был заняться бухгалтерией. Пушкин - бухгалтер — вот неожиданная тема настоящей главы.

Мы дорожим всякой пушкинской строкой, и нехудожественной. Стоящая на очереди задача пушкиноведения — произвести учет всему, что вышло из-под пера Пушкина. Пушкиноведение как бы выполняет завет Пушкина. „Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства. Мы с любопытством рассматриваем автографы, хотя бы они были не что иное, как отрывки из расходной тетради, или записка к портному об отсрочке платежа. (Пушкин писал эти строки по поводу Вольтера, а как будто имел в виду себя!) Нас невольно поражает мысль, что рука, начертавшая эти смиренные цифры, эти незначущие слова, тем же самым почерком и, может быть, тем же самым пером написала и великие творения, пред-

мет наших изучений и восторгов"¹. Пушкинисты тщательно собирают и воспроизводят все заметки Пушкина, все записи с адресами, записи долгов, сумм литературного гонорара, счета, подписанные им, расписки в получении жалованья. Ко времени его помещичьего хозяйствования относятся неизданные документы, писанные тою же рукой, которая писала „Медного всадника“. Первый документ — это заведенная им, самодельная книжка, сшитая из 16 перегнутых пополам листков почтовой бумаги большого формата². На первой странице Пушкин дал назначение и титул этой тетрадке:

*Щеты по части
управления Болдина
и Кистенева
1834.*

Записей здесь немного. Листы 1 об., 4 об., 7 об. и дальше до конца чистые. Период, захватываемый „щетами“, начинается с того месяца, когда Пушкин, заявив отцу о том, что он берет Болдино, начал производить на семью расходы из собственных средств, и кончается июнем 1835 года, когда Пушкин отошел от управления именем. Эту книжку воспроизводим факсимиле. „Щеты“ — первая редакция бухгалтерских записей Пушкина, подневная кассовая книга. „Бухгалтерия“, очевидно, весьма беспокоила Пушкина. Сохранились еще две сводки счетов по управлению именьями: первоначальная и вторичная. В приложениях воспроизводим с точностью и ту, и другую. А сейчас, пользуясь всеми записями Пушкина, попробуем расшифровать действительную жизнь, бившуюся под этими цифрами, восстановить картину финансовой

¹ Статья о „Вольтере“, Соч. Пушкина, ред. П. О. Морозова, изд. „Просвещение“, т. VI, стр. 110.

² Приводим факсимиле этого документа.

деятельности по управлению родовыми именьями¹. Хозяйственная деятельность Пушкина падает преимущественно на 1834 год, на весну и лето этого года, когда, отослав семью в деревню, он оставался один в городе и занимался „Историей Пугачева“. По силе переживаний я отвожу этому периоду самое значительное место в истории жизни Пушкина в 30-х годах. Отсюда начинается тот процесс, который трагически разрешился в январе 1837 г. В настоящей статье останавливаюсь только на этой одной стороне, связанной с выступлением Пушкина, как помещика и как представителя семьи Пушкиных. В том фоне, на котором надо рисовать жизнь Пушкина, далеко не последнюю роль играли впечатления финансово-хозяйственной деятельности.

Когда Пушкин решил взять имение в свои руки и давать содержание отцу, брату и сестре, он был при деньгах: только что, 22 марта, он получил от царя 20.000 рублей на издание „Истории Пугачева“. Первая запись в „щетах“ сделана 6 апреля на расходной странице: Пушкин начал тратить собственные деньги. Еще до 6 апреля дал он из своих денег за родителей сестре и уплатил их „людям“—550 рублей. На начало апреля, быть может, на 5 или 6 апреля, надо относить разговор с отцом (—О чем же горе?—Жить нечем до октября.— Поезжайте в деревню.— Не с чем!) и решение Пушкина назначить отцу содержание. Родителю в это время шел 64 год. Он был по-старчески слезоточив; ипохондрия заедала его. Но пышным цветом расцветала в старости всегда крепко сидевшая в нем скупость. С бальзаков-

¹ Быть может, экскурс в область денежных записей Пушкина и отводит несколько в сторону от темы „Пушкин-помещик“, но ведь горести Пушкина пошли именно от его управления, а, кроме того, экскурс основан на неизданных материалах, которые не бесполезно огласить для биографических разысканий.

ским героем, отцом Горио, сравнивали близкие знакомые отца Пушкина, с той разницей, однако, что Горио отдал все своим детям, а этот проел все свое добро. Дочь его, наблюдавшая жизнь родителей в 1835 году, писала мужу: „Право, отец иногда мне очень жалок. Старик хотя и не отец Горио: всегда нуждается в деньгах, а их любит“. Но этот русский Горио способен был самым наглым образом присвоить деньги, высланные управляющим Пеньковским в его адрес для передачи дочери. Когда у него спрашивали денег на дрова, на сахар, он ударял себя в лоб и восклицал: „Что вы ко мне приступаете? Я несчастный человек!“¹. Мать Пушкина в это время была постоянно больна и дотягивала предпоследний год жизни. Пушкин взял родителей на свое попечение. 6 апреля он уплатил за квартиру родителей („за дом“) 666 руб.², а 9 апреля дал деньгами 200 руб.

Принял с легким сердцем, как должно, решение брата Лев Сергеевич Пушкин. С 14—15 октября 1833 г. этот беспардонный тунеядец жил без копейки денег в Петербурге и не плохо жил: должал по ресторанам, занимал дорогую квартиру в доме Энгельгардта. Образ его жизни не мог не возмущать Александра Сергеевича. Впоследствии, в декабре 1835 года Ольга Сергеевна сообщала мужу: „Вообрази, что он здесь взял первый номер в доме Энгельгардта, за который он платил двести рублей в неделю, и давал завтраки графу Самойлову! Александр говорит, что из рук вон, ни на что не было похоже“³. Первым делом Александра Сергеевича было выкупить

¹ „Пушкин и его современники“, вып. XVII—XVIII, стр. 191 и 187.

² Родители Пушкина вернулись из Михайловского 22 ноября 1833 года и поселились у Пустого рынка в доме Ефремова, квартиру (7 комнат) сняли за 2.000 руб. в год. Александр Сергеевич уплатил за треть, очевидно, вторую (с марта месяца).

³ „Пушкин и его современники“, вып. XVII—XVIII, стр. 200.

брatца из дома Энгельгардта. 28 апреля Пушкин сообщал жене, что Лев Сергеевич переезжает от Энгельгардта к родителям. В действительности, 29 апреля Пушкин отметил в щетах уплату за Льва в ресторацию 260 руб. и в дом Энгельгардта 1.330 руб. Итак, в итоге управления за апрель месяц оказалось у Александра Сергеевича расходу на 2.456 рублей, а со старым долгом—3.006 рублей, приходу же никакого.

Обрадовались родители, сейчас же (6 апреля) отписали в Варшаву к дочери о том, что Александр взял на себя труд уплачивать долги Льва Сергеевича и доставлять ежегодное содержание Ольге Сергеевне, по крайней мере, в размере 1.500 рублей в год на первых порах. „Les dettes de Léon seront payés: c'est Alexandre qui s'en charge—долги будут уплачены: Александр берет их на себя—приписал торжественно Сергей Львович к письму жены в Варшаву. И сейчас же вторгся в жизнь Пушкина деловой, грубый и алчный зять Николай Иванович Павлищев, началась удивительная переписка, в которой нападающей стороной был Павлищев, а обороняющейся—Пушкин. Первый предъявлял непрерывные требования о материальных компенсациях, а второй отбивался; первый чуть не в лицо выражал боязнь, что Пушкин обсчитает сестру, а второй всячески старался уточнить свои сообщения. У Пушкина не хватало терпения читать письма зятя, по временам их дочитывал ему Соболевский, заставляя внимать родственным рассуждениям¹. С течением времени отвращение к письмам Павлищева выросло до такой степени, что Ольга Сергеевна Павлищева должна была посоветовать своему мужу не писать больше Александру Сергеевичу: „он бросит твои письма в огонь, не распечатывая их,—верь мне“². 26 апреля Павлищев

¹ Пушкин и его современники, вып. XVII—XVIII, стр. 200.

² Там же, вып. XXVIII—XXIV, стр. 211.

уже писал Пушкину: он потребовал от него, во-первых, безотлагательной присылки ему 837 рублей, должных ему, Павлицеву, Львом Сергеевичем (в эту сумму не забыл включить и проценты) и, во-вторых, положительного уведомления на счет срока, с которого будет считаться первый год периодических выплат содержания его жене. Категорический тон Павлицева не мог не взволновать Пушкина, и он ответил ему 4 мая твердо и решительно: „Согласясь взять на себя управление батюшкина имения, я потребовал ясного расчета долгам казенным и частным и доходам. Батюшка отвечал мне, что долгу на всем имении тысяч сто, что процентов в год должно уплачивать тысяч семь, что недоимок тысячи три, а что доходов тысяч 22. Я просил все это определить с большею точностью, и батюшка не успел того сделать сам, я обратился в ломбард и узнал наверное, что:

Долгу казенного	190.750
Что процентов ежегодно	11.826
Что недоимок	11.045
(Частных долгов, полагаю, около 10.000 ¹).	

¹ В бумагах Пушкина сохранились два документа, относящиеся к долгам С. А. Пушкина. Первый, написанный С. А. Пушкиным, перечень долгов: „по заемным письмам Софьи Петровне Ден 1.000 р. проценты заплачены по 30 марта 1835 года; В. А. Княжичиной 2.000 р., Василию Максимовичу Пикалову 800 р., процентов 80 р. 20 апреля; капиталу не требует; П. А. Осиповой 1.500 р., не требует; госпоже Буржуа в Москве 1.500 р.; по расписке коммерции советнику Ивану Дмитриевичу Зверкову 500 р. в собственном доме у Кокушкина мосту; наследникам купца Зайкина в Москве 1.000, есть запрещение; Анне Николаевне Батуриной за мебель 350 р.“. Второй документ—расписка: „По заемному письму, данному 1831 года марта в 30 день г. 5-го класса и кавалером Сергеем Львовичем Пушкиным коллежской ассесорше Софии Петровне Ден на капитальную сумму тысячу рублей, процентные деньги по 30 марта 1835 года получил по доверенности г. Ден 10-го класса Владимир Михайлович **Сын А**

Сколько дохода, наверное знать не могу, но, полагаясь на слова батюшкины, и ставя по 22.000, выдет за уплатою казенных процентов остается до 10.000.

Из оных, если батюшка положит по 1.500 Ольге Сергеевне, да по стольку же Л. С-у, то останется для него 7.000. Сего было бы довольно для него, но есть недоимки казенные, долги частные, долги Льва Сергеевича, и часть доходов сего года уже батюшкой получена и истрачена.

Покамест не приведу в порядок и в известность сии запутанные дела, ничего не могу обещать Ольге Сергеевне и не обещаю; состояние мое позволяет мне не брать ничего из доходов батюшкина имения, но своих денег я не могу и не в состоянии приплачивать“.

В пост-скриптуме Пушкин приписал: „Я еще не получил от батюшки доверенности... в один месяц из моих денег уплатил уже в один месяц 866 за батюшку, а за Л. С. 1.330; более не могу“.

Обрадовались родственники и насели.

Расходные статьи в бухгалтерии Пушкина все росли и росли, а приходных еще не завелось. Нужно сказать, что деньги, собиравшиеся с болдинских крестьян, шли в погашение и на уплату процентов по многочисленным ссудам, а остатки досылались непосредственно отцу Пушкина. Сцена, которую описал Пушкин в письме к Нащокину („имение описывают“), повторялась в 1834 году пять раз¹. Было от чего итти кругом голове Пушкина. Приходов не было: за все время своего управления он получил 400 рублей из Болдина, да оброку 260 рублей. Вот и все. Оставалось прибегнуть к испытанному средству, рекомендованному и Соболевским, к новой ссуде под залог крестьянских душ. Почти все они были заложены и перезаложены, и только 76 душ кистеневских

¹ Пушкин и его современники, вып. XVII—XVIII, стр. 165.

мужиков были свободны от залога. Их-то и поспешил заложить новый хозяин болдинских имений. Операция заклада тянулась долго. „У меня голова кругом идет. Не рад жизни, что взял имение; но что ж делать? Не для меня, так для детей“,—писал 12 мая Пушкин жене¹. „Хлопоты по имению меня бесят“,—писал он ей же² 29 мая. В мае расход Пушкина увеличился: деньгами дал матушке 24-го 100 рублей, 30-го—200 руб. А приходу нет как нет!

Июнь месяц. Старикам Пушкиным пора на лето в Михайловское. „Отец и мать на-днях едут в деревню, а я хлопочу“,—пишет Пушкин жене 3 июня³. „Наш отъезд зависит от Александра, все готово, кроме денег на дорогу, которые он собирается нам дать“,—сообщает 8 июня Надежда Осиповна дочери. И 8 же июня Пушкин пишет жене: „Денег тебе не посылаю. Принужден был снарядить в дорогу своих стариков. Терпят меня без милосердия“⁴. Этим строкам соответствуют бухгалтерские записи: 4 июня деньгами—50 руб., 6 июня каретнику—678 руб., 8 июня деньгами—150 руб., 9 июня—350 руб. и еще в тот же день 50 рублей. Помеченная под 6 июня сумма в 678 рублей далась не сразу. Сохранился в бумагах Пушкина счет, по которому он вы платил „6 июня“ каретнику. На самом деле этот прокля-

¹ Переписка, III, № 817, стр. 114. Это письмо, отнесенное здесь к первой половине мая 1834 года, можно датировать точно на основании упоминания о большом параде, который был („вчера“) 11 мая.

Пеньковский в 1834 году уплатил в опекунский совет по долгам С. Л. Пушкина: 26 февр.—2.324 р., 22 марта—4.113 р. 80 к., 10 сент.—350 р. В 1835 году: 18 апр.—5.500 и 1.500 р., 2 янв.—1.270, 12 июня—5.625 р. Оставалось доплатить кроме просрочки за 1833 год 504 р. 28 к и за 1834 год 6.756 р. С. Л. уплатил в число 7.260 р. 28 к. 1.800 р. Оставалось доплатить 5.460 р. 28 к.

² Переписка, III, № 824, стр. 120.

³ Там же, № 826, стр. 123.

⁴ Там же, № 828, стр. 125.

тый каретник порядочно-таки надоел Пушкину, походил к нему за деньгами. Счет адресован безлично, на имя „его превосходительства“ и составлен на сумму 370 руб. На счете после строчки итога дальнейшие записи сделаны собственноручно Пушкиным (начиная от цифры „308“). Вот конец счета:

Итого денег . .	370 руб.
	308 „
	<hr/>
Итого . .	678 „
Зап. изъ них . . .	300 „
	<hr/>
Остается . .	378 „

Обязуюсь заплатить 2-го июля

А. Пушкин.

Заплатено двести двадцать пять

3 июля.

1 августа заплачены остальные

А. Пушкин.

„Сегодня едут мои в деревню, и я их иду проводить, до кареты... Уж как меня теребили; вспоминаю я тебя, мой Ангел. А делать нечего. Если не взяться за имение, то оно пропадет даром“¹. Уехали старики. Пушкин подсчитал расходы по 9 июня, и не совсем точно. Он подвел итог в 3.924 руб., а со старым долгом в 4.474 руб., а в действительности он равнялся 4.034, а с долгом 4.584 руб. Но 8 июня появилась и первая приходная статья: из Болдина Пеньковский прислал собранных с мужиков 400 рублей. Во второй половине июня Пушкин писал жене: „Здесь меня теребят и бесят без милости. И мои долги, и чужие мне покоя не дают. Имение расстроено, и надобно его поправить, уменьшая расходы,

¹ Переписка, III, № 829, стр. 126.

а они обрадовались и на меня насели. То то, то другое“¹. А 27 июня Пушкин писал: „меня в ПБ останавливает одно: залог имения нижегородского“²... И приблизительно в это же время: „Меня здесь удерживает одно: типография. Виноват, еще другое: залог имения. Но можно ли будет его заложить? Как ты права была в том, что не должно мне было принимать на себя эти хлопоты, за которые никто мне спасибо не скажет, а которые испортили мне столько уж крови, что все пивьки дома нашего ее мне не высосут“³. 11 июля Пушкин опять писал: „Не еду к тебе по делам, ибо и печатаю Пугачева, и закладываю имения, и вожусь, и хлопочу“⁴. И вновь: „я закладываю имение отца: это кончено будет через неделю“⁵. И 14 июля: „у меня большие хлопоты по части Болдина“⁶. Наконец, кончились хлопоты по части залога: 20 июля Пушкин получил из ломбарда за кистеневские души 13.200 руб. Настало время выпроваживать Льва Сергеевича в Грузию. Он уже надоел в Петербурге. „Лев Сергеевич, — писал о нем Пушкин жене, — очень себя дурно ведет. Ни копейки денег не имеет, а в домино проигрывает у Дюме (ресторатор) по 14 бутылок шампанского. Я ему ничего не говорю, потому что, слава Богу, мужику 30 лет; но мне его и жаль, и досадно. Соболевский им руководствует, и что уж они делают, то Господь ведает. Оба довольно пусты“⁷.

¹ Переписка, III, № 834, стр. 133. Это письмо, отнесенное здесь ко второй половине июня, можно датировать точно по упоминанию: „сегодня кажется девятый день“ со дня родов А. О. Смирновой, а родила она 18 июня.

² Там же, № 833, стр. 132.

³ Там же, № 835, стр. 134.

⁴ Там же, № 853, стр. 151.

⁵ Там же, № 854, стр. 152.

⁶ Там же, № 856, стр. 155.

⁷ Там же, № 856, стр. 155.

За „пустого“ брата пришлось уплатить изрядные суммы: в ресторан Дюме за вино (то самое, проигранное) 220 руб. и на руки 280 руб. Это 23 июля в день получения денег из ломбарда, а затем, очевидно, перед самым отъездом 31 июля Пушкин вручил братцу 950 руб. Кроме того, Пушкин поспешил отослать долг Льва Сергеевича Павлицеву — 837 рублей. Павлицев благодарил Пушкина письмом и не постеснялся тут же дать поручение шурину... ни более, ни менее... выкупить из ломбарда фермуар и продать его по своему усмотрению. Это неизданное письмо уместно привести.

Варшава $\frac{25 \text{ октября}}{6 \text{ ноября}}$ 1834

„Милостивый Государь
Александр Сергеевич.

По слухам, дошедшим до батюшки, что вы уже воротились из деревни в Петербург, я спешу поблагодарить вас за деньги, высланные вами на удовлетворение одного из безответных заимодавцев Льва Сергеевича. Не худо бы расплатиться и с другими, в особенности с Плещеевым и Гутом; но это Лев Сергеевич должен знать лучше нас с вами.

В последнем письме вы спрашивали, скоро ли родит Ольга? 8/20 октября она разрешилась сыном Львом благополучно: не пишет сама к вам потому, что глаза у нея еще слабы. Вы были так добры, что обещали прислать что-нибудь к ее родам: теперь, более нежели когда-нибудь, вы сделаете доброе дело исполнением благого вашего намерения. Крайность положения моего вам известна, и говорить о ней больше было бы здесь повторением всего прежде к вам писанного. Если у вас нет лишних тысячи полторы, то я убедительно прошу выкупить в ломбарде фермуар и булавку, заложенные за 450 руб., и продать по вашему усмотрению. Что бы ни дали, я от теперешней моей нужды приму с благо-

дарностью; здесь же покупателей не найдешь; варшавские щеголихи не знакомы с петербургскою придворною роскошью. Исполнением этой просьбы, тем или другим способом, вы истинно обяжете

покорнейшего всегда к услугам

Н. Павлицева.

NB. Мне хотелось бы знать ваш адрес: это письмо отправляю просто — в Петербург¹.

С отъездом Льва Сергеевича не исчезли из бухгалтерских заметок Пушкина записи расходов на брата. Уже 1 сентября было выплачено портному 391 рубль.

Родители продолжали висеть на шее Пушкина. В счет назначенного им содержания он должен был уплачивать „за дом“ — квартплату и выдавать харчевые людям. А челядь Сергея Львовича была суцкая саранча, до 15 человек, но барин любил быть окруженным людьми и сердился, когда всю челядь не видел на лицо: „да где тот? да где этот? да кто его послал?“². Эту челядь в отсутствие родителей тоже надо было содержать, а затем надо было слать деньги в деревню. В 1834 году родители уехали в Михайловское 11 июня и вернулись в Петербург 15 декабря: за это время Пушкин переслал им 1.350 руб.

lg
1 ноября Пушкин подвел бухгалтерские итоги. Получил он всего денег 13.830 руб., израсходовал 8.131 руб. и записал свои размышления: „Остается 5.709.—Вычестъ из них старого долгу за сестру и за людей 550, остаетя 5.159. Беклемишев требует из них 2.000, и Прасковья Александровна (Осипова) 1.870. Если им заплатить, то останетя еще 1.229 руб.“. Долг Беклемишеву был неприятный, застарелый долг. Лев Сергеевич задолжал А. П. Плещееву 2.000 рублей и 30 червонцев. „Долг этот, по словам Павлицева, каким-то образом принял

¹ И дошло письмо!

² Пушкин и его современники, вып. XVII—XVIII, стр. 189.

Аничков на себя, в надежде получить деньги от Л. С. в Петербурге. Денег он не получил, а между тем Плещеев, по случаю сдачи своей роты, попавши в трудное положение, требует платежа от него. Чем это кончится, не знаю; но вышла большая путаница“. А дальше Плещеев передал получение денег штабс-капитану Эйхбергу. Эйхберг обратился за помощью в этом деле к дяде Плещеева Н. П. Беклемишеву, и 3 ноября Пушкин получил от последнего неприятное письмо со вложением не менее неприятного письма Эйхберга. И то, и другое печатается здесь впервые. Письмо Эйхберга:

„Почтеннейший Николай Петрович!

Положение мое с делом Пушкина не совсем завидное, я при болезни и нуждаюсь в деньгах, а он по сие время не присылает. Зделайте милость не оставте быть в сем деле моим ходатаем, что совершенно на вас возложено от Александра Павловича. Третий день как я в сухопутной гошпитали, впредь до разрешения министра, о принятии в клинику, чего ожидаю каждый день. Я слышал, что вчерашний день на квартиру ко мне приезжал Аренд, как жаль, что меня уже не было; впрочем он сказал, что приедет в гошпиталь. Уведомте меня, как разделаетесь с Пушкиным, и я удивляюсь, как он не найдет такой суммы, ему всякий за одолжение поставит дать. Быть может от рассеянности он и забыл или полагает что деньги следуют Плещееву, а не бедному больному. — Уведомлении свои вы можете пересылать ко мне через Балясного, у которого я останавливался на квартире

Ваш покорнейший слуга

Яков Эйхберг“.

3 ноября.

На обороте: „Его Благородию Николаю Петровичу Беклемишеву В Большом Конюшенном дворе в квартире Шталмейстера Беклемишева“.

А Беклемишев писал:

„Милостивый Государь,
Александр Сергеевич!

Прошлого года — я имел честь принять от Батюшки Вашего верное обещание, — что я посредством Вас Милостивый Государь получу деньги, занятые братцом Вашим, 2.000 рублей — у Полковника Плещеева, родного моего племянника, которой, не имея ни какой собственности, в уважение просьбы и обстоятельств его кинулся к помощи и был уверен, — что его дружеской поступок не поставит его в то трудное положение, — в каком он теперь находится по письму, мною на сих днях от него полученному, которое к объяснению Вам Милостивый Государь в том истинны я при сем прилагаю, и поручаю справедливости не смею в Вашем уважении сему делу не быть в совершенной Благонадежности. С тем отличным почитанием с каким

Имею честь быть
Милостивый Государь Ваш
Покорный Слуга
Петр Беклемишев.

3 ноября 1834 г.

Р. С. Приложенное письмо ожидаю обратно¹. Его Высочородию А. С. Пушкину“.

28 декабря Пушкин уплатил Плещееву-Беклемишеву часть долга — 1.500 рублей. А 500 руб. и 30 червонцев остались за Львом Сергеевичем. С этим остатком у Александра Сергеевича было еще не мало неприятностей. В переписке Пушкина напечатано одно письмо Плещеева от 3 октября 1836 года с предложением расчитаться. „Вот тебе и вся сказка, которая может быть не так тебе приятна, как нам твои“, — заканчивал письмо

¹ Письма Пушкин не возвратил.

Плещеев¹. Я могу привести другое — по тому же поводу — письмо Плещеева, неизданное, от 5 июля 1835 года
„Почтеннейший Александр Сергеевич!

Весьма тебе благодарен за высылку 1.500 рублей, в счет двух тысяч и тридцати червонцев, должных мне твоим братом, об сих изволишь видеть червонцев, кажется, тебе Лев ничего не говорил, думаю оттого, что он позабыл все долги свои, и всякого рода обязательства, а потому прилагаю при сем Его письмо, из коего усмотришь, как люди пишут, как кажись чувствуют и как исполняют; Господь Бог ниспосылает наум тебе сказки и повести, кои ты печатаешь и продаешь; вырученные заонные деньги небросаешь в Неву реку, а поди чай кладешь в шкатулку; вынь от туда 500 рублей и 30 червонцев, будь друг и благодетель пришли ко мне, а в проценты пришли бунт Пугачева, до нас еще эта книжица не дошла, в нашей стороне больше питают брюхо нежели голову. Заисключением винных паров, коими приисполнены головы всех классов, полов и родов людей
Прощай будь здоров

Плещеев²“.

Каменец-Подольск губ. Г. Проскуров. Июля 5-го Командиру 5 артиллер. бригады“.

Возвращаюсь к исходному пункту — к бухгалтерии Пушкина. В его записях значится: „2 декабря куплен вексель в 10.000 руб.“. Это тот выкупленный вексель, о котором упоминает Пушкин в письмах к брату в апреле 1835 и июне 1836 года³. Он находится в моем распоря-

¹ Переписка, III, № 1 072, стр. 378.

² Об этом письме Пушкин упоминает в письме к брату от 3 июня 1836 года. „Долг Плещееву заплочен (кроме 30 червонцев, о которых он писал ко мне, когда уже отказался я от управления нашим имением)“. Значит, к моменту получения письма Плещеева, подписанного 5 июля 1835 года, Пушкин уже сложил с себя бремя управления.

³ Переписка, III, № 900, стр. 193, и № 1 028, стр. 330.

жении среди бумаг Пушкина. Выдан 27 ноября 1833 года отставным капитаном Львом Пушкиным отставному подполковнику Илье Александровичу Болтину на четыре года; на обороте векселя — передаточная надпись от 21 ноября 1834 года на имя Сергея Александровича Соболевского и бланковая надпись Соболевского. Этот документ карточного происхождения, результат проигрыша. Такие векселя бывали и у Александра Сергеевича. Для Льва Сергеевича игра в карты была милым для него, наглым для других мотовством. Не имея ни гроша, паразит проигрывал тысячи. В январе 1836 года Ольга Сергеевна сообщила мужу: „Лев проиграл 30.000 рублей. Александр хочет купить вексель, и напрасно; ему это удалось однажды: Лев проиграл Болтину 10.000 и помирился эдаким манером на 2.000, но если он продолжает покупать, это кончится расточением всего отцовского достояния понемногу, но в очень короткое время. Каков же Лев! из рук вон! Соболевский говорит: „Придется Александру Сергеевичу его кормить“. Кормить-то не беда, а поить накладно“¹.

В 1835 году в бухгалтерских записях Пушкина занесены только расходы. Последняя запись сделана 20 июня 1835 года. Все выдачи были только родителям; за дом и на руки суммами от 15 руб. до 500 руб. Записи прекратились по двум причинам: вышли деньги, заприходованные Пушкиным, и он сложил с себя управление имениями.

Намерение, о котором не мог хладнокровно подумать Н. И. Павлищев, намерение отказаться от управления имением, Пушкин осуществил в июне — июле 1835 года. В конце апреля Пушкин извещал брата о том, что сумма, полученная под залог кистеневских мужиков, уже истрачена, привел счет выплаченных ему и за него денег.

¹ Пушкин и его современники, вып. XVII—XVIII, стр. 203.

Цифры нам уже известны. „Твой вексель в 10.000 рублей выкуплен. Помимо квартиры, стола и портного, которые тебе ничего не стоили, ты получил еще 1.230 руб. Так как моя мать очень больна, я еще веду дела, несмотря на тысячу неприятностей. Я рассчитываю сдать их в первый же момент. Я постараюсь тогда заставить тебя управлять твоей частью земли и крестьян. Тогда, возможно, ты займешься своими делами и расстанешься с твоим равнодушием и легкостью, с какой позволяешь себе жить со дня на день. Я не заплатил твоих мелких карточных долгов, потому что я не стал разыскивать твоих партнеров — это они должны были меня разыскивать“¹. Должно быть, через несколько дней после отправки этого письма Сергей Львович принял отставку старшего сына и согласился с новыми его предложениями. 1 мая Пушкин уже отдавал распоряжение И. М. Пеньковскому: „По условию с Батюшкой, доходы с Кистенева отныне определены исключительно на брата Льва Сергеевича и на сестру Ольгу Сергеевну. Следственно все доходы с моей земли отправлять, куда потребует сестра или муж ее, Ник. Ив. Павлищев; а доходы с другой половины (кроме процентов, следующих в ломбард) отправлять ко Л. С., куда он прикажет. Болдино останется для Батюшки“.

А 2 мая Пушкин оповестил и брата, и Н. И. Павлищева о состоявшемся решении. Брату он писал: „У тебя будет чистого дохода около 2.000 рублей. Советую тебе предоставить платеж процентов управляющему, а самому получать только эту сумму — 2.000 не много, но все же можно ими жить“. А Павлищеву: „Вы требуете сестрину, законную часть; вы знаете наши семейственные обстоятельства; вы знаете, как трудно у нас приступить к чему-нибудь дельному или деловому. Отложим это до другого времени... свою половину уступаю сестре (т.-е. доходы),

¹ Переписка, III, № 900, стр. 199.

с тем, чтоб она получала доходы и платила проценты в ломбард. Я писал о том уже управителю. Батюшке остается Болдино. С моей стороны это, конечно, не пожертвование, не одолжение, а расчет для будущего. У меня у самого семейство, и дела мои не в хорошем состоянии“¹.

Итак, Пушкин начисто отказался от крепостных доходов в пользу сестры. Стоит обратить внимание на утилитарную мотивировку отказа: не пожертвование, не одолжение, а расчет для будущего. В конце концов, даже не расчет далекого будущего, а просто ограждение себя от назойливых домогательств муженька сестры — так надо понимать утилитаризм Пушкина. Любопытно, что сама сестра Ольга Сергеевна не поняла ни сущности, ни поводов к такому волеизъявлению со стороны своего брата. Осенью 1835 года она писала своему мужу о разных сплетнях и разговорах: „Знаешь, что еще говорят в другом роде? — Что ты управляешь имением; говорят еще, что отец нас отделил, что Александр подарил сверх того мне *les deux cents paysans que mon père lui a donné à son mariage* (двести крестьян, которых мой отец дал ему на его женитьбу). — Дай бог их устами мед пить, но это никогда не будет. Я не говорю об Александре: это было бы глупо и несправедливо с его стороны. Он отец семейства и жена ему ближе меня“².

А впоследствии Ольге Сергеевне представлялось дело так: „Если мой брат Александр предоставил мне право получать доход с заложенных им 200 крестьян, то это была сделка между ним и моим отцом. Я этого не знала

¹ А комиссию зятя Пушкин по родственному выполнил. „За фермуар и за булавку дают 850 руб. Как прикажете?“ — спрашивал он Павлицева.

² Пушкин и его современники, вып. XVII—XVIII, стр. 187.

и никогда моему отцу не приходило в голову отнять у меня этот доход или ни подарить мне этих крестьян¹. Ольга Сергеевна понимала получение доходов, как компенсацию со стороны отца за приданое, которого она не получила. Так или иначе, но Александр Пушкин, отказываясь от кистеневских доходов, порывал окончательно материальные нити, связывавшие его с крестьянскими душами, а, слагая с себя управление нижегородскими имениями, освобождался от помещичьей доуки и переставал быть баринном.

„Я до сих пор еще управляю имением, но думаю к июню сдать его“, — писал Пушкин Павлицеву. В июне или июле Пушкин сдал дела по управлению².

О том, какие чувства поселило в Пушкине близкое прикосновение к помещичьим делам, к имению, можно судить по изображению, которое сделала сестра в письме к мужу, положительно осточертевшему Пушкину. Пушкин отдал сестре доходы с своего Кистенева: получайте оброк, платите в ломбард или совет проценты и управляйте. Пушкин умыл руки, но выходила путаница. Пеньковский то медлил высылкой денег Павлицевым, то высылал для передачи им по адресу Сергея Львовича, а тот их перехватывал, и Павлицев начинал писать и теревить Пушкина. Ольга Сергеевна написала, наконец (31 января 1836 года), мужу: „Я сердита на тебя за то, что ты пишешь Александру. Это приводит только к разлитию желчи; я не помню, чтобы он был когда-нибудь в таком отвратительном настроении. Он кричал до хрипоты, что он предпочитает отдать все, что у него есть (со включением, может быть, и жены), чем иметь снова дело с Болдиным, управителем, ломбардом и т. д.; что ты должен адресоваться только к Пеньковскому; что это его, управителя, дело

1 Записка Ольги Сергеевны — в приложениях.

2 См. выше, прим. 2 на стр. 141.

быть в курсе дел, что он, Александр, уплатил за все и не должен больше ни о чем знать. Он не прочел твоего письма; он вернул его, не распечатав и не бросив на него взгляда“¹.

Результаты управления: Пушкин провел операцию залога кистеневских душ и заткнул дыры в болдинском хозяйстве, погасил скопившиеся недоимки и освободил имение от угрозы описи и взятия в опеку. Но некоторый материальный успех не уравнивается моральным уроном. хлопоты отравили существование самому Пушкину и не прибавили фавору у родственников: их не удовлетворили деловые достижения „старшего в семье Пушкиных, представителя Сергея Львовича по имени“. Одна простодушная Ольга Сергеевна вступилась перед мужем в защиту брата: „Знаешь что? Он очень порядочный и дела понимает, хотя и не деловой“².

XIV

В 1836 году Пушкин едва не стал вновь помещиком. 29 марта умерла мать его Надежда Осиповна. Хворала она давно, с весны 1835 года. „Мать у нас умирала; теперь ей легче, но не совсем. Не думаю, чтобы она долго могла жить“, — писал Пушкин брату 2 мая³. Осенью произошел рецидив болезни; только что она стала поправляться, как письмо ее фаворита Льва вновь уложило ее в постель. Ольга Сергеевна 24 октября 1835 года сообщила своему мужу: „Письмо Льва вызвало возврат болезни у матери; он жалуется, что он в величайшей бедности, что он должен прибегать к унижительным просьбам, чтобы отправить письмо на почту. Он считает за ничто 20.000 рублей, заплаченных за него,

¹ Пушкин и его современники, вып. XXIII—XXIV, стр. 210.

² Пушкин и его современники, вып. XVII—XVIII, стр. 193.

³ Переписка, III, № 905, стр. 198.

да кроме того мои родители посылали ему все, что могли, но он далек от нищеты, он живет в Тифлисе, как человек, располагающий десятью тысячами на расходы. М-г Россети, приехавший оттуда, говорил об этом моей невестке. И бедная моя мать едва не умерла. Лишь только она прочла письмо Льва, она пожелтела, и с ней случился припадок болезни, уложивший ее в постель¹.

Стоило только умереть Надежде Осиповне, как мечты об обогащении овладели и Павлицевым, и Львом: можно было поживиться на счет наследства. Михайловское, имение Н. О. Пушкиной, подлежало разделу на законных основаниях: седьмая часть отходила ее мужу Сергею Львовичу, четырнадцатая дочери, остаток шел пополам сыновьям. Михайловское было дорого Пушкину, и первой его мыслью было оставить его за собой. Такое, по крайней мере, заключение можно вывести из его письма к Льву Сергеевичу от 3 июня 1836 года: „Вот тебе короткий расчет от нашего предполагаемого раздела: 80 душ и 700 десятин земли в Псковской губернии стоят (полагая 500 р. за душу вместо обыкновенной цены — 400 р.) 40.000 р.

Из оных выключается: 7-я часть на отца . . 5.714

„ „ да 14-я „ „ сестру. . 2.857

Итого . . . 8.571

Отец наш отказался от своей части и предоставил ее сестре. На нашу часть остается разделить поровну 31.429 р.

На твою часть придется 15.715 р.

Мнение мое: эти 15.000 рассрочить тебе на 3 года, ибо, вероятно, тебе деньги нужны, и ты на получение доходов с половины Михайловского согласиться не можешь. О положенном тебе отцом буду с ним говорить, хоть это,

¹ Пушкин и его современники, вып. XVII—XVIII, стр. 182.

вероятно, ни к чему не поведет. Отдавая ему имение, я было выговорил для тебя независимые доходы с половины Кистенева. Но, видно, отец переменял свои мысли. Я же ни за что не хочу более вмешиваться в управление или разорение имения отцовского¹.

Лев Сергеевич быстро отозвался на это письмо. Этот, по словам Нащокина, „беспечный и сладко-жирно-естволюбитель лорд“ остался верен себе. Он ответил брату легкомысленнейшим письмом (не издано):

„Вот тебе и доверенность². Закладывается или продается Михайловское — не знаю, да и дела мне до этого нет; были бы деньги, а ты мне их обещаешь. Чего же лучше?

Ты советуешь мне купить векселя тифлиссские; во-первых, у меня, слава богу, их нет, а во-вторых, хотя бы и были, то не было бы возможности купить их, потому что rien n'est rien que rien ne vient rien.

Что касается до моих здешних долгов, то они простираются до 2.000. За квартиру и стол главное; ведь я живу по милости отца в долгу, так тут расчеты плохи. Кланяйся Наталии Николаевне и всему твоему племени.

Пушкин“.

Впоследствии после смерти Пушкина Павлищев докладывал в Опеку: „По кончине Надежды Осиповны Александр Сергеевич хотел купить Михайловское за 40 тысяч рублей, побывав сначала в деревне... и дело было бы кончено, если б у Александра Сергеевича случились на то время деньги. Между тем надо было ехать в Варшаву, а денег ни гроша. (Ну, конечно, Александр Сергеевич должен был выпроваживать чету Павлищевых на свой счет!) Александр Сергеевич дает нам тысячу рублей

¹ Переписка, III, № 1 028, стр. 330—331.

² Доверенность печатается в приложениях.

и говорит: „Ступайте в деревню, там найдете денег, чтобы добраться в Варшаву“. Вместе с тем просит меня заглянуть в хозяйство и пишет управителю слушаться моих приказаний“¹.

Зять распорядился, просмотрел книги, обнаружил плутовство, лень и невежество управителя немца Рингеля, отказал ему от службы и стал сам хозяйничать. А затем наехал на Александра Сергеевича. В пространнейшем письме от 11 июля он стал доказывать, что ценить имение так, как ценил его Пушкин, по 500 руб. за душу, нельзя, что имение стоит не 40, а 80 тысяч рублей, что в конце концов родственнику он готов отдать его за 64 тысячи, а если бы он, Пушкин, не пожелал оставить за эти деньги имение, он, Павлищев, предлагал сделать публикацию о продаже. 1 августа он вчинил новое предложение Пушкину: он готов был взять Михайловское на себя и уступить 80 душ из нижегородского имения, которые причитались бы Ольге Сергеевне, если бы отец согласился ее выделить. Павлищев настоятельно требовал согласия Александра Сергеевича на эту фантастическую сделку, написал грубое письмо тестю. Бедный Сергей Львович, посылая сыну письмо Павлищева, писал: „Письмо господина Павлищева, подробно разбирающее все управление Михайловским и раздел жениного наследства, растерзало мне душу и сердце, я не спал всю ночь. Письмо неприлично, даже невежливо, без всякого уважения к моему положению, к моей свежей утрате. Это человек жадный, ужасно корыстный и мало понимающий то дело, за которое берется... Посылаю тебе в подлиннике письмо Павлищева. Имей терпение прочесть его, — ты увидишь, как он жаден, как он преувеличивает стоимость Михайловского и как он мало смыслит в деревенском хозяйстве. Счеты с приказчиком преувеличены,

¹ Пушкин и его современники, вып. XIII, стр. 129.

и потом какая холодность“¹. Пушкин ответил Павлицеву в начале августа: „Пришлите мне сделайте одолжение объявление о продаже Михайловского, составя его на месте; я так его и напечатаю. Но постарайтесь на месте же переговорить с лучшими покупателями. Здесь за Михайловское один из наших соседей, знающий и край и землю нашу, предлагал мне 20.000 руб.! Признаюсь, вряд ли кто даст вдвое, а о 60.000 я не смею и думать. На сделку, вами предлагаемую, не могу согласиться и вот почему: Батюшка никогда не согласится выделить Ольгу, а полагаться на Болдино мне невозможно. Батюшка уже половину имени прожил и проглядел, а остальное хотел уже продать. Вы пишете, что Михайловское будет мне игрушка, так — для меня; но дети мои ничуть не богаче Вашего Лели, и я их будущностью и собственностью шутить не могу. Если, взяв Михайловское, понадобится вам его продать, то оно мне и игрушкой не будет. Оценка ваша в 64.000 выгодна; но надобно знать, дадут ли столько. Я бы и дал, да денег не хватает, да кабы и были, то я капитал свой мог бы употребить выгоднее“. Павлицев пошел на попятный, он сразу согласился на расценку, сделанную Пушкиным, 40.000 руб., и, не имея никакого ответа, уже считал Михайловское за Пушкиным и распорядился оброчными деньгами и урожаем не только текущего 36 года, но и будущего 37 года, обратив эти суммы в свою пользу в счет предстоящей выплаты Ольге Сергеевне. Но Пушкину было уже не до Михайловского. С ноября разыгрывалась его семейная история, и, кроме того, безденежье и долги так остро дали себя почувствовать, что тут не до покупок было дело. 5 января 1837 года он

¹ Письмо Павлицева к С. Л. Пушкину напечатано в книге И. А. Шляпкина: Из неизданных бумаг Пушкина, Спб. 1903, стр. 254—259.

ответил, наконец, Павлищеву. Письмо до нас не дошло; по ответу Павлищева от 4 февраля можно думать, что оно не случайно исчезло из коллекции пушкинских писем к Павлищеву: повидимому, оно было написано весьма резко. Пушкин категорически отказывался от Михайловского. „Пускай его продается“, — писал он Павлищеву. Как ни дорого было Михайловское Пушкину, он вынужден был от него отказаться¹.

Впоследствии опека над имуществом детей Пушкина выкупила Михайловское и обратила его во владение детей Пушкина.

XV

А что же приказчик Михайло Иванов? что его дочь? Мы уже видели, что он оставался в хозяйственной должности и после появления Пеньковского. Пушкин продолжал неизменно покровительствовать ему. Сохранилось письмо Калашникова к нему от 26 июня 1834 года — неизданное:

„Милостивый Государь
Александр Сергеевич!

При сем спешу доставить к вашей милости квитанцию, состоящие в недоимки Государственных податей полученную из Сергаческого Казначейства в 6 рублях 17 коп., то теперь уже никакой недоимки за Кистеневым неимется, по приезде моем домой нашел в вотчине все благополучно. Мы все молим бога, чтобы продлил ваши лета в самом благополучии и здравьи, наша одна осталась надежда только на Вашу милость. Вы извольте узнать от батюшки уплочены ли занятые ими деньги Зайкину.

¹ Письма, относящиеся до Михайловского, в „Переписке“, II, — письма Павлищева: №№ 1 039, 1 044, 1 056, 1 064, 1 065, 1 084, 1 121, 1 150; письма Пушкина: №№ 1 045 и 1 062; письма П. А. Осиповой: № 1 128.

Естьли уплочены то нужно подать прошение чтобы уни-
чтожили оный иск. Вашим честь имею быть с истинным
моим к вашей милости почитанием и преданностью

Ваш Милостивый Государь
всенижайший раб навсегда пребуду
Михаил Калашников.

После вышло к вашей милости щет именно куда что из-
держано всего 470 р. асигнациеми“¹.

Ряд сообщений о Калашникове находим в письмах
Н. И. Павлищева Пушкину. Калашников раздражал мужа
Ольги Сергеевны, и он назойливо докучал Пушкину. До
него дошел слух, что Пушкин хочет отказаться от управ-
ления имением, и он писал Пушкину в январе 1835 года:
„Зная довольно хорошо домашние дела Сергея Львовича,
я не могу хладнокровно подумать о намерении вашем
отказаться от управления имением. Отказываясь от управ-
ления, вы оставляете имение на произвол судьбы, от-
даете его в руки Михайла, который разорял, грабил его-
двенадцать лет сряду; что же ожидать теперь? — первой
недоимки — продажи с молотка, и может быть зрелища,
как крепостные покупают имения у своих господ. Я не
говорю, чтобы Михайло купил его — нет; но уверен, что
он в состоянии купить“.

Михайло Калашников положительно не давал покоя
Павлищеву в течение всего 1836 года. В июле последний
писал из Михайловского Пушкину: „Позволять себя об-
крадывать, как Сергей Львович, ни на что не похоже.“

¹ Подпись и приписка сделаны собственноручно Калашниковым.
Кроме приведенных нами двух неизданных писем Калашникова и упо-
мянутых выше двух писем, изданных В. Л. Поливановым, можем ука-
зать еще на одно исчезнувшее письмо. В тетради Рум. Муз.
№ 2 377, А, л. 13, по указанию В. Е. Якушкина, имеется приклеенная
узкая полоса, оторванная от письма „раба“ Калашникова. См. „Русск-
Стар.“ 1884 г., октябрь, стр. 87.

Вы говорили, помнится мне, однажды, что в Болдине земли мало и запашка не велика. А знаете ли, как мала она? 225 четвертей одной ржи, т.е. вдесятеро больше против здешнего (это начитал я нечаянно в одном из писем Михайлы к батюшке, заброшенных здесь в столе). Обыкновенный урожай там сам-10, поэтому в продаже должно быть одной ржи до 2.000 четвертей, на 25 тыс рублей. Каково же было раздолье Михайле? ну, уж право негрешно взять с него выкупу тысяч 50: он один стоит Михайловского, также им ограбленного“.

А в августе 1836 года Павлищев опять подзуживал Пушкина: „Не забудьте также, что рекрутский набор на носу. Не худо бы забрить лоб кому-нибудь из наследников Михайлы; жаль, что он сам ушел от рекрутства. Но это вы сами решите“. И в ноябре 1836 года Павлищев опять возвращается к Калашникову: „Послушайте меня, Александр Сергеевич, не выпускайте из рук плута Михайлу с его мерзкой семьей: я сам не меньше вашего забочусь о благе крепостных; в Михайловском я одел их, накормил. Благо их не в вольности, а в хорошем хлебе. Михайло и последнего не заслуживает. Возьмите с него выкуп: он даст вам за семью 10 тысяч. Не то, берите хоть оброк с Ваньки и Гаврюшки по 10 руб. в месяц с каждого, а с Васьки (получающего чуть не полковничье жалованье) по 20 руб. в месяц, обязав на случай их неисправности платить самого Михайлу: вот вам и капитал 10.000“¹.

Положим, что Павлищев не знал, что связывало Пушкина с семьей Калашниковых, а то его предложения раздаться с Михайлой звучали бы слишком зловещей иронией. Ну, как мог Пушкин расправиться с отцом возлюбленной, милой и доброй крестьянской девушки, быв-

¹ Письма Павлищева в „Переписке“, III, № 890, стр. 183; № 1 044, стр. 348; № 1 064, стр. 369; № 1 084, стр. 392.

шей его женой в 1825 году! Он сам прекрасно знал грабительские повадки Михайлы, но не мог принимать никаких мер против своего блудного тестя и не принимал. 14 июня 1836 года, давая распоряжения по болдинскому имению управителю Пеньковскому, Пушкин писал: „О Михайле и его семье буду к вам писать“.

Так и не написал Пушкин о семье Михайлы, так мы и не знаем, какие же намерения у него были в отношении семьи Калашникова.

29 января 1837 года скончался верный хранитель и защитник Михайлы Ивановна Калашникова. После смерти Пушкина положение его стало затруднительнее. Правда, Сергей Львович призирал своего старого слугу, но преследовал его все тот же Павлищев, который в 1836 году дождался чести и управлял Михайловским имением (сильно попользовался!) и после смерти А. С. Пушкина посылал из Варшавы приказы старосте. Он все-таки доехал семью Калашниковых. Одного из сыновей Михайлы, Петра, он сдал в рекруты, остальных обложил оброком. Сохранился красноречивый его приказ старосте Петру Павлову от 29 августа 1837 года:

„... Всяк должен трудиться; даром хлеба не достанешь; многие из дворовых сельца Михайловского, шатаясь на воле в разных местах, наживают себе деньги, а господ своих и знать не хотят; почему для соблюдения выгод наследников впредь до имеющего быть раздела я предлагаю тебе обложить (некоторых их них) их оброком в следующем порядке: 1. С Василия Михайлова, имеющего (хорошее) выгодное место в Петербурге... 10 руб. в мес. 2. С Ивана Михайлова, занимающегося сапожным делом — 10. 3. С Гаврилы Михайлова (проживающего при отце без дела), знающего также ремесло. 4. С Неонилы, кухарки, с дочерью Ольгой — 5. 5. С Анны, дочери Степанидиной — 2 р. 50 к. 6. С Аграфены Кузнецовой — 2 р. 50 к.

С получения сего отнестись ко всем им с приказанием выслать свой оброк тебе в Мих. каждого месяца вперед, и сказать им, что, если кто из них в течение трех месяцев не будет платить оброка, того немедленно вытребуешь ты через полицию в деревню и употребишь в домашнюю работу. Срок платежа считать с 1 сент. сего года“.

Сам Михайла в 1838 году получал еще жалованье из болдинской экономии по 100 руб. в год, а позднее (в 1845 — 1846 годах) Пеньковский отправлял ему пансион по 200 руб. в год, по распоряжению С. Л. Пушкина. В декабре 1840 года Михайло сослужил последнюю службу своему господину Александру Сергеевичу Пушкину. Он выполнил поручение опеки над детьми Пушкина доставить из Петербурга памятник на могилу Пушкина в Святогорский монастырь и поставить его там¹. Любопытно, что никто из опекунов не счел необходимым принять личное участие в постановке памятника. В 1840 г. вдова Пушкина изъявила желание дать вольно-отпускную Калашникову, объясняя, что таковую она желает дать ему за долголетнюю усердную службу покойному мужу и ей“. Но ходатайство ее не нашло удовлетворения, и Калашников остался крепостным².

П. А. Ефремов из неизвестных мне источников сообщил, что Мих. Ив. Калашников, „дворовый Пушкиных человек“, был отдан по смерти Александра Сергеевича Солнцевым (Солнцев был женат на сестре Сергея Львовича) и управлял их подмосковным имением (Березки Подольского уезда); в 1843 году „по кормежному письму“ отпущен был ими „на оброк“, приютился у своих

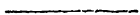
¹ В приложениях давы не лишены интереса счета по сооружению и отправке памятника.

² Из бумаг опеки, хранящихся в театральном музее имени А. А. Бахрушина. Отчет Калашникова — в приложениях.

недостаточных детей в Петербурге и умер в бедности осенью 1858 г., с лишком 90 лет от роду“¹.

О сыновьях Калашникова несколько подробностей будет сообщено в следующей главе.

О дальнейшей судьбе его дочери Ольги у нас пока нет известий.

¹ Сочинения Пушкина, ред. П. А. Ефремова, издание А. С. Суворина, Спб. 1903, т. VII, стр. 125. Если по ревизии 1833 года Калашникову числилось 59 лет, то умер он 1858 г. 84 лет. П. В. Анненков знал лично Калашникова, но кроме приведенного в первых страницах нашей работы свидетельства никаких других не оставил. Из бумаг Опеки, хранящихся в театральном музее А. А. Бахрушина, видно, что Сергей Львович просил на причитающуюся ему седьмую часть из имения жены его оставить Михайлу Калашникова и его сына Гаврилу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

„Л Ю Д И“ П У Ш К И Н А

*„Ты знаешь, что я не корчу чувствительность,
но встреча моей дворни, хамов и моей няни—
ей богу, приятнее щекотит сердце, чем слава,
наслаждения самолюбия, рассеянность и пр.“*

А. П у ш к и н

Из письма к П. А. Вяземскому
от 9 ноября 1826 года

„Еще усталые лакеи на шубах у подъезда спят“. Рис. П. П. Соколова

I

Крепостные „рабы“ не только работали на пашне и состояли при дворе своего господина, не только платили вместо барщины оброки: они еще служили ему в буквальном смысле этого слова, заполняли многочисленные и разнообразные кадры прислуги в барском доме. Если пушкинисты находят полезным и нужным составление словаря знакомых Пушкина (на первых порах, положим, одесских), то не менее нужным и полезным представляется мне собрание сведений о тех, с кем приходил Пушкин в повседневное соприкосновение, кто имел существенное значение во внешнем укладе жизни, о „людях“ Пушкина, о „хамовом племени“. К сожалению, материалы для характеристики галереи пушкинских слуг крайне незначительны.

Но в истории крепостного быта Пушкина не последняя страница должна быть отведена слугам — неотъемлемому элементу барского дома.

Столбовыми крепостными господ Пушкиных, наиболее близкими и крепкими их семье, были Михайло Иванов Калашников, Никита Тимофеев Козлов и знаменитая няня Арина Родионовна.

Об Арине Родионовне мы знаем довольно много: существует целая литература о ней, о ее влиянии на Пушкина. В лирике поэта она занимает видное место. Мы не будем останавливаться на ее характеристике.

Калашников нам теперь хорошо известен. Не только он был служилый человек Пушкиных, но и многие члены его семьи, столь ненавистные Павлицеву. Сын его Гаврила состоял при особе Сергея Львовича камердинером, при чем сей Гаврюшка получил от барина прозвище *le beau Gabriel*. По словам сына Ольги Сергеевны Л. Н. Павлицева, *Gabriel* пошел по стопам родителя: будучи безотлучным камердинером Сергея Львовича, очаровательный Габриель, в свою очередь, набил себе мошну и по кончине барина устроился как нельзя лучше: снял башмачный магазин¹. Другой сын Михайлы, Василий, служил у Александра Сергеевича. Служил и третий — Иван.

Никита Тимофеевич Козлов не получил такой известности, как Арина Родионовна, но он заслуживает ее. Он пестовал Пушкина с детских лет; 6 мая 1820 года, провожая сына в ссылку, родители „дали ему надежного слугу, человека довольно пожилых лет, именем Никиту“. Никита Тимофеев Козлов — болдинский крепостной, дворовый, по ревизии 1816 года ему было 37 лет, значит при высылке Пушкина — 40².

¹ Л. Павлицев, Из семейной хроники. Воспоминания об А. С. Пушкине, М. 1890, стр. 130. Павлицев неверно относит здесь разорительную деятельность Калашникова к селу Михайловскому.

² В ревизской сказке 1833 года он показан на первом месте среди дворовых; при нем жена Авдотья 45 лет и дочь Авдотья 15 лет (в 1833 году).

Никита был человек выдающийся среди дворни Пушкиных. Он даже не чужд был поэтическому искусству. Л. Н. Павлицев называет его доморощенным стихотворцем, поклонявшимся одновременно и Музе, и Вакху, и рассказывает, по семейным воспоминаниям, как он состряпал однажды из народных сказок нечто в роде баллады о Соловье разбойнике, богатыре Еруслане Лазаревиче и царевне Миликтрисе Кирбитьевне¹. Чем не Арина Родионовна!

В Кишиневе Никита жил в одной из двух комнат, отведенных Пушкину в доме Инзова, и остался в памяти кишиневских приятелей по двум строчкам какого-то шуточного стихотворения:

Дай, Никита, мне одеться:
В митрополии звонят².

В Михайловском Пушкин жил без Никиты, который перешел в это время к старому барину, Сергею Львовичу. Между прочим, он был очевидцем восстания декабристов 14 декабря 1825 года на Сенатской площади и на-смерть перепугал трусливого Сергея Львовича спокойным и равнодушным рассказом об ужасах, свидетелем которых он был и участником которых он считал и Льва Сергеевича. В 1826 году он ездил с баринoм в Кистенево вводиться во владение. Калашников в своих записях упоминает о тулупе, которым был награжден Никита. Он жил у Пушкина в Москве перед женитьбой³.

¹ Л. Н. Павлицев, там же, стр. 7.

² „Русский Архив“ 1866 г., стр. 1 099, 1 103, 1 129.

³ Впрочем, московский Никита, быть может, и не Никита Козлов, если к первому относить упоминание Пушкина в письме к невесте о Никите Андреевиче, купившем ему бричку при отъезде из Москвы в Петербург в июле 1830 года (Переписка, II, № 463, стр. 164).

Князь В. С. Голицын начал одно свое письмо к Пушкину следующим диалогом:

„Князь Вл. Голицын.

Никитушка! скажи, где Пушкин Царь-поэт?

Никита.

Давным давно, сударь, его уж дома нет,
Не усидит никак приятель Ваш на месте,
То к дяде на поклон, то полетит к невесте.

Князь Влад. Г.

А скоро ль женится твой мудрый господин?

Никита

Осталось месяц лишь гулять ему один.

Вот мой разговор с вашим слугой“...

Никита вообще шел по литературной части. Так он укладывал книги, перевозил библиотеку Пушкина. 14 января 1832 года Пушкин просил П. А. Осипову: „Умоляю оказать мне последнюю милость — потрудиться приказать спросить у моих людей в Михайловском, нет ли там еще сундука, присланного в деревню вместе с ящиками, в которых уложены мои книги. Подозреваю, что Архип или другие удерживают один ящик по просьбе Никиты, моего слуги (теперь Лёвинова). Он должен заключать в себе (т.е. сундук, а не Никита), вместе с платьями и вещами Никиты, также и мои вещи и несколько книг, которых я не могу отыскать“.

Из этих строк видно, что Никита отходил одно время от Александра Сергеевича к брату. Но последние годы жизни Пушкина Никита Козлов жил в доме Пушкина, присутствовал при его кончине и вместе с А. И. Тургеневым проводил гроб с телом своего барина в Святогорский монастырь. В воспоминаниях Н. В. Сушкова о „Пушкина шляпе“ находим несколько подробностей о Никите Козлове. „Камергерскую шляпу, треугольную с плюмажем, я видел на гробе Пушкина 1 февраля 1837 г.,

когда весь Петербург, как бы представитель изумленной поразительной вестью России, отдал ему последний долг... На другой день после отпевания эту шляпу принес Отрешкову старый дядька покойника Никита Козло в который, можно сказать, не покидал своего питомца от колыбели до могилы. Он был, помнится, при нем и в Москве, где шаловливый и острый ребенок уже набирался ранних впечатлений, резвясь и бегая на колоколь Ивана Великого и знакомясь со всеми закоулками окрестностями златоглавой столицы. Не знаю, был ли при нем верный дядька в Лицее, где вдохновенный юноша испытывал свои поэтические силы, и позже в Одессе в Бессарабии, где так еще живо помнят беспокойного и милого поэта? Но он был с ним и в псковском уединении — в селце Михайловском, где восторженный юноша созрел духом творчества, и на пути — уже славного — писателя из северной столицы в последний приют: в Святогорский Успенский монастырь, Псковской губернии, Опочецкого уезда... В полночь 3 февраля отправлен гроб с земными остатками улетевшего на родину гения — и 6 числа Пушкин... засыпан навсегда землею. Только добросердечному А. И. Тургеневу и старику дядьке Козлову довелось не расстаться с ним до этой торжественной минуты¹.

О Никите Козлове вспоминает и И. И. Панаев, которому пришлось один вечер вместе с Краевским и Сахаровым заняться разборкой книг в кабинете Пушкина в феврале 1837 года.

„Во время наших занятий, на пороге дверей кабинета появился высокий, седой лакей.

Он, вздыхая и покачивая головой, завел с нами речь:

— Не думал я, чтобы мне, старику, пришлось отвозить тело Александра Сергеевича! (он сопровождал

¹ „Раут“, кн. 3, изд. Н. В. Сущкова, М. 1854, стр. 342 — 344. Неправильно сообщение о том, что Никита был при Пушкине в Михайловском и в Лицее.

А. И. Тургенева). Я помню, как он родился, я на руках его нашивал...

И потом старик рассказал нам некоторые подробности о том, как они везли тело, в каком месте Святогорского кладбища погребено оно, и прочее¹...

И после смерти Пушкина Козлову пришлось состоять по литературным делам покойного Пушкина. В делах опеки сохранилось следующее отношение опекуна Н. И. Тарасенко-Отрешкова в опеку:

„Для надзора за движимым имуществом А. С. Пушкина и для употребления по необходимым рассылкам по изданию сочинений его нужно нанять отдельного человека. Для чего надежнее было бы назначить крепостного человека его Никиту Тимофеева, и прежде употребляемого Пушкиным по таким же делам, назначив ему и жене его обоим — 30 руб. асс. харчевых, считая со дня употребления его, а именно с 1 февраля 1837, и с производством жалования обоим 40 руб. в месяц, считая срок с того же 1 февраля.

Н. Отрешков“.

14 марта 1837.

В делах опеки есть сведения об уплате жалованья Никите Козлову в 1843 и 1846 годах.

II

За этими заслуженными рабами тянется длинный ряд слуг разных возрастов и положений. Они известны нам только по именам, только по упоминаниям Пушкина в письмах к жене и к Нащокину². Иногда эти упоминания в двух-трех фразах дают живой образ крепостного слуги.

¹ И. И. Панаев, Воспоминания, изд. „Academia“, Ленинград 1928, стр. 158—159.

² Отдельных ссылок на письма к жене и Нащокину в этой главе не делаю.

Холостой Пушкин обходился услугами одного человека, женатый Пушкин должен был окружить себя плотной стеной слуг. Их было чрезмерно много: обслуживающих было в 3—4 раза больше, чем обслуживаемых. Со времени женитьбы придворный штат Пушкина непрерывно увеличивается. Женатый Пушкин собирался вести скромную жизнь. Он просил Плетнева в апреле 1831 года „нанять ему фатерку: нас будет: мы двое, 3 или 4 человека да 3 бабы“. Итак, в начале семейной жизни двух Пушкиных обслуживало 6—7 человек. Челядь возглавлялась дворецким: он вел все хозяйство, на нем лежали все расчеты по закупкам для дома. Первым за ним лицом был повар и вторым — человек при особе барина, его слуга. При барыне состояли камеристки и горничные. Прислуга пополнялась преимущественно крепостными: родители Пушкина уступили ему в услужение своих подданных, да Наталья Николаевна привела в дом нескольких гончаровских крепостных. Но приходилось и нанимать на стороне, вольных и от других господ, спецов, которых не находилось среди своей дворни. Особенно трудно было с поварами. Поваров приходилось перехватывать. Так в 1832—1833 годах у Пушкина служил повар, который оказался крепостным госпожи Мятлевой, матери приятеля Пушкина. В один прекрасный день госпожа затребовала своего человека, и Мятлев не мог помочь своему другу. На просьбу Пушкина Мятлев отвечал ему: „Твоего повара, любезнейший друг, мать моя отдала сестре моей Бибиковой. Года три он шатался без места, и даже оброка с него никакого не поступало, когда тысяча таких же, пример опасный. Наконец, понадобился сестре повар, я на этого и указал. В первых числах февраля от конторы моей за ним послано; он тогда мне поведал, что он у тебя служил и забрал денег на расход; то я, в уважение тебе, оставил его до 1 марта и так

объяснил матушке и сестре; они теперь на него считают, и он не в моей уже власти. Если хочешь, то я спрошу Бибиковых, могут ли они дать ему еще срока, дабы ты достал другого на место его, и надеюсь, что они не откажут, буде только возможно, о чем я тебя уведомлю“.

Преемственную поварскую традицию осуществляли далеко не все помещицы хозяйства; мелкопоместным и среднепоместным дворянам приходилось обращаться в крупные помещицы дома с просьбой оказать услугу принять в обучение поварскому искусству мальчика. Так было и с Пушкиным. Надо было и ему думать о собственном поваре. Из села Михайловского был выбран и отдан крепостной мальчик в обучение к повару псковского губернатора Алексея Никитича Пещурова. Сохранился в бумагах Пушкина любопытнейший документ, не требующий комментариев:

„Щет за мальчика

Его высокородию Милостивому Государю

Александр Сергенчу

Находитца ваш мальчик у меня вученьи с 1834-го года поты 1836-й гот по 1-е число актября 1 гот и 9 месисов следует ему за содержание по 15 ру на месисц всей сумы выходит 365 р.
заученье его мне следует 260 —
на одеяние ему назимние и летние платья . . 65 руб.
зделана ему шинель и две фурашки 50
на сапоги ему издержано 60
рубашек на два года и передников зделано ему 45
ножи поварские ему куплены 6 руб.

всего выходит 851 руб.

Покорнейша Прошу вас зделайти милости рацытайти

меня его превосходительство Алексей Никитичь требовать засодержание ему денги покорнейший слуга ваш его привосходительства человек Евстигней Александров 20-го Сентября 1836 года“.

Первые месяцы семейной жизни Пушкина прошли в Москве. Здесь и было положено начало штату Пушкина, здесь он приговорил дворецкого и повара. В этом деле поспособствовал ему, конечно, Нащокин. Дворецкий Александр Григорьев сопровождал из Москвы в Царское Село обоз с вещами Пушкина. Нащокин, принявший заботы о пушкинских делах, выдал Александру Григорьеву вперед за месяц деньги — 50 рублей — и посоветовал проверять его щеты. В начале июня пришел обоз вместе с Александром Григорьевым, а в сентябре кончилась его служба. Разыгрался скандальный инцидент, о котором Пушкин сообщал Нащокину: „Дома у меня произошла перемена министерства. Бюджет Александра Григорьева оказался ошибочен; я потребовал щетов: заседание было столь же бурное, как и то, в коем уничтожен был Иван Григорьев; в следствии сего Александр Григорьев сдал министерство Василию (за коим блохи другава роду). В тот же день повар мой явился ко мне с требованием отставки; сего министра хотят отдать в солдаты, и он едет хлопотать о том в Москву; вероятно, явится и к тебе. Отсутствие его мне будет ощутительно; но может быть все к лучшему. Забыл я тебе сказать, что Александр Григорьев при отставке получил от меня в виде аттестата плюху, за что он было вздумал произвести возмущение и явился ко мне с военною силою, т.-е. с квартальным; но это обратилось ему же во вред; ибо лавочки, проведав обо всем, засадили было его в яму, от коей по своему великодушию избавил я его“.

Александр Сергеевич был вспыльчив, но отходчив!

Василий, поставленный на место дворецкого, — сын Михайлы Иванова Калашникова и брат известной нам Ольги, бывшей предметом крепостной любви Пушкина. Еще одна деталь крепостного романа! Василий тоже выводил по временам Пушкина из терпения. В декабре Пушкин уехал в Москву и оставил в первый раз жену одну, на людей. Из Москвы он писал жене: „Напиши, не притесняют ли тебя люди и можешь ли ты с ними ладить?“. А через несколько дней Пушкин разразился тирадой по поводу „людей“: „Оба письма твои получил я вдруг, и оба меня огорчили и осердили. Василий врет, чтоб он истратил на меня 200 рублей. Алешке я денег давать не велел, за его дурное поведение. За стол я заплачу по моему приезду; никто тебя не просил платить мои долги. Скажи от меня людям, что я ими очень не доволен. Я не велел им тебя беспокоить, а они, как я вижу, обрадовались моему отсутствию. Как смели пустить к тебе Фомина, когда ты принять его не хотела? Да и ты хороша. Ты пляшешь по их дудке; платишь деньги, кто только попросит — этак хозяйство не пойдет. Вперед как приступят к тебе, скажи, что тебе до меня дела нет; а чтоб твои приказания были святы. С Алешкой разделаюсь по моем приезде. Василия, вероятно, принужден буду выпроводить с его возлюбленной — *afin de faire maison nette*; все это очень досадно“.

В последних строках — намек на роман крепостных Василия Калашникова с девкой Малашкой, которую дала в приданое дочери Н. И. Гончарова. „За Василием блохи другова роду“! Роман увенчался браком, и чета Калашниковых продолжала жить у Пушкина. Любопытно, что управляла хамами и дворней в доме Пушкиных не молодая хозяйка, а сам хозяин — Пушкин. Покидая временами Петербург, Пушкин всегда тревожился и волновался, как управится с людьми Наталья Николаевна.

„Что люди наши? каково с ними ладишь?“ — обычный вопрос Пушкина в письмах к жене.

В сентябре 1832 года он ездил в Москву. В первом же письме (от 22 сентября) он писал: „я все беспокоюсь, на кого покинул я тебя! на Петра, сонного пьяницу, который спит не проспитя, ибо он и пьяница, и дурак; на Ирину Кузьминичну, которая с тобою воюет; на Ненилу Ануфриевну, которая тебя грабит“. На этот раз Наталья Николаевна взялась за домоуправление, и Пушкин был доволен. „Продолжай, как начала, и я век за тебя буду бога молить. Заключай с поваром какие хочешь условия, только бы не был я принужден, отобедав дома, ужинать в клобе“, — писал Пушкин жене 25 сентября, а в начале октября он вновь поощрял жену: „Ты, мне кажется, воюешь без меня дома, сменяешь людей, ломаешь кареты, сверяешь щеты, доишь кормилицу — ай-да хват баба! что хорошо, то хорошо“. По возвращении домой в войне принял участие и сам хозяин. Он писал Нащокину (2 декабря): „Приехав сюда, нашел я большие беспорядки в доме, принужден был выгонять людей, переменять поваров“...

В поездку 1833 года опять те же волнения. „Живо воображаю первое число. Тебя теребят за долги, — Параша, повар, извозчик, аптекарь, m-me Zichler, у тебя не хватает денег“... И опять: „Кстати, о хамовом племени: как ты ладишь своим домом? боюсь, людей у тебя мало; не наймешь ты ли кого? На женщин надеюсь, но с мужчинами как тебе ладить? Все это меня беспокоит — я мнителен, как отец мой“... Сам Пушкин испытывал не малые неприятности по милости слуги, которого он взял с собою в дорогу. В нескольких строках Пушкина к жене нарисован во весь рост этот человек Гаврила: „Одно меня сокрушает: человек мой. Вообрази себе тон московского канцеляриста, глуп, говорлив, через день пьян, ест

мои холодные, дорожные рябчики, пьет мою мадеру, портит мои книги и по станциям называет меня то графом, то генералом. Бесит меня, да и только“. И тут не без признательности Пушкин вспоминает Ипполита, которого он брал в поездку 1832 года. „Свет-то мой Ипполит!“ У Ипполита была важная особенность: говорил по-французски. С Гаврилой Пушкин пропутешествовал всю осень 1833 года, и уже на возвратном пути по выезде из Москвы в Петербург гнев Пушкина разразился над Гаврилой. „Гаврила мой так был пьян и так меня взбесил, что я велел ему слезать с козел и оставил его на большой дороге в слезах и в истерике; но все это на меня не подействовало“... Но еще раньше, чем Нащокин прочел это сообщение, он узнал историю Гаврилы от него самого. Утром на другой день он нашел камердинера Пушкина спящим на лестнице своей квартиры. На вопрос, как он здесь очутился, тот объяснил, что Александр Сергеевич спихнул его с козел за то, что он был пьян, и приказал ему отправляться к Нащокину.

В 1834 году в апреле уехала в первый раз из Петербурга Наталья Николаевна, в августе отбыл и Александр Сергеевич. Наталья Николаевна вернулась в Петербург раньше мужа, и тот, живо представляя ее положение, писал ей: „И как тебе там быть? без денег, без Амеляна, с твоими дурами-няньками и неряхами-девушками (не во гнев будь сказано Пелагеи Ивановне, которую заочно целую)“.

По мере увеличения семейства рос и штат пушкинского дома. Пошли дети, появились кормилицы, няньки. Наталья Николаевна сама не кормила. „Если не будешь довольна своей няней или кормилицей, прошу прогнать, не совестясь и не церемонясь“, — писал жене Пушкин. Впрочем, пьянство Александр Сергеевич не ставил в большую вину: „А что кормилица пьянствовала, отходя ко

сну, то это еще не беда; мальчик привыкнет и будет молодец, в Льва Сергеевича“. Вообще к женской прислуге Пушкин относился пренебрежительно-взыскательно. Как-то в отсутствие Пушкина загорелись занавески в доме, и он писал жене: „Пожар твой произошел, вероятно, от оплошности твоих фрейлин, которым без меня житье“.

С зимы 1834 года вместе с Пушкиными стали жить и сестры Наталья Николаевна, Александра и Екатерина. Пушкины исполу с сестрами заняли большую квартиру в 20 комнат в доме Баташова у Гагаринской пристани. Пушкин говорил, что совместная жизнь устраивает его с материальной стороны, но в известной мере стесняет, так как он не любит изменять своим привычкам хозяина дома. Прислуги стало еще больше.

О численности хамова племени, пребывавшего на службе у господ Пушкиных, можно судить по выразительному счету мелких долгов прислуге, которые были уплачены Натальей Николаевной по смерти Пушкина¹.

Няне первой	40	рублей
Няне второй	60	
Первой девушке горничной	100	
Второй и третьей девушке	40	
Четвертой девушке	20	
Кормилице	177	
Мужику из кухни	60	
Лакею	90	
Повару	50	
Кучерам	20	
Полотеру	15	
Служителю	60	
Прачке	90	
Виссариону служителю	120	

Да еще по отдельной записи опека уплатила камердинеру Пушкина Павлу Роминкову 100 рублей.

¹ В делах опеки, хранящихся в театральном музее имени А. А. Бахрушина, № 38, л. 1 271.

Надо думать, что не вся челядь здесь помечена: ведь кой-кому-то (заслуженным крепостным, например) не были же должны Пушкины!

Еще несколько подробностей о штатах пушкинского дома. В счете и письмах поминаются извозчики и кучера. Нужно пояснение. Пушкин не держал лошадей, а имел только карету. Лошадей нанимали. Четверка приходилась для развоза по городу по 300 руб. в месяц (в 1836 году). Извозчикам или кучерам платили отдельно. Последнюю карету поставил Пушкину в июне 1836 года мастер Дриттенпрейс за 4150 руб. (с городским и дорожным прибором). С каретниками не везло Александру Сергеевичу. „Нет мне счастья с каретниками“. „Каретник мой плут: взял с меня за починку 500 руб., а в один месяц карета моя — хоть брось. Это мне наука: не иметь дело с полуталантами. Фрибелиус или Иохим взяли бы с меня 100 руб. лишних, но зато не надули бы меня“.

Горячий барин был Александр Сергеевич. Влетало от него по временам людям. Он сам рассказывает жене об одной сцене избиения слуги, в которой он был неизбежным победителем. Летом 1834 года он жил один без семьи на квартире в доме Оливье. Это был тягчайший период его жизни во многих отношениях. Горькие и грустные думы одолевали его. Остро и больно он переживал гнет милости своего государя. С какой радостью он отвергнул бы эту милость! И тут же совершенно вздорная история, о которой он писал жене в июне 1834 года: „Кстати о доме нашем: надобно тебе сказать, что я с нашим хозяином побранился, и вот почему. На-днях возвращаюсь ночью домой; двери заперты. Стучу, стучу; звоню, звоню. Насилу добудился дворника. А ему уже несколько раз говорил: прежде моего приезда не запира-ть. Рассердясь на него, дал я ему отеческое наказание. На другой день узнаю, что Оливье на своем дворе де-

кламировал противу меня и велел дворнику меня не слушаться и двери запирасть с 10 часов, чтобы воры не украли лестницы. Я тотчас велел прибить к дверям объявление, писанное рукою Сергея Николаевича (Гончаров, брат Натальи Николаевны), о сдаче квартиры—а к Оливье написал письмо, на которое дурак до сих пор не отвечал. Война же с дворником не прекращается, и вчера еще я с ним повозился. Мне его жаль, но делать нечего: я упрям и хочу переспорить весь дом“. Александр Сергеевич отвел душу. Но он был так желчен, а в его желчном настроении кто виноват? Пушкин сам и отвечает: „все тот виноват“. Тот—царь, Николай I. Так в один клубок связались мужик-дворник, первый русский поэт и русский император. Царь обидел поэта, а расплатился мужик.

III

Вот и все те немногочисленные сведения о хамовом племени, служившем Пушкину, которыми мы располагаем. Умер господин, и челядь разлетелась в разные стороны. Опека расплатилась с вольнонаемными, а крепостные остались крепостными и вернулись в места оседлости. Относительно некоторых был поднят вопрос об освобождении их от крепостной зависимости.

В первую очередь—о семье известного нам Калашникова. Сам Калашников не получил вольной, но был отпущен на волю сын его Иван „по уважению долговременной и усердной службы его умершему Пушкину“. Внучке Калашникова, Елене Федоровой, дано было разрешение выйти замуж (следовательно, на волю) за финляндского уроженца и медных дел мастера Никодима Макконена.

Дело Елены Калашниковой едва не осложнилось. Опочечкая дворянская опека нашла, что выслуга Федоровой относилась только к Наталье Николаевне: „Из дела

невидно, чтобы малолетние Пушкины имели от того какую пользу, и через замужество ее, Федоровой, с вольным человеком должны лишиться крепостного на нее права, а вместе с тем и могущей быть пользы; но Дворянская Опека, принимая в уважение ходатайство учрежденного опекунства так же о ней, Федоровой, хотя не имея прямого закона на разрешение в подобных случаях, разрешила в таком только случае на вступление в брак Федоровой, если внесены будут по 365 ст. 5 т. Уст. о пошлинах в пользу малолетних Пушкиных 37 руб. 50 коп. серебром“. Деньги были внесены, и брак внучки Калашникова был устроен. —

Воспользовалась счастьем освобождения и жена сына Калашникова, Василия. Мы уже упоминали о том, что в приданое за Натальей Николаевной дана была девка Малашка, лет 19—20, записанная по ревизии по селу Яропольцу, принадлежавшему матери ее, Н. И. Гончаровой. Находясь в услужении при госпоже Пушкиной, девка Малашка нашла счастье в товарище по услужению—крепостном человеке Пушкиных Василии Калашникове, прикрепленном по ревизии к сельцу Михайловскому, и вышла в 1832 году за него замуж. Жили и служили Маланья и Василий Калашниковы в доме Пушкина до самой смерти А. С. Пушкина.

В 1838 году умер Василий Калашников; осталась „вдова Маланья“. В следующем году вдова Наталья Николаевна Пушкина согласилась дать волю вдове Маланье. Она представила в опекунство следующее удостоверение: „Сим удостоверяю, что если бы прочие наследники по имению, оставшемуся по смерти мужа моего Двора его императорского величества камер-юнкера Александра Сергеевича Пушкина, находящемся Псковской губернии, в селе Михайловском, объявили бы какие притязания на принадлежность находящейся в услужении при мне вдове

Сие удостоверяю, что ктолибо проше на
судебных погильнях, оставивших по
смерти мужа своего, Дыра Его Импе-
риаторского Величества Камеръ
Юнкера Александра Сергеевича Пуш-
кина, находящиеся Московскои губернии
въ Селѣ Михайловскомъ, объявили бы
какия притязанія на принадлежность
находящейся въ усмущеніи при мѣстѣ
вдова Маманова, желающей войти въ
нѣтъ въ самужество, - то я ниже-
подписавшаяся вдова Пушкина, возъ-
зуюсь принять сѣю крепостную Ма-
маново на притязаніи, чуюсь мнѣ по
толпу же шитьяго косять, и ответ-
ствовать въ толпу предъ прочими
участниками по шитьяго.

Александръ Пушкинъ
вдова

Обязательство Н. Н. Пушкиной.

Маланьи, желающей вытти ныне в замужество—то я, нижеподписавшаяся, вдова Пушкина, обяуюсь принять сию крепостную Маланью на причитающуюся мне по тому же имению часть, и ответственность в том пред прочими участниками по имению. Наталья Пушкина, урожденная Гончарова“. 27 февраля опекунство над имуществом и детьми Пушкина, „не находя с своей стороны никакого препятствия на выход в замужество вдовы Маланьи, имело честь испрашивать на то разрешение С.-Петербургской Дворянской Опеки“.

Дворянская опека не спешила дать свое согласие. Обсудили просьбу опекунства и приказали указом от 21 марта 1839 года: „Как к разрешению настоящего представления необходимо знать; по какому уступочному акту дворовая девка Маланья Семенова во время выхода в замужество поступила из владения г. Гончаровой во владение покойного Пушкина и не было ли от г. Гончаровой при настоящем случае выдано Семеновой отпускнуой, то в доставлении сих сведений опекунам предписать указом Марта 21“.

Дело готово было запутаться, но Н. Н. Пушкина и опекунство спохватились. Ведь в конце концов Маланья была приписана к Яропольцу, и судьба ее зависела от ее госпожи, Натальи Ивановны Гончаровой. 23 января 1841 года опекунство ответило на запрос опеки: „Упомянутая девка Маланья Семенова, как по справке оказалось, поступила к Пушкину в приданое за женою, без всякого акта, и что хотя по одному только согласию г-жи Гончаровой Маланья Семенова и была выдана за муж за дворового человека Пушкиных, после смерти которого она намеревалась принять вторичный брак, но вдова Пушкина, не имея права распоряжаться ею, отправила ее к матери своей, г-же Гончаровой, для получения от нее надлежащего по сему дозволения, что и последо-

вало, при чем опекунство сие покорнейше просит С.-Петербургскую Дворянскую Опекунскую комиссию считать за тем дело сие поконченным“.

Только эти крепостные слуги Александра Сергеевича Пушкина и получили волю. Остальным этого счастья не выпало. Пользуясь неизданными документами, передадим в заключение нашего экскурса о людях Пушкина характерную историю одной попытки освобождения. Сохраняем сочные подробности крепостного формализма.

У матери А. С. Пушкина, Надежды Осиповны Пушкиной, служила в горничных в течение продолжительного времени дворовая ее девка, Анна Михайлова. После смерти Надежды Осиповны перешла Анна Михайлова в семью А. С. Пушкина на службу при детях. Умер А. С. Пушкин. Его вдова уехала с детьми к своим родителям. Осталась Анна Михайлова одна и захотела она выйти на волю, а приписана она была к знаменитому сельцу Михайловскому, которое, по смерти Надежды Осиповны Пушкиной, наследовал ее муж (в 7-й части), чиновник 5 класса Сергей Львович Пушкин и его дети: дочь Ольга и сыновья Лев и Александр, а по смерти Александра его дети — две дочери и два сына. Заботы о семье Пушкина взяло на себя опекунское управление, в которое вошли граф Г. А. Строганов, граф М. Ю. Виельгорский, В. А. Жуковский и камер-юнкер Н. И. Тарасенко-Отрешков.

22 апреля 1838 года Сергей Львович Пушкин адресовался в опекунство на имя Н. И. Тарасенко-Отрешкова со следующим письмом: „Принадлежащая покойной жене моей, дворовая девка Анна Михайлова, приписанная к имению Псковской губернии, Опочецкого уезда, в котором я имею седьмую часть и коего я назначен опекуном, просит меня о позволении ей вытти замуж за санкт-петербургского мещанина Киселева. Я говорил о сем

предварительно Василию Андреевичу Жуковскому. Он не нашел никакого затруднения дать невесте мое согласие на замужество, в чем я подписал ей свидетельство, но, желая соблюсти законную форму, я просил его, как опекуна, приложить к сей бумаге свою руку, о чем осмеливаюсь просить и вас, как участвующего так же в опеке над малолетними детьми покойного моего сына. — Нужна ли для вашей и его подписи какая-либо особо форма или нет, мне неизвестно. Прилагая ответ ко мне Василия Андреевича на мою просьбу, честь имею пребыть...“.

Опекунство, соглашаясь удовлетворить просьбу девки, подписанную С. Л. Пушкиным и В. А. Жуковским, не сочло себя вправе отдать руку и сердце дворовой девки с.-петербургскому мещанину Игнатию Харитоновичу Киселеву и обратилось 2 мая 1838 года в С.-Петербургскую дворянскую опеку с донесением о желании Анны Михайловой. Донесение, подписанное гр. М. Виельгорским и камер-юнкером Отрешковым, заканчивалось так: „а как упомянутое (село Михайловское) имение поступает ныне в заведывание опекунства сего, то оно имеет честь испрашивать разрешение С.-Петербургской Дворянской Опеки, присовокупляя при том, что с его стороны не усматривается на упомянутый брак никакого препятствия“... .

Казалось бы, все складывалось благополучно для Анны Михайловой, но С.-Петербургская дворянская опека посмотрела на это дело иначе. Выслушали донесение опекунов и приказали: „Как из настоящего представления Дворянская Опека не усматривает ни особенных заслуг, учиненных дворовою девкою Анною Михайловою бывшим ее владельцам, ни пользы, приносимой ею нынешним малолетним владельцам, посему и нельзя согласиться на дачу ей свободы посредством выхода в замужество, о чем опекунов уведомить указом“.

Указ опеки от 20 мая 1838 года был прислан опекунам, но они решили не давать девки в обиду и отправили 31 мая дополнительное мотивированное ходатайство об освобождении девки от крепостной зависимости. Опекуны объяснили: „упомянутая девка Анна Михайлова с младенчества своего по день смерти владельницы ее, г-жи Пушкиной, матери Александра Сергеевича Пушкина, постоянно находилась в течение почти 12-ти лет в качестве горничной, что она поведением и усердием не только приобрела благоволение ее, но и желание ее обеспечить будущую судьбу девки сей благонадежным за вольного человека замужеством, что, по смерти г-жи Пушкиной, она, находясь в ожидании устройства судьбы своей в услужении при детях Пушкина, сына покойной владельницы своей, отличалась равно усердием, и что ныне по отъезде г-жи Пушкиной, жены Александра Сергеевича, с детьми на жительство в деревню, — упомянутая девка не только остается вовсе и впредь ненужною, но даже, не принося никакой пользы опекунству, требует содержанием своим расходов, — по сим уважениям, вменяя себе в обязанность сколько в вознаграждение 17-летнего усердного служения девки Анны Михайловой, и исполнение намерений покойной ее владельницы, сколько желая избавиться от расходов содержанием ее от опекунства; ибо отпускать ее с оброка не может быть признано приличным по уважению многолетней службы ее семейству Пушкиных, — опекунство сие повторяет ходатайство свое дозволить Анне Михайловой выйти за муж за представляющегося мещанина Киселева“.

Опека, рассмотрев объяснение опекунов, нашла новые препятствия к освобождению девки и предписала указом 17 июня 1838 года опекунам, дабы они „в дополнение представления их сей опеки донесли: где дворовая девка

наследников Пушкиных Анна Михайлова писана по ревизии и каких лет, а буде девка сия принадлежит к Опочецкому имению родительницы покойного Пушкина, то в сем случае необходимо на отпуск ее согласие и прочих участников“.

Опекуны продолжали поддерживать Анну Михайлову и в ответ на последний указ доносили 11 июня опеке: „опекунство, возобновляя ходатайство свое о дозволении упомянутой девке Анне Михайловой выйтить в просимое замужество, имеет честь при сем подлинное на гербовой бумаге свидетельство, данное отцом покойного Александра Сергеевича Пушкина 30 минувшего апреля, коим свидетельствует он, что упомянутая девка Анна Михайлова имеет от роду 24 года и что она зачислена в принадлежавшем покойной жене его Надежде Осиповне имении Михайловском, Псковской губернии, Опочецкого уезда. Затем опекунство сие имеет честь присовокупить, что упомянутое, выданное г. Пушкиным, свидетельство вполне удостоверяет в согласии его дать дозволение упомянутой девке на выход ей в замужество и как при том он, Сергей Львович Пушкин, имеет в имении том законную 7-ю часть, то не благоугодно ли будет С.-Петербургской Дворянской Опеке, во уважение вышеуказанных заслуг девки сей и ходатайства Сергея Львовича Пушкина, дать ей дозволение на выход в замужество, относя затем девку сию на причитающуюся часть его, Сергея Львовича Пушкина“. Это донесение опекунов не встретило никакого отзвука в С.-Петербургской дворянской опеке; прошел почти год, и опекуны 2 апреля 1839 года обратились с новым ходатайством. Повторяя в нем все прежние соображения, опекуны присоединили к ним и еще один довод на тот случай, если бы опеке показалось мало свидетельства С. Л. Пушкина о принятии Анны Михайловой на свою седьмую часть: они

приложили еще согласие на отпуск Михайловой Соболевского, действовавшего по доверенности других участников имения—Льва Сергеевича Пушкина и Ольги Сергеевны Павлицевой, брата и сестры поэта.

Но опека не вяла и этому заявлению. Невеста продолжала ожидать жениха. Прошло почти два года, и опекунство 16 февраля 1841 года, „не получив никакого разрешения, вновь ходатайствует о выдаче помянутой девке Анне Михайловой разрешения, тем более, что все расчеты между наследниками по имению села Михайловского ныне покончены и что разрешение сего обстоятельства необходимо для повершения сделок между наследниками“.

Наконец-то! Дворянская опека приказала в указе от 4 июня 1841 года: „гг. опекунов, состоящих над имением и малолетними детьми покойного камер-юнкера Александра Сергеевича Пушкина, уведомить указом, что Дворянская опека по уважению изложенных в прописанных представлениях их причин не находит с своей стороны препятствия в даче упомянутой дворовой девке Анне Михайловой на выход ее в замужество дозволения“.

Предстояло выполнить формальности, и опекуны 12 июня 1841 года обратились со всеподданнейшим прошением (по форме!) во 2-й департамент С.-Петербургской Палаты гражданского суда: „Всеподданнейше просим, дабы повелено было сие наше прошение принять и, по случаю выхода в замужество крепостной наследников Пушкиных дворовой девки Анны Михайловой, писанной по последней ревизии Псковской губернии, Опочецкого уезда, по селцу Михайловскому, за усердную и долговременную гг. Пушкиным службу, выдать ей от крепостных дел отпускную. Приметами она, Михайлова, росту среднего, волосы русые, глаза серые, лицом бела, от роду ей 26 лет“.

Но не тут-то было! Второй департамент вмешался в дело и стал чинить новые препятствия Анне Михайловой. Он объявил, что „хотя и последовало разрешение касательно упомянутой девки Михайловой, но как из бумаг не видно, чтобы Спб. дворянская опека сносилась по сему предмету с 1-м департаментом гражданского суда, то и требуется такового удостоверение“. Опекунство 21 января 1842 года обратилось к дворянской опеке с просьбой „не оставить уведомлением упомянутого сведения“. Только через 11 месяцев дворянская опека отозвалась на донесение опеки и указом от 11 ноября за № 3274 дала знать, что как для вступления дворовой девке Анне Михайловой в брак с мещанином Игнатием Киселевым не предстоит надобности предоставлять ей свободу выдачею вольно-отпускной, то она и не считает нужным делать об этом представления Гражданской Палате, тем более, что и самая цель желания владельцев была вознаграждать труды Михайловой благонадежным за вольного человека замужеством“.

С момента возбуждения ходатайства о разрешении Анне Михайловой выйти замуж за мещанина Киселева прошло более четырех лет. Медленно, но постепенно устранялись препятствия, ставившиеся различными местами браку Михайловой, но в 1842 году возникло новое и на этот раз совершенно не устранимое препятствие. 25 декабря 1842 года опекунство доносило опеке, „что, по случаю представившегося упомянутой Анне Михайловой средства на замужество, опекунство сие от 2 мая 1838 года за № 40 хотя и испрашивало разрешение о дозволении ей вступить в законный брак с с.-петербургским мещанином Киселевым, каковым браком само собою разумеется она была бы вольная; но как согласие дворянской опеки на замужество ее последовало уже через 3 года, то-есть 4-го июня 1841-го года, то означенный мещанин

Киселев в ожидании разрешения, по изменившимся обстоятельствам, в предположенном желании отказался“.

Представляя это обстоятельство на рассмотрение опеки, опекунство сочло долгом „просить об исходатайствовании упомянутой дворовой девке Анне Михайловой к свидетельству на законном основании вольно-отпускной, приняв в уважение долговременную и усердную службу ее покойной владельнице Пушкиной“.

Делу был дан новый толчок. Дворянская опека сделала представление первому департаменту С.-Петербургской Палаты гражданского суда; первый департамент запросил Правительствующий Сенат. Правительствующий Сенат по 4 департаменту имел суждение по делу девки Анны Михайловой и заключил: „Поелику в помянутых Палатою 264 и 265 статьях тома X Свода законов гражданских (издания 1842 года) не содержится дозволения на выдачу отпускных дворовым людям, принадлежащим малолетним наследникам; а по тому Правительствующий Сенат определяет: дать знать 1 д-ту сёй Палаты на представление ей, что Сенат за силою 264 статьи X тома Свода законов гражданских (изд. 1842 г.) дать дозволения на отпуск на волю дворовой девке Михайловой, принадлежащей малолетним наследникам умершего камер-юнкера Пушкина, не может“. Указ Сената от 20 апреля 1843 г. был сообщен по инстанциям и 25 мая доведен до сведения опекунов.

Итак, от момента возбуждения вопроса об освобождении от крепостной зависимости горничной матери Пушкина и няньки его детей прошло пять лет, и дело не пошло ни на шаг. Случай вышел весьма любопытный. Как твердо и неуклонно защищала власть государственное дело — институт крепостного права — против самих же помещиков! А до официального падения крепостного права оставалось всего двадцать лет!

Непонятно, почему опека все время считала девку Анну Михайлову собственностью малолетних детей Пушкина и не хотела считаться с заявлением С. А. Пушкина о том, что он принимает ее на свою 7-ю часть имения. Повидимому, опекуны решили опереться на это заявление С. А. Пушкина и вновь поднять вопрос об освобождении. Сохранилось в делах опеки подлинное заявление С. А. Пушкина: „Я, нижеподписавшийся, чиновник 5-го класса Сергей Львов сын Пушкин, сим удостоверяю, что из причитающейся на часть мою по селу Михайловскому, находящемуся Псковской губернии в Опочецком уезде, беру я на свою часть, состоящую в ревизии по селу тому крепостную из дворовых девку Анну Михайлову, которой от роду 28 лет, и которой во уважение долголетней и усердной службы ее при покойной жене моей и внучках, даю я вечную вольно-отпускную. — С каковым условием и уступил я остальную мою часть по упомянутому селу Михайловскому дочери моей Ольге, по мужу Павлицевой, продавшей часть ту вместе со мною детям сына моего Александра. Пятого класса чиновник и кавалер Сергей Львов сын Пушкин. 15 июня 1843-го года“. Сохранился и черновик прошения опекунов во 2-й департамент Палаты, при котором должно было быть приложено и приведенное заявление С. А. Пушкина, но, судя по тому, что подлинник заявления сохранился в делах опеки, надо думать, что прошение не было подано и заявление хода не получило.

По всем видимостям, Анна Михайлова должна была ждать воли до 1861 года.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
КИСТЕНЕВСКОЕ ИЗНУРЕНИЕ

„Но как пришедши Мы в большое изнурение и упадок, в таком случае положение ваше нас не облегчит“

Из письма крестьян к господам Ланским
8 апреля 1850 года

*Апослину Пуртебала къ стопамъ новъ
вашии Селца Кистенева Старинна
и все Кристианскы, все покоренныи провишии
вашии престоавительство Наталья
Николаевна, явити отеческую милость
объявити поможение оброчовъ наших*

Из письма кистеневских крестьян к Н. Н. Ланской

I

Пушкины бывают — мужики остаются. По смерти господина кистеневские мужики половины Александра Сергеевича Пушкина возвратились в лоно отчее — к Сергею Львовичу. Вспомним, что Сергей Львович предоставил сыну 200 душ в пользование, а не в собственность. Кистеневым и Болдыным продолжал управлять И. М. Пеньковский, завоевавший полное доверие Сергея Львовича. Пеньковский более или менее исправно собирал оброки и посылал господину, но поправить крестьянскую жизнь Кистенева не мог: слишком разорены были кистеневские мужики. Да и мудрено было поправить при том хозяйственном быте, которым жили кистеневцы. Земли им решительно не хватало. В 1836 году Пеньковский бился с Кистеневым. Выходов было два, и оба негодных. Прибавить оброк — так крестьяне не платили и положенного по 50 рублей с тягла — или посадить на пашню — откуда же взять земли? А. С. Пушкин на предложение реформ со стороны Пеньковского отвечал 14 июня 1836 года:

„Оброка прибавлять не надобно. Если можно и выгодно Кистеневу положить на пашню, то с Богом. Но вряд ли это возможно будет?“. Промысел кистеневских крестьян находился в прямой зависимости от урожая. Кули и рогожи имели большой или меньший сбыт, смотря по урожаю. 1848 год был катастрофически неурожайным почти по всей черноземной полосе. Совсем неважные урожаи были и в следующие два года. Потерпели жестоко кистеневцы, но пострадали и их господа. Об этом моменте жизни кистеневских мужиков мы расскажем на основании неизданных документов, находящихся в нашем распоряжении. Уж так повелось в пушкиноведении: о всех лицах, с которыми приходил Пушкин в соприкосновение, пушкинисты дают биографические сведения не только за тот период, когда эти лица общались с Пушкиным, но и за все время их жизни и после смерти поэта. Позднейшая — после 1837 года — жизнь кистеневских подданных Пушкина была в известной мере результатом тех хозяйственных отношений, которые расцвели пышным цветом в „господство“ А. С. Пушкина, вернее Калашникова. Все эти соображения дают нам право дать в заключение главу о позднейшей судьбе кистеневских мужиков. Тем более, что перед нами пройдут еще раз знакомые лица.

Со смерти Пушкина прошло 11 лет. 29 июля 1848 г. скончался Сергей Львович Пушкин. Возник вопрос о наследстве. К его заложенным и перезаложенным именьям — Кистеневу и Болдину — наследниками явились дети его, Лев и Ольга, и дети Александра Сергеевича Пушкина. Ольга пребывала замужем за Н. И. Павлищевым, который достиг уже степеней известных и был в это время помощником обер-прокурора варшавских департаментов сената. Он выправился немного в своих делах, но не упустил бы ни одной перспективы к обогащению. Положение фаворита пушкинской семьи Льва было не из ве-

селях. Он оставил военную службу, был переименован в коллежские ассесоры и в этом чине занимал в Одессе незавидную должность члена портовой таможни. Дети Пушкина попрежнему были на попечении опеки, но состав опеки переменился. Опекушкой стала мать их Наталья Николаевна, вышедшая замуж за Петра Петровича Ланского, в 1848 году бывшего командиром лейб-гвардии конного полка. Ланской стал тоже опекуном, заменив графа Г. А. Строганова. В действительности чета Ланских и распоряжалась всем имуществом малолетних. А в этот период приближенным Ланских был офицер конного полка Иван Васильевич Анненков. Он в сущности и вел дела опеки, с ним советовалась мать-командирша, он писал бумаги. Впоследствии он заключил договор на предоставление ему права издать собрание сочинений Пушкина. Это издание и было им выполнено под редакцией брата Павла Васильевича.

Пеньковский продолжал управлять именьями покойного Сергея Львовича Пушкина, а наследники начали длительные разговоры о разделе. Создалось междуцарствие, перемены вызывают новые мысли: заволновались кистеневские мужики, думая, не выйдет ли для них какого облегчения от новых господ. Лев Сергеевич, впадавший было в окончательную бедность, теперь приосанился, усвоил помещичий тон и писал 28 августа 1848 года Пеньковскому: „Спешу вас уведомить, что я на сих днях отправляюсь в Петербург для необходимых переговоров и нужных бумаг; а оттуда приеду в Болдино для раздела и вступления во владение. Увидим на месте, что предпринять и как действовать. Покамест полагаюсь на Вас, надеюсь, что все крестьяне из послушания не выйдут, а будут жить и работать, как надлежит добрым людям и христианам; а за то и Господь Бог будет их беречь и миловать. Приказа к ним не пишу, но поручаю вам про-

честь это письмо перед миром. Распоряжений никаких я покамест делать не могу и не в праве; но никак не замедлю приехать“¹. Наследники сошлись зимой в Петербурге, туда же был вызван Пеньковский. Между прочим, опекуны относились к нему недоверчиво и подозрительно. Договорились на том, что именья оставляют за собой опекунство и Лев Сергеевич, а Ольге Сергеевне выплачивают деньгами за ее долю. Именья же после долгих переговоров решено было поделить так: Льву Сергеевичу — Болдино, а детям А. С. Пушкина — Кистенево с прибавкою к нему деревни Львовой, которая была выселками Болдина, а пока доходы пополам. Оформление этого раздела затянулось надолго, года на три. Наследники добились высочайшего разрешения на приостановку погашения занятого капитала и процентов до раздела.

Предстояло личное ознакомление с наследственными именьями. Лев Сергеевич все страдал своих будущих подданных. 2 февраля 1849 года из Одессы он писал Пеньковскому: „Посылаю при сем приказ для сообщения его по принадлежности, прося Вас исполнить упоминаемое в оном мое распоряжение на счет вспомоществования крестьян хлебом из общественной мирской запашки. Вообще Ваши мнения и действия по управлению весьма хороши; будучи на месте, Вы лучше меня увидите, как Вам нужно действовать. По совершении раздела я не замедлю приехать в Болдино. Надеюсь, что крестьяне не доведут меня до строгости, и для того внушите им, что они должны исполнять все повинности и не пробывать новых своих помещиков. Если они будут продолжать вести себя, как начали, так их всех продаж на вывод“². Сам Лев Сергеевич удосужился приехать в Болдино только в октябре 1849 года. Ланские довери-

¹ Известия лит.-худ. кружка, вып. I, 1913, стр. 44.

² Там же, стр. 45.

лись полковнику Гавриле Васильевичу Бобоедову, именование которого было неподалеку от Кистенева. По их просьбе Бобоедов в мае и сентябре осматривал именье. Он вынес самые безотрадные впечатления о благосостоянии кистеневских мужиков. Мы уже приводили отзыв его¹ о Кистеневе. Бобоедов смотрел в корень вещей, он нашел даже, что „от такого положения у многих из них совершенно испортилась нравственность“. Не даром и Лев Сергеевич в своих письмах к управляющему так грозил крестьянам и так их убеждал подчиняться. Кистеневцы вообще были бельмом на помещичьем глазу и сильно беспокоили опекунство: вот-вот выйдут из повиновения!

II

30 июня 1849 года опекунство сообщило Пеньковскому о состоявшемся, наконец, между наследниками условии на раздел и предложило ему все отчеты „разделить на две части; о той части, которая принадлежит Льву Сергеевичу Пушкину, руководствоваться теми правилами, которые Льву Сергеевичу угодно будет указать, и об части, принадлежащей детям покойного Александра Сергеевича, доносить в Опекунство и никаких расходов без разрешения Опекунства не делать“. Пеньковский решил, что лед недоверия разбит, и обратился 29 июля 1849 года с следующим письмом:

„Ваше Превосходительство
Милостивая Государыня
Наталья Николаевна!

Получа от опекунства уведомление о разделе именья, с сей же почтой на требования опекунства отвечаю особо; а у Вашего Превосходительства унижайше прошу о извинении, моя вина в том, что я усомнился в доверии

¹ См. выше, стр. 88.

Вашем; это случилось так, что на мои разные донесения и испрашивания не получая никаких предписаний и распоряжений от господ наследников подало мне повод усумниться в их доверии ко мне. Ныне же видя от опекуна некоторое доверие, придает мне смелости в предложении моих услуг управлением частью малолетних; в течение 16 лет я действовал в пользу Сергея Львовича вместе и наследников, тому назад лет 13, когда Сергей Львович было предположил продать сельцо Кистенево, и тогда при моем содействии продажа не состоялась, за что покойный ваш муж Александр Сергеевич изъявляя свое удовольствие письменно говорит мне, вот Его слова: благодарю Вас, что вы отсоветовали Батюшке продажу Кистенева и тем не лишили моих детей верного куска хлеба, за что я Вас никогда не забуду (это письмо я берегу как сокровище¹). Впоследствии времени, когда обстоятельства Сергея Львовича поисправились, Сергей Львович, изъявляя свою благодарность за мои старания, письменно тоже говорил: что в жизни моей никто меня столько не успокаивал как вы, от души желал бы подобные выражения заслужить и от Его наследников. Буде угодно будет Вашему Превосходительству почесть меня доверием управлением имения малолетних, то желал бы иметь за труды обеспечение, по прилагаемой при сем записке. А буде же не угодно, покорнейше прошу о том меня уведомить, — для того чтобы я мог на что-либо решиться“.

Но Ланские были подозрительны. Сохранилась следующая деловитая, сухая записочка очаровательной Натальи Николаевны к своему „управделу“ Анненкову: „Вот письмо и условия управляющего, которое вчера я

¹ Письмо, на которое ссылается Пеньковский, от 14 июня 1836 г., напечатано в „Переписке“, III, стр. 335, № 1 033. Пеньковский не буквально, но точно передает слова Пушкина.

забыла вам послать, Иван Васильевич. Еще получила разные наставления на счет его от мужа, которые спешу вам сообщить. — Он одного мнения с вами, что Пеньковский должен дать опеке отчет в том, что он детям прислал половину менее денег, чем Льву Сергеевичу — второе, по какому праву он вычитает себе жалование — должны существовать росписки у Сергея Львовича. — На счет этого муж полагает, что опека в праве сделать ему запрос. — Извините пожалуйста, Иван Васильевич, что так часто вам надоедаю своими делами и примите искреннюю мою благодарность за ваше снисхождение ко всем просьбам моим. Преданная вам — Н. Ланская“.

Иван Васильевич написал по заданию Н. Н. Ланской соответствующий запрос, на который Пеньковский ответил вполне удовлетворительно, но Н. Н. Ланская не вернула ему своего доверия, сильно рассчитывая на то, что бразды управления Кистеневым возьмет на себя Бобоедов. От ее имени было написано к нему письмо о принятии имени под начало. Но Бобоедов в изысканно-любезных фразах отклонил от себя это предложение и согласился взять на себя только надзор за именем. „Я все-таки — писал Бобоедов Наталье Николаевне 5 сентября 1849 г. — по возможности буду надзирать за ним, а всего бы лучше, если бы Петр Петрович сам приехал взглянуть на сие имение, в каком оно положении и чего можно от него ожидать, это необходимо нужно... Управляющего Пеньковского нет дома, а как скоро он придет, то я поеду опять в ваше имение взглянуть на отчеты, которые впрочем я весной и видел, они весьма акуратны и так отчетливы, что по ним начету на нем быть не должно, кроме той суммы, которая у них занималась в посторонних руках на счет крестьян, немогших платить ни оброку ни даже подушных денег, и которых накопилось теперь тысяч до десяти, а с этих крестьян и десяти рублей

взять невозможно, потому что они совершенно не имеют у себя никакой собственности, о чем я и писал уже к Петру Петровичу, управляющий Пеньковский говорил мне, что можно продать хлеб из общественной запашки и уплатить эти деньги, но мне кажется, этого недолжно, потому что хлеб этот собирался на неурожайное время, а когда его продать, то вы лишитесь способу в необходимости продовольствовать крестьян ваших в самых нужных обстоятельствах, если Боже сохрани будет неурожай". Свои мысли о Кистеневе Бобоедов продолжал развивать в письме к П. П. Ланскому от 6 октября. Он не мог взяться за управление по следующим причинам: „1-е что имение это теперь весьма в запутанном положении по займам управляющего на крестьян денег, да и сами крестьяне пришли в такое положение, что за ними недоимки слишком десять тысяч и они не в состоянии их выплатить, чему при сем прилагаю и реестр, самим Пеньковским сделанный тем крестьянам, которые не в состоянии выплачивать оброку, другой же реестр большой, за которыми есть недоимка, но современем они могут ее выплатить, да и пахотные крестьяне пришли в упадок, почему многие уже сделались почти бездомными, а 2-е что имение в опеки и к тому же заложено в Опекунском совете, следовательно, если привести это в порядок, то необходимо надо тут пожить самому и наблюдать за ним, чего я по семейному моему положению и по отдаленности этого имения сделать не могу, а взяться за это надобно и исполнить, надзирать же за оным я готов, но по положению крестьян этого недостаточно, а надобно зайти в их обстоятельства и сколько можно их поправить и окуражить. Я писал к Ее Превосходительству, что присутствие твое в имении необходимо, что повторяю и теперь, ты приездом своим можешь разрешить все обстоятельства и сам увидишь все, чего можно требовать, а

в таком случае и я уже могу тогда действовать решительнее, а без тебя крестьяне могут оскудеть еще более и имение запутается так, что мудроно уже будет его и поправить, следовательно необходимо нужно взять тебе отпуск на 28 дней и приехать сюда, 700 душ стоят того, чтобы уделить от службы 28 дней для пользы своих подданных и собственно своей или детей своих, я уверен, что ты примешь мой совет, из моего к тебе расположения происходящий, чего и буду ожидать с нетерпением, а имение такого рода, если оно будет устроено, то непременно даст 15.000 руб. доходу в посредственные годы, а при урожае и более“.

Судьба Пеньковского была решена. 9 сентября 1849 г. опекунство уведомило его: „1) Так как невозможно определить наверное, чтобы состоящая на кистеневских крестьянах недоимка в 8.238 руб. ассигнациями была ими выплачена в сем году, то эта сумма не может входить в расчет дохода, который опека получит в пользу малолетних детей; равным образом и внесенные 20 ноября 1848 года в Опекунский Совет 1.253 руб. ассигнациями не должны падать на часть малолетних, ибо в то время имение Сергея Львовича еще разделено не было; а потому присылка в пользу малолетних детей меньшей суммы, чем другой части, Опека принять не может и еще просит Вас объяснить, отчего на кистеневских крестьянах произошла такая значительная недоимка... 3) Доверив Гаврилу Васильевичу Бобоедову принять все имение, достоящееся малолетним, Опека просит Вас не уезжать из имения, пока Гаврило Васильевич Бобоедов не примет все по описи и не даст вам квитанцию; они же уполномочены Опекою сделать распоряжение о назначении Управляющего в имении“.

Но Пеньковский продолжал управлять Кистеневым еще восемь месяцев с лишним. Берем из его донесений

сведения о кистеневских мужиках. 2 октября 1849 года он доносил о сборах оброку:

„С октября 1848 г. по 1 октября сего года на крестьянах неполученного оброку числится:

Недоимки Покровской части	273 руб.
Декабрьской части того же 1848 г.	2655 „
1849 года Мартовской части	2655 „
„ „ Петровской части	2655 „
„ „ Покровской части	2655 „
<hr/>	
Всего	10893 руб.

Из сей недоимки в сентябре мес. собрано 350 „

Остается за крестьянами 10543 рублей на ассигнации. На все мои предписания и личные подтверждения крестьяне мало заботятся о взносах; повидимому, они во всем и во всех сомневаются, и иначе не приведется в прежний порядок, как только личным присутствием Опекуна, личность Опекуна в имение для пользы малолетних необходима; Опекуна личное распоряжение для крестьян будет законом; в противном случае недоимки накопится столько, что они и в самом деле не в состоянии будут выплотить. Прощать же им всю числящуюся недоимку никак не следует, это бы было потворство, лучше им сделать облегчение другого роду“.

А 19 октября Пеньковский объяснял опекунству:

„На требование Опекунства от чего на кистеневских крестьянах произошла такая значительная недоимка? Имею честь объяснить: во первых от прошлогоднего у них неурожая, во вторых и от того что по повсеместному неурожаю приостановился кистеневских крестьян промысел тканье рогожек, их рогожки никому не нужны были, ни для кулей, ни для перевозки хлебов торпешей; к тому же и от того, хотя мне и было лично поручено Их Превосходительствами Петром Петровичем и Натальей Николаевной

Ланскими до раздела имения действовать в имении по-прежнему как действовал при жизни Сергея Львовича; крестьяне же ни моим письменным, ни личным приказаниям не верили, и даже состоятельные крестьяне, которые бы могли заплатить за несколько лет вперед, не платили; все это для того, чтобы воспользоваться разными льготами у своих новых наследников; доказательством тому то, что и прежде бывали неурожайные года, но в продолжении 15 летнего моего управления то есть до кончины Сергея Львовича не было на крестьянах недоимок ни одной копейки, и всегда Сергей Львович оброк получал в свое время, что значится в приходе-расходных книгах“.

III

Пока господа под рукой занимались исследованием вопроса о причинах накопления недоимок и о способах к их взысканию, заговорили и сами кистеневские мужики. Они обратились с прошением в Опекунство и с письмом к барыне. Приводим в полной неприкосновенности крестьянские документы. Сначала письмо:

„Ваше Превосходительство!

Милостивейшая Государыня

Наталья Николаевна!

Вам уже извесно наше бедственное состояние, тож самое повторяем, что послуцию прошлого года неурожая и остановки в промышленности наших доходов, Мы не имея сил инет возможности нашей; платить поопределению покойного тятиньки вашего Сергея львовича Пушкина 10620 рублей Каждогодного оброка, и наросшей в течение бесплодного минувшего года недоимки.

Апосему Прибегая к стопам ног ваших Сельца Кистенева Старшины и все Крестьяне, всепокорнейше просим ваше превосходительство Наталья Николаевна,

явити отеческую милость Облещити положение оброков нам исполнить невозможных. Защитите яко родная мать детей Своих, зделайте положение ваше по силе возможности нашей. Закаковыя благоденствие мы б и дети наши о нас, идетья ваших непрестанно возсылали Къ богу теплыми наши молитвы.

и как вам благоугодно будет благоволите наоборот уведомить нас вашим ответом.—Писал сие въместо вышесказанных Старшин икрестьян неграмотных поих личному прошению всеподданнейший ваш раб ислужитель Матвей Алексеев батраков!

26 Октября

1849 года

Кистенево“.

Затем прошение:

„В С. петербургское Высочайше учрежденное о печенковском, над малолетними детьми покойного камер Юнкера александра Сергеевича Пушкина.

Нижегородской Губернии сергачского уезда Вотчины Господина покойного Александра Сергеевича Пушкина сельца Кистенева Старшин и всего Мирского Общества всепокорнейшее

П р о ш е н и е

Еще при жизни покойного Сергея Львовича Пушкина, и при благословенных летах урожая хлеба, Находясь мы в владении Его, не имея довольно для хлебопашества Земли постепенно состоянием своим Ослабевали. хотя неуспынно старались исполнять повинность Каждогодний по положению Его оброк состоявшей в 10620 руб. ассигнациями платили, но весьма трудным Збором. Так что немогли в точности исполнить без помощи Заимобразной

Суммы У посторонних лиц Занимаемую, до 2350 руб. каковыя и посие время Еще состоят занами.—

вдополнение того, в минувшем году повсе местный неурожай, последнии наши силы истоцил. Стем вместе ипромышленности наше в тканье рогожек Совершенно Остановились. Мы б душевно рады исполнять возложенный нанас повинности Непрестанно требуемую недоимку и оброки. но в теперешних бедственных последовавших обстоятельствах того полного Количества платить не можем.

А посему Оную Вы сочайше учрежденную опеку Все покорнейше просим в платеже Каждогодного оброка зделать Облегчение и пораспоряжению Сколько вам благоугодно будет определить с всего Кистенева Годовых доходов, благоволите нас уведомить ответом.— писал сие вместо вышеписанных Старшин икрестьян неграмотных поих личному прошению все подданнейший ваш раб ислужитель Матвей Алексеев батраков.

26 октября 1849 года

Кистенево“.

На это прошение последовал необычно быстрый— 8 ноября—ответ. Опекунство, полновластно распоряжаясь именем, облыжно сослалось на то, что оно не может делать никаких распоряжений по имению, так как раздельный акт еще не совершен, и опека не введена во владение этим имением. Но раздел фактически был совершен, и доходы исправно поглощались владельцами. Опекунство, адресуя свою бумагу „Служителю Матвеем Батракову и всему мирскому обществу“, подтверждало, чтобы „заведенный порядок покойным Сергеем Львовичем ни в чем нарушен не был; потому что естли Вы могли платить прежде наложенный на Вас оброк, то нет причины чтобы его не платить теперь. Когда же Опека вступит во владение имением, то она разберет Вашу просьбу и окажет Вам законное удовлетворение; а до

того времени следует Вам повиноваться во всем Управляющему, как то было при жизни покойного Сергея Львовича".—Сообщая о своем решении Пеньковскому, Опекунство просило его, во-первых, не подвергать взысканиям крестьян, подавших прошение и, во-вторых, высказаться по сему предмету, действительно ли они находятся не в состоянии платить своего оброка, как было прежде, или не есть ли это уклонение только от исполнения своей обязанности. 30 декабря Пеньковский разрешал глубокомысленный вопрос Опекунства: „На спрашивание Опекунства действительно ли кистеневские крестьяне находятся не в состоянии платить своего оброка, какой платили прежде, или только уклоняются от исполнения своей обязанности? На сие имею честь объяснить, что в кистеневских крестьянах есть то и другое; третья часть крестьян, не бывши никогда богатыми имуществом и всегда бедными нравственностью, от прошлогоднего неурожая и по собственному нерачению, опустили себя до того, что не в состоянии выплатить накопившейся на них оброчной и подушной недоимки; а две остальные части, одни из них не состоят в недоимке, а другие уклоняются от платежей, полагая, что когда-нибудь им простится“.

IV

Но еще до получения ответа Пеньковского, Ланские располагали „авторитетным“ мнением „подлинного опытного помещика“ Льва Сергеевича Пушкина, который в конце октября приехал, наконец, в свою вотчину. Установив порядки, собрав все возможные приходы, Лев Сергеевич покинул Болдино и из Москвы послал подробнейший отчет о своих впечатлениях Наталье Николаевне Ланской. Письмо его чрезвычайно колоритно, и мы приводим его целиком ¹:

¹ Письмо написано по-французски.

„В качестве помещика, живущего в деревне, собираюсь надоесть Вам сегодня рассказами о всем том, что касается нашего имения. Не дам вам пощады своими наблюдениями и объяснениями.

Начну с того, что беру обратно свое предосудительное мнение относительно Пеньковского. Все его дела по управлению имением в Болдине в порядке; правда, что от прошлогоднего урожая мне не досталось ни одного зерна, а от доходов ни одной копейки—но это потому, что на одном Болдине лежит вся тяжесть выплаты долгов по Ломбарду и других, оставшихся после моего отца.

В Львове же я нашел хлеб в избытке, и хотя оно втрое меньше Болдина, его урожай вдвое превышает урожай в Болдине. Это зависит от почвы, которая там гораздо меньше истощена.

Лес, который находится на наших смежных границах, ничем не напоминает девственные леса, встречающиеся еще в Америке; он скорее похож на вавилонскую проститутку, которую можно встретить везде; он ужасно поредел, потому что почти весь пошел на постройки в Львове, которые все в очень хорошем состоянии.

Что касается Кистенева, скажу Вам, что неаккуратность крестьян объясняется скорее нежеланием платить, нежели бедностью; оказывается, депутация, которая была у Вас, обещала им безнаказанность. Я полагаю, что в случае переселения некоторых из них в Михайловское, долг, который лежит на Кистеневке, может быть уплочен оставшимися. Нужно с большой предусмотрительностью выбрать тех, кого переселять, и тех, кого оставить. После этого Кистенево, по моему мнению, следует перевести на пашню. Между прочим, скажу Вам, что это также была мысль моего брата, которую я нашел в его письмах к Пеньковскому.

Я велел разделить скот по числу крестьян в Болдине и Львова, на этот раз они собрались и сговорились между собой; часть, выпавшая на долю львовских крестьян, была им немедленно отправлена, и я дал приказ нашим двум конторам послать Вам подробный отчет. Масло было подвергнуто той же операции и то, что выпало на долю Львова, было ему добросовестно отправлено.

Болдинские и львовские крестьяне имели все сообща — и деньги и долги; их полевые работы делались тоже по обоюдному соглашению; было необходимо разделить их. Во избежание всякого промедления и недобровольства я велел сделать это, пока находился в имении. Крестьяне обеих деревень решили дело между собой и все покончили полюбовно. Копия раздела будет препровождена и Вам и мне. Во Львова не было сарая для крестьян; в Болдине их было два; я великодушно велел отправить один из них в Львова. Что касается демаркационной линии между этими двумя деревнями, то, в надежде получить поскорее акт о разделе, я попросил Бобоедова присутствовать при разделе в качестве Вашего представителя, но, так как я не имел акта до сих пор и Бобоедова видел только потом в Лукоянове, я ему лично повторил мою просьбу. Со своей стороны я поручил это дело Пеньковскому. Как только акт будет утвержден и получен, то прошу Вас отправить его по адресу либо Бобоедова, либо Пеньковского.

Я хорошо ознакомился с тем, как Пеньковский управляет имением, и убедился в том, что невозможно было во время этих беспорядков лучше повести дела; я оставляю его в качестве управляющего и советую Вам сделать то же самое, по крайней мере на время колонизации Михайловского. Его 16-летний опыт был бы Вам крайне полезен. Что касается Бобоедова, он решительно

отказывается от управления вашим именем, так как у него много своего дела.

Как только все это будет налажено и закончено, у Вас будет три прекрасных имени, но, повторяю, надо быть очень внимательным в выборе крестьян, которых Вы переселите в Псков, и тех, которых оставите в Нижнем. Не надо трогать богатых, но, прибавив им земли, оставшейся после выселенных, и переведя их на пашню, можно быть уверенным в том, что Кистенево даст такой же доход, как и в прошлом, настолько хороша там почва.

Ваши михайловские колонисты дадут Вам доход, на который Вы не могли рассчитывать. По тщательно составленным счетам Вы увидите, что за прошлый год мне следует 5.001 р. 75 коп. асс. Как я уже сказал выше, Болдино одно после смерти моего отца покрывало все расходы. Вот почему я оттуда не получил ни копейки и в кармане не имею ни гроша, и я, как говорит пословица, очутился между двумя стульями. Прошу Вас употребить эти пять тысяч на покрытие моих долгов или, чтобы не запутывать еще больше наших расчетов, прислать их мне через Пеньковского.

Вот Вам целая эпопея, дорогая Наталия Николаевна, сделайте с ней, что Вы найдете нужным; я же считал своим долгом сказать Вам все эти подробности. Пишите Бобоедову, он не может управлять Вашим именем, но, так как он очень интересуется вашими делами, Вы всегда можете их поручить ему. Он производит впечатление хорошего и верного человека.

Прощайте, я сейчас уезжаю в Одессу и прошу Бога хранить Вас. Поделуйте Ваших детей, выдайте наконец замуж Марию и сохраните мне Вашу дружбу.

Москва, 10 ноября 1849.

Я не имею времени перечитать мое письмо, если Вы найдете пробелы, догадывайтесь по смыслу“.

Итак, у Льва Сергеевича был план улучшения крестьянского быта. Переселить часть крестьян в Михайловское и таким образом увеличить земельный надел для оставшихся. Дело, конечно, не в умножении крестьянских прибытков, а в увеличении помещичьих доходов. К кистеневской теме он возвратился в следующем письме своем к Наталье Николаевне. Оно блещет теми же достоинствами¹:

„Еще раз собираюсь говорить с Вами о делах. Это очень скучно, но необходимо. Не успел я ответить Г-ну Ланскому, как получил Ваше письмо. Вот на какие мысли оно меня навело. Положение крестьян в Кистеневке далеко не такое отчаянное, как Вам кажется. Есть среди них бедные, но гораздо больше богатых. К несчастью, некоторые из них воображают, что благодаря беспорядкам, царящим в делах и в управлении, они могут отказаться от платежа оброка. Под их влиянием те крестьяне, которые были в состоянии заплатить прошлогодние долги, в свою очередь отказались от платежа. Они жили надеждой на бесконечную отсрочку, и теперь, когда их надежды оправдались, нет никакой причины, которая заставила бы их заплатить оброк в этом году. К тому же до них дошли слухи, что Пеньковский остается лишь потому, что Бобоедов не в состоянии наблюдать за управлением имения.

Просматривая отчеты мирской суммы, я увидел, что болдинские и львовские крестьяне постоянно занимают деньги у кистеневских крестьян для уплаты подушного налога и доходы с этих двух деревень поступали исправнее. Вот что я имел в виду, когда советовал Вам перевести Кистеневку на пашню.

Последствия пришедшей к Вам из Кистеневки депутации оказались плачевными. Крестьяне там совсем

¹ Также написано по-французски.

больше не слушают управляющего, грозят ему, бьют у него окна и все из-за того, что они рассчитывают не только на безнаказанность и на Ваше покровительство. Редкий крестьянин не жалуется. Болдинские вели себя так же и дважды собирались совершить путешествие в Одессу. Они говорили мне, что они разорены. После тщательного обследования их положения в течение последних лет, я велел собрать крестьян и доказал им, что они сейчас в четыре раза богаче, чем в прошлом. Они сознались мне в том, что их жалоба не имела под собой никакой почвы, и, что еще лучше, они от всей души смеялись вместе со мной.

Считаю своим долгом предложить Вам проделать один опыт, который один, по-моему, может положить конец беспорядкам в Кистеневе. Прикажите выбрать среди крестьян самых бедных, а также и самых упрямых, хотя бы в самом ограниченном количестве, и переселите их в Псков. Сдайте освободившуюся после них землю или обрабатывайте ее для себя при помощи наемных рабочих. Это не повлечет за собой больших расходов, но докажет крестьянам, что Вы не только не хотите отказаться от доходов с Кистеневки, но что Вы хотите получить их во что бы то ни стало. Вы убедитесь одновременно в преимуществе этого частичного переселения и в выгоде, которую Вам даст эта земля, освободившаяся от бездельников. Я знаю, что кистеневские крестьяне вовсе не желают переселяться в другие места: эта мера заставит их своевременно выплачивать оброк.

Подумайте о всем том, что я Вам сейчас изложил, я делаю это в интересах Ваших детей, которых между прочим обнимаю от всего сердца. Что касается наших личных счетов, мы успеем поговорить о них позже и, конечно, мирно.

Прощайте, дорогая Наталия Николаевна. Не сердитесь на меня за все то беспокойство, которое я Вам причиняю. Я много думаю о наших делах и не могу не говорить о них с Вами.

Мой почтительный привет г-ну Ланскому и дружеский Вашей сестре.

Одесса 1849, 19 декабря“.

Паразит договорился до настоящих слов и обозвал кистеневских мужиков бездельниками. Приятели, друзья и родные всегда считали Льва Сергеевича бездельником и притом классическим. Оценивая понятие безделья с классовой точки зрения, приходится признать, что крестьянское безделье и безделье дворянское — понятия несовместимые.

V

Пока что опека приказала Пеньковскому все взыскиваемые им с кистеневских крестьян деньги обращать в оброк текущего года и только по выполнении его приступить к погашению недоимок. На зиму 1849—50 года Пеньковский приискал кистеневским крестьянам работу — тканье кулей. Сообщая об этом опеке, управляющий писал: „Все селение будет занято до 1-го марта и далее. Этой довольно выгодной работой крестьяне наверно подвинутся платежами недоимки запущенного оброка“. Действительно, незначительная часть недоимки была погашена крестьянскими заработками.

Пеньковский предложил изменить налоговую систему. Существующая была такова. Все Кистенево делилось на 208 платежных единиц или тягол; каждое тягло должно было платить по 57 рублей в четыре приема, но Пеньковский брал и отсылал С. Л. Пушкину только 51 рубль, а 6 рублей с тягла поступали в мирские расходы, главным образом, для пополнения оброка за невнесших его. Теперь Пеньковский предлагал следующее: разбить Ки-

стенево на 200 тягол и с каждого тягла в четыре же приема брать по 52 руб. 50 коп. в год (на серебро 15 рублей). Впрочем, Пеньковский считал, что не мешало бы уменьшить оброк и против поставленной суммы. Но, уменьшая оброк, Пеньковский возлагал на крестьян повинность: каждое тягло должно было вывезти по возу господского хлеба на продажу в Лысково. Эта повинность увеличивала оброк на 3 руб. 50 коп. — так оценивал (по дешевой цене) доставку воза Пеньковский. После этой реформы положение кистеневских крестьян было бы таково: в каждом поле под свой засев на тягло досталось бы по $1\frac{1}{4}$ десятины сороковой меры (по казенной тридцатой мере по $1\frac{1}{2}$ десятины). Нельзя сказать, что реформа Пеньковского в какой-либо мере охраняла крестьян. Но опека предложила 28 февраля 1850 г. Пеньковскому воздержаться от приведения в исполнение этого предложения до приезда человека, который примет имение. 19 марта Пеньковский вносил поправки в свой проект: „Еще несколько слов о кистеневских крестьянах, которые Вас повидимому беспокоят. Истинно доложу Вашим Превосход., что причина их неисправности третьягодний бедственный неурожай, к несчастью же общему и в прошедшее лето у них весьма мало уродилось, впрочем один год урожайный и строгая над ними власть, они опять будут плательщиками, как и были прежде. А для избежания подобных неурожав необходимо им под свои засева прибавить земли, чтобы мог оставаться хлеб от урожайного года. Из 524 душ, если часть не продать на вывоз, или не отпустить на волю только за те деньги как они заложены в Опекун. Совете, то по крайней мере перевести из Кистенева в деревне Львово хотя 50 душ на пашню, и вместо 80 сделать во Львове господ. запашки 100 десятин, оно бы и кстати, по душам во Львове оклад тягол тяжел, тогда бы сделались тяглы простор-

ней, а для 50 душ переселенных достало бы львовской земли. Подобным устройством без издержек и больших хлопот усилилась бы деревня Львово, и Кистеневы — что более, а уж не менее 20 тыс. год. дохода ~~имение~~ должно давать“.

Человеком, который взял бразды правления Кистеневым, оказался конторщик вотчины Никита Михайлович Сквородов, крепостной человек господ Пушкиных. Он вступил в управление в апреле месяце и объявил новое положение: 50 рублей оброку и по возу на тягло доставить на пристань Лысково. Как будто и меньше против предложения Пеньковского, но тот считал на 200 тягол, а Ланские устроили 210 тягол. Кистеневцы остались, понятно, недовольны. Господа Ланские услышали новый вопль всеподданнейших рабов:

„Ваше Превосходительство. Милостивейшие Государи!

Петр Петрович и Наталья Николаевна

В новь определенный вами управляющий никита Михайлович сквородов по приезде своем, унас в кистеневской Канторе присобрании все народной Мирской сходки объявил нам данную вами ему доверенность стем вместе инструкцию и намя наше Приказ.¹ в котором объясняете Ваше на нас положение аимянно накаждое положенное тягло годовой Повинности аброку по 50 руб. ассигн. исверх Онаго в помощь Львовским Крестьянам от правлять, налысковскую пристань по одному Возу хлеба

Но как пришедши Мы теперь потрех Летнему неурожаю хлеба вбольшое изнурение и упадок, в таком Случае положение ваше нас итеперь необлегчит.

Несмеем у вашего Превосходительства навсегда много просить; но теперь вынужденными нашлись в предь доблагоприятных обстоятельств на первую сего 1850 года половину две части аброков, благоволите определить

¹ См. в приложениях.

Збором в место 12-е 50-ко ровно по 10 рублей. О чем
Заочно все народно падаем пред стопами ног ваших
и слезно просим все милостивейшего вашего К нам
снисхождения.

О чем из являем навсегда искреннейшую рабскую
нашу Готовность к исполнению, в возложенной на нас
повинности с должным повиновением вами избранным
властям.

Присем пожелав Вашим превосходительству благоден-
ственного Здравия

Засим честь имеем пребыть с рабскою все поддан-
нейшею нашею преданностию

ВАШЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА!

Милостивейших Государей

Все подданнейшии рабы ваши
Сельца Кистенева бурмистр и все
крестьяне.

В место бурмистра икрестьян всех неграмотных по
личному их приказу.

Канторщик Матвей алексеев батраков руку приложил.

8. Апреля 1850 года Кистенево“.

Вопль был поддержан и новым управляющим. Он об-
стоятельно доказывал необходимость пойти навстречу
крестьянам, но господа Ланские оказались крепкими по-
мещиками. Они опять облыжно сослались на формальный
момент. Сквородов получил ответ (29 апреля 1850 года,
№ 6): „На письмо твое от 8 сего Апреля Опека уведом-
ляет, что просьба Кистеневских крестьян о уменьшении
с крестьян по 5 р. ассигнациями оброка за первую поло-
вину сего 1850 года в теперешнее время исполнена быть
не может, потому что раздел между наследниками Сергея
Львовича еще не кончился, и Опека может за это сама
отвечать; а потому объяви крестьянам, которые просили

Опеку об этом деле, что при всем желании сделать облегчение им Опека не имеет на то никакого права“¹.

Вопль кистеневских мужиков не был услышан, но недоимки, собравшейся на них в первый год по смерти Сергея Львовича, господа так и не взыскали.

Вспоминаются строки из „Истории села Горюхина“ — „Грозны предписания следовали одно за другим. Староста читал их на вече; старшины витийствовали, мир волновался, а господа, вместо двойного оброку, получали лукавые отговорки и смиренные жалобы, писанные на засаленной бумаге и запечатанные грошем“.

¹ В архиве опеки сохранились любопытные документы, относящиеся к рассказанной нами истории изнурения кистеневских мужиков. Особенного внимания заслуживает составленный Сквородовым „проект благоустройства кистеневских крестьян“—детально разработанный план переселения в Михайловское. Переселение не состоялось, очевидно, по соображениям экономии: стоило это очень дорого. Стоит подчеркнуть, что план переселения обсуждался всего-навсего за десять лет до освобождения крестьян.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. НЕИЗДАННЫЕ АВТОГРАФЫ ПУШКИНА
2. ПУШКИНСКИЕ ДОКУМЕНТЫ
3. ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ПОМЕЩИЧЬЕГО
БЫТА ПУШКИНА
4. ДОКУМЕНТЫ О КИСТЕНЕВСКИХ КРЕСТЬЯНАХ

При воспроизведении в настоящем издании документов правописание подлинников можно было соблюсти только в пределах современной орфографии; твердые знаки и яти не могли быть сохранены.

Для установления точной транскрипции пушкинских автографов достаточно обратиться к воспроизводимым в тексте и в отдельном приложении факсимиле.

1. НЕИЗДААННЫЕ АВТОГРАФЫ ПУШКИНА

1—5. Бухгалтерские записи Пушкина. 4. Опись сельца***. 5. Счет каретника с отметками Пушкина.

1—3. БУХГАЛТЕРСКИЕ ЗАПИСИ ПУШКИНА ¹

1. Щеты по части управления Болдина и Кистенева 1834.

Лист 2.

1834 года.

Апреля

6 за дом заплачено	666 р.
9 деньгами	200 р.
Старого долгу осталось	550 р.
<hr/>	
разходу всего	1.416 р.

За брата Льва Сергеевича

апреля 29-го за квартиру	1.330 р.
в ресторацию	260 р.
<hr/>	
разходу вс.	1.590 р.

¹ Описание первого автографа тетради „щетов“ (в собрании Пушкинского Дома) см. в тексте, стр. 126. Факсимиле между стр. 120 и 121 Второй и третий автографы извлечены из собрания Государственной Публичной Библиотеки (из бумаг Н. И. Тарасенкова-Отрешкова). Срв. Н. О. Лернер, Труды и дни Пушкина, изд. 2-е, СПб. 1910, стр. 326. Автографы занимают каждый по полулисту почтовой бумаги большого формата Ср. факсимиле.

Лист 2 об

М а й

24-го деньг. матушке:	100 р.
30-го	200 р.
<hr/>	
разходу всего	300 р.

И ю н ь

4-го деньг.	50 р.
6-го каретнику	678 р.
8-го деньгами	150 р.
9-го деньг.	350 р.
<hr/>	
всего разх.	1.228 р.
Получено из Болдина	400 р.
Всего расхода от 6-го апреля по 9 июня (кроме долгу)	3.924 р.
старого долгу	550 р.
<hr/>	
всего	4.474 р.
Прихода	400 р.

Лист 3.

И ю н ь

9-го	50 р.
----------------	-------

И ю л ь

3-го портному	50 р.
[4-е каретнику]	—
6-го получено оброку	30 р.
20 июля заложено 74 души за 13.260 р. (60 задерж. в ломб.).	
Тож числа	
За Льва Серг. заплачено Дюме	220 р.
Выдано ему ж	280 р.
23 в Варшаву, за Л. С.	837 р.
31 Льву Серг.	950 р.

А в г у с т

14 авг. за перевоз мебели	35 р.
16 авг. в деревню	500 р.
„ „ за дождь	166 р.
Приходу 13.230 руб.	
разходу 3.088 руб. да забранные	
вперед 4.070 руб.	
<hr/>	
7.158 руб.	

Лист 3 об

Итого из всей суммы остается 6.042 рубля.

Сентябрь

1-го в Совет	350 р.
Щет портного за Льва Серг.	391 р.

Октябрь

22 в деревню	500 р.
------------------------	--------

Ноябрь

1-го за 4 месяца людям	168 р.
18-го послано в дерев.	350 р.
21-ое от Ив. Кувшина получено	30 р.

Декабрь

4-го людям дано	40 р.
21-го дек.	150 р.

Лист 4.

28 дек. за дом	800 р.
„ „ за Л. С. Беклемишеву	1.500 р.

В конце декабря из доходов Болдина, заплачено . .	1.270 р.
в С. П. Б. Опекунский Совет (просроченных процентов)	
в течении лета заплачено	300 р.

Лист 5.

1835 года.

Лист 5 об

Приход

11.114 рублей в феврале заплачены в Опекунский Совет (просроченные проценты)

Лист 6.

Разход

3-го Янв. дано	15 р.
4-го „ „	150 р.
11-го „ „	500 р.
26-го „ „	100 р.
	<hr/>
	765 р.

Февраль

15-го дано	100 р.
15-го от Ан. Ник. взято	20 р.
16-го за дом	300 р.
22-го дано	75 р.
	<hr/>
	495 р.

Марта

1-го дано	200 р.
4-го за дом	300 р.
17-го дано	100 р.
31-го „	100 р.
	<hr/>
	700 р.

Лист 6 об

Приход

Лист 7.

Разход

Апрель

6-го дано	200 р.
17-го дано	100 р.
	<hr/>
	300 р.

Май

3-го дано	200 р.
17-го дано	150 р.
	150 р.
	<hr/>
	500 р.

Июнь

14-го	25 р.
17-го	375 р.
20-го портному	175 р.
	<hr/>
	575 р.

2.
Лист 1

Приход		Разход	
июля 8-го из Болдина .	400	апреля 6-го за дом	666
— 6-го оброку	30	— 9-го дано	200
— 2-го за залож. 74		мая 24-го „	100
душ за вычетом долгу	13.200	— 30-го „	200
октября 4-го оброку	200	июня 4-го „	50
ноября 21-го оброку	30	— 6-го каретнику	678
	<hr/>	— 8-го дано	150
	13.860	— 9-го „	350
		того же „	50
		июля 3-го портному.	50
		августа 14-го за перевозку	
		меб.	35
		— 16-го в дер. посл.	500
		— — за дом.	166
		октября 22-го в дер.	500
		ноября 1-го людям за чет.	
		мес.	168
		— 18-го в дер.	350
	5.377	декабр. 4-го людям	40
		— 21-го дано	150
			<hr/>
			4.403
		за брата Л. С.	800
		апреля 29-го за квар. Энг.	1.330
		— — в Энг.	260
		июля 20-го Дюме	220
		— — дано	280
		— — в Варшаву	837
	5.377	дано в дорогу	950
			<hr/>
			3.877

Лист. 1 об

За Л. С.	3.877	391	
Сент. 1-го			
портному	391	16.268	
Дек. 2-го куплен вексель в 10.000 за . . .		1.230	
		<u>15 030</u>	15.030
	<u>1.500</u>		1 230
	8.268		
Всего разходу	12.271	15.030	13.800
Старого долгу	550	3.877	1.570
		<u>1.391</u>	1.114
		500	
		<u>5.768</u>	2.684

Вперед взято мною из доходов 3.000 мои

На бр. Льва вышло 6.768—этими деньгами получил он 1.500 рубл.
ассиг. и заплачено 12.768 долгу

			12.28
		4.000	5.835
	<u>6.768</u>	950	18.123
		280	2.500
Бекл.	500	3	1.230
Пр. Ал.	2.000	<u>6</u>	20.623
дано	765	7	4.403
„	495	<u>5.835</u>	5.835
„	700		550
„	800	20.623	1.500
„	575	6	<u>12.238</u>
		<u>14.623</u>	
	<u>5.835</u>		

См. воспроизведение на следующей странице.

Прислано

10000 8го изъ Финансовъ - 400
 — 6го изъ депъ 30
 — 2го за доставъ 1/4 дна 13,200
 за доставъ 5го 200
 озаказъ 4го изъ депъ 30
 Контрп 21го изъ депъ

15,860

Прислано 2

апрель 2го изъ депъ 166
 — 7го изъ депъ 200
 — 14го изъ депъ 100
 — 30го изъ депъ 200
 июль 4го изъ депъ 50
 — 6го изъ депъ 678
 — 8го изъ депъ 150
 — 9го изъ депъ 50
 — 10го изъ депъ 50
 августъ 14го изъ депъ 35
 — 16го изъ депъ 500
 — 30го изъ депъ 166
 октябрь 22го изъ депъ 500
 ноябрь 1го изъ депъ 168
 — 18го изъ депъ 550
 декабрь 4го изъ депъ 40
 вк. 21го изъ депъ 150

4,403

5 377

~~2000~~
1

30 января 18

апрель 29го изъ депъ 1,550
 — 30го изъ депъ 280
 — 20го изъ депъ 220
 — — изъ депъ 280
 — — изъ депъ 837
 — — изъ депъ 950

5 377

Dad's C
 Package 3,877
 Cong. 122
 Programing — — 391
 Doc. 2 = 24,000 placed
 to 10,000 go 12,000
 6,168
 1500
 8,268

know palady 12,271
 impou jony 550
~~2,168~~
~~10,800~~

Budget left amount not go
 days 3,000 not

The top. Mr. ... 12,768 — I put ...
 amount over 1500 paid ... in ... 12,768
 jony — 4,000

6768
 Doc. 500
 2,000
 765
 475
 100
 800
 525
 583

$\frac{3}{6}$
 950
 280
 12,96
 20,623
 1,7025

~~3,877~~
 991
 15,168
 1230
 15000
~~2,244~~
 15,500
 15,30
 1290
 208,51
 15,802

3877 1570
 1391 1114
 500
 5768 2,684

4,000

12,288
 5,435
 18,123
 2,500
 20,623
 4403
 5805
~~2,684~~
 500
 550
 1,900
 12,288

21 дек. дано деньг.	150
28 дек. за дом	800
” ” за Л. С. Бекле-	
м..ш.	1.500
	<hr/>
	2.450

Январь

1835

3 янв.	15
4 ”	150
11 ”	500
26 ”	100
15 ”	100
15 ” взято от Ан. Ник. В.	20
16 февр. за дом	300
22 ” дано	75
1 марта дано	200
4 ” за дом	300
17 дано	100
31 ”	100
апр. 6 дано	200
” 17 ”	100
мая 3 ”	200
” 17 ”	150
” 17 ”	150
июня 14 ”	25
<hr/>	
17 июня	375
20 июня портн.	175

См. воспроизведение на следующей странице

Прислужь

8го июля из Бондува 400
 6го июля отсюда 30
 20го за проезд от Бондува до
 Киндерс (уезд) 13,26
 4го мая отсюда 100

13,890

всего за проезд
 1,219 руб.
 в проездном билете
 1,870 —
 всего 3,089 руб.
 5,709 — — — Акцизы
 1,159 — — — Акцизы
 4,930 — — — Акцизы

12.4.50
 1500
 350
 150
 800
 2800
 2800
 1300

Расходь

6го августа за проезд 666
 9го июля 200
 29го — за проезд от Бондува
 до Киндерса — — — 1,330
 за проезд от Киндерса
 до Бондува 260
 24го мая за проезд 100
 30го — — — — — 200
 6го — 4го июля 50
 6го — карману 678
 8го — — — — — 150
 9го — — — — — 350
 май — — — — — 50
 3го июля карману 50
 20го — — — — — 220
 — — — — — 280
 — — — — — 837
 — — — — — 950
 14го августа за проезд из
 Бондува 35
 16го — — — — — 500
 — — — — — 166
 1го мая проездом за Бондува 591
 21 августа за проезд 500
 1го ноября проездом 168

8,151

всего за проезд
 350 р

21 de june 1811	1811
28 de june	800
<u>30 de june</u>	<u>1,500</u>
<u>Leve 1835</u>	<u>4,450</u>
3 ind.	15
4 —	150
11 —	500
26 —	100
15 step —	100
— — Exp n de Kerk	20
16 june —	300
22 june —	75
<u>1 de june</u>	<u>200</u>
<u>4 de june</u>	<u>300</u>
17 june —	100
31 —	100
<u>6 june</u>	<u>200</u>
17 —	100
<u>17 —</u>	<u>200</u>
17 —	150
+ —	150
<u>17 —</u>	<u>25</u>
17 —	375
20 june —	<u>175</u>

4. ОПИСЬ СЕЛЬЦА ***1.

Лист 1

В сельце * * * с деревнями в коих рев. душ 227—Земли в единственном имени владении состоит

Пахотной—1230 дес. 577 саж.

Сенокосу 46 дес.

Лесу дровянова и между оным покосу 826 дес.

По болоту лесу дровянова 8 десят.

Под дорогами и реками 21 десятина на 1.200 саж.

Под ~~улицами~~ ^{дворами} и под скотными дворами 34 дес.

Всего земли 2.170 дес. 1.750 саж.

В сем имени тяга на хлебопашестве 120

Ежегоднаго посева ржи	100 четв.
Овса	160 четв.
Жита	24 четв.

Лист 1 об

Пшеницы	4 четв.
Семя льнянаго	2 ч.

Гороху—1

Гречи—10

Промышленности особой крестьяне не имеют

¹ Четвертка пясчего белого листа с оторванным углом. Водяной знак — половина круга. Воспроизведение в тексте—на стр. 65—66.

5. СЧЕТ КАРЕТНИКА¹.

Ваше Превосходительство

Нужно укареты Поправить упередния оси дерево ново цена .	20 р.
Нужно на колесах шины перетенуть и весь станок перекре- пить ипередния лесоры починить и за ету работу закуз- нешнюю изалесорною стоит цены	100 р.
и зашорныя ремни выходит четыре паза и два помощныя и по лесорам разъвязныя Все мелкие ремни новыя цена	100 р.
и всю выкрасить карету заново за краску стоит . цены .	100 р.
и за переправку бронъзы цена	15 р.
назади лакейские кисти новыя	15 р.
назади лакейскую подушку починить	5 р.
на козлах чехол вымазать икорман вымазать и поправить	60 р.
Еще за починку фонарей	5 р.
Итого денех	370 р.
	308 р. ²
Итого	678 р.
Запл. из них	300 р.
остается	378 р.

Обязуюсь заплатить 2-го июля

А. Пушкин.

Заплачено двести двадцать пять

3 июля.

1 августа заплачены остальные

А. Пушкин.

¹ Воспроизведен в тексте, стр. 133.

² Начиная с этой цифры до конца—все рукою Пушкина.

2. ПУШКИНСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

1. Владенная запись А. С. Пушкина.
 2. Доверенность С. А. Пушкина И. М. Пеньковскому.
 3. Две квитанции об уплате долга по имению.
 4. Доверенность А. С. Пушкину.
 5. Счета на постановку памятника на могиле Пушкина.
 6. Записка О. С. Павлицевой.
-

1. ВЛАДЕННАЯ ЗАПИСЬ А. С. ПУШКИНА

*Подлинный текст записи неизвестен. Даем его по копии, за-
веренной в Сергачском уездном суде и извлеченной из дела этого
суда 1830 г. № 561 по прошению А. С. Пушкина о вводе во вла-
дение. (Ныне в Пушкинском Доме № 553, III б.) См. в тексте стр. 74.*

Лета тысяща восемь сот тридцатого июня в двадцать седьмый день чиновник пятого класса икавалер Сергей Львов сын Пушкин учинил сию отдельную запись, идал оную родному сыну моему дворянину коллежскому секретарю Александру Сергееву сыну Пушкину в том что изЪсобственнаго своего недвижимаго имения доставшигося мне понаследству после покойнаго роднаго брата моего подполковника Петра Львовича Пушкина в тысяча восемь сот двадцать пятом году, состоящаго Нижегородской губернии Сергачьскаго уезда в сельце Кистеневе, всего писанных в оном по седьмой ревизии за ним братом моим мужеска пола четырех сот семидесяти четырех душ, зазалогом из них в Санкт-Петербургском опекунском совете по двум займам: первому тысяча восемь сот двадцать седьмаго года февраля третьяго сто душ, второму тысяча восемь сот двадцать восьмаго года Июля десятаго сто душ итого двух сот душ из достальных свободных от залага онаго опекунскаго совета двухсот семидесяти четырех душ отделил ему сыну моему вЪвечное ипотомствениное владение двести душ мужеска пола с женами их ирожденными от них детьми, после ревизии обоего пола и совсеми их семействами с принадлежащею на числе оных двух сот душ в упомянутом селе пашенною ине пашенною землею с лесы с оными покосы, с их крестьянским строением, изаведениями, с хлебом наличным ив земле посеянным соскотом пятицы ипрочими угоды ипринадлежностями что оным душам следует ивовладении их состояло; стем что он сын мой до смерти моей волен стого имения получать доходы иупотреблять их в свою пользу также изаложить Его в казен-

ное место или партикулярным лицам, продать же Его или иным образом перевести встороннее владение, то сие при жизни моей ему воспрещаю; после же смерти моей волен он то имение продать, подарить вдругия крепости за кого либо другаго укрепить, притом засим отделом предоставляю Ему сыну моему Александру право после смерти моей изоставшагося помне прочаго движимаго недвижимаго имения требовать следующей Ему узаконенной части, на предъ же сей записи означенное отдельное Ему сыну моему поной имение, никому от меня не продано, ни у кого нис чем неукреплено и низачто неотписано ценуж тому имению по совести объявляю государственными ассигнациями восемьдесят тысяч рублей у подлинной отдельной записи руки приложение тако: к сей отдельной записи чиновник 5-го класса икавалер Сергей Львов сын Пушкин в том что я оную повсей вышеписанной силе учинил руку приложил; у подлинной записи свидетели были ируки приложили свиты Его Императорскаго величества генерал маиор Александр Павлов сын Мансуров коллежский советник икавалер Петр Андреев сын Вяземский чиновник 5-го класса икавалер Аристорф Аристорф сын Герман чиновник 7-го класса Петр Францов сын Мольнер чиновник 7-го класса Иван Иванов сын Егоров икавалер Петр Федоров сын волнер Андрей Матвеев сын Усольцов подлинную запись Санкт-Петербургской палаты гражданского суда 2-го департамента писал прописных дел писец титулярный советник Дмитрий Суботин поопределению онаго департамента, совершить по указам секретарь Митусевич 1830 ггода Июня в 27-де сия отдельная запись С.-Петербургской палаты гражданского суда в 2-м департаменте писана ивкниги записана, за записку десять рублей заприпечатание десять рублей пять копеек загербовую бумагу 6 принято совершил надсмотрщик Яновский — отдельная запись писана нагербовом листе двухсот рублевой цены—с подлинною отдельною записью поверил повытчик Федор Драгобуже^екий.

2. ДОВЕРЕННОСТЬ С. Л. ПУШКИНА И. М. ПЕНЬКОВСКОМУ

Доверенность эта, подтвержденная А. С. Пушкиным, извлечена из дел опеки

Милостивый Государь мой
Иосиф Матвеевич!

Имею в Нижегородской губернии, в Лукояновском уезде в селе Болдине, Сергиевском тожь по последней ревизии 563 души, и в Сергачьском уезде в Сельце Тимашеве, Кистеневе тожь—470 душ, за исключением от онаго сельца Тимашева 200 душ, предоставлен-

ных мною по данной, владение сыну моему Титулярному Советнику Александру Сергеевичу Пушкину; затем по случаю пребывания моего в Санкт Петербурге прошу вас, означенное мое имение, принять в полное ваше распоряжение и хозяйственное управление, и буде случится по означенному моему имению дела, то по оным иметь хождение, следующие прошения, объявления, и всякаго рода бумаги от имени моего за вашим вместо моего рукоприкладством, во все Присутственные Места и лицам подавать; по тем делам выписки, Экстракты, и решения выслушивать, удовольствия или неудовольствия подписывать, на апелляции в высшие места с взносом апелляционных денег подавать; крестьян от всяких обид защищать, и для работ или промыслов их отпускать по разсуждению вашему с законными видами также и имеющих при Селе Болдине и Сельце Кистиневе, Тимашеве тожь дворовых людей отпускать по паспортам, полагая на них оброк по вашему же разсмотрению, и буде окажутся неисправности и дурнаго поведения меня уведомить. Из крестьян или дворовых людей, кто либо окажется ослушным или уличенным в преступлении, таковых без пристрастия предавать суду и меня извещать. Притом наблюдать, чтобы казенныя повинности и подати в свое время уплачиваемы были сполна, с оброчных крестьян положенной мною оброк в назначенные мною сроки, получать без недоимок, и ко мне высылать. От управляющаго в селе Болдине крепостного жены моей человека Михайлы Калашникова принять в свое ведомство по имеющемуся у него книгам и документам и буде имеются наличные из моих доходов деньги, то оныя тотчас от него приняв доставить ко мне, равно и от бывших земских бурмистров и старост, находящихся в живых собрав все сведения по их управлению. Бурмистра Кистиневского Никона Семенова при прежней должности оставить под непосредственным вашим надзором; словом прошу вас по этому имению действовать и распоряжаться так как бы я сам лично, собираемые с оного доходы доставлять ко мне, и что вы к пользе моей, и к выгоде имения моего учините, во всем вам верю и впредь спорить и прекословить не буду. Пребываю с истинным почитанием покорный ваш слуга Сергей Львов сын Пушкин. Пятаго класса и кавалер.

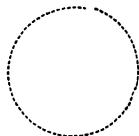
Сентября дня 1833-го года.

Сия доверенность принадлежит белорусскому дворянину Иосифу Матвеевичу Пеньковскому, а что по подчищенному подписано оно верно. Сергей Пушкин.

По указу Его Императорскаго Величества Псковской губернии в Новоржевском уездном суде, сие верующее письмо чиновник 5-го Класа и кавалер Сергей Львов сын Пушкин лично предъявля объявил,

что оное принадлежит белорусскому дворянину Иосифу Матвееву Пеньковскому, и подписано действительно самим им г. Пушкиным. В чем сей Уездный Суд занадлежащим подписанием исприложением казенной печати свидетельствует Сентября «25» дня 1833-го года.— А что в сей надписи почищенному написано Письмо то верно.

Уездный Судья Полозов.
У сего Новоржевскаго
Уезднаго Суда
Печать

Канцелярский 3-го разряда служитель Владимир Ползиков.

3. ДВЕ КВИТАНЦИИ ОБ УПЛАТЕ ДОЛГА ПО ИМЕНИЮ

Первая квитанция—из дел опеки, вторая—из дел Сергачского земского суда, ныне в Пушкинском Доме.

1835 года Марта 29 дня, в Московском Опекуном Совете принято по обязательству, данному на 37 лет от 10-го класса Александра Сергеевича Пушкина 1831 года Февраля 5 дня, в 40000 руб. — , за уплатою — руб. — коп. в остальные — руб. — коп., ныне еще в уплату

				Рубли	коп.
капитал по . . .	1832	33	1834	895.	—
процент. по . . .	1832	33	1834	5939.	—
просрочки				366	—
и того ассигнациями				7200.	—

Ассигнациями: семь тысяч двести рублей.

Сергачьскаго Директор (подпись)
Земскаго Суда Экспедитор (подпись)
Бухгал. Помощник (подпись)
Казначей Помощник Войцеховский.

Квитанция

1835 года Марта 19 дня в Сергачьском Земском Суде от Управляющаго вотчины 10 класса Александра Сергеевича Пушкина Пеньковскаго в платеж долга по обязательству его данному 1831 года февраля 5 числа в 40000 за прошедшее время капитальные и процентные кроме просрочки деньги Ассигнациями семь тысяч двести рублей с пересылочными получено

Сельский заседатель Евдокимов
Секретарь (подпись)
Повытчик (подпись)

4. ДОВЕРЕННОСТЬ А. С. ПУШКИНУ

Из бумаг опеки

Любезный брат

Александр Сергеевич!

После смерти матери нашей Статской Советницы Надежды Осиповны Пушкиной осталось Псковской губернии в Опочинском Уезде принадлежащее ей родовое имение сельцо Михайловское, которое должно быть разделено между нами и родною сестрою нашею Коллежской Советницей Павлищевой. Не имея возможности ехать из Грузии в Псковскую губернию для раздела сказанного имения, я прошу Вас, любезный брат, при оном разделе подавать вместо меня, куда следовать будет, за Вашим подписом прошения, составить и подписать раздельный акт, принять имение в полное Ваше распоряжение и если заблагоразсудите заложить или продать оное. В следствии сего уполномочиваю вас выдавать на то имение купчия крепости, вкладныя и дарственные Записи и везде вместо меня разписываться; словом: во всем до упомянутого имения касающемся действовать точно так как бы сам действовал, в чем я Вам или кому от Вас поверено будет, верю в том, что Вы učinите спорить и преклословить не буду.

С душевной преданностью остаюсь Вас любящий брат Лев Сергеев сын Пушкин
отставной капитан и кавалер.

Г. Тифлис Июля 2 дня 1836 года.

Сия доверенность принадлежит Двора Его Императорскаго Величества Камер-Юнкеру Александру Сергеевичу Пушкину.

1836-го года Июля 2-го дня сию доверенность в Тифлиском уездном Суде отставной капитан и кавалер Лев Сергеев сын Пушкин к свидетельству лично явив скаскою показал, что оная действительно от него брату Его Двора Его Императорскаго Величества Камер-Юнкеру Александру Сергеевичу Пушкину дана, и собственною его рукою подписана, почему оная в книгу подлинников под № 553-м записана, в чем Суд сей подписом присутствующих и приложением печати свидетельствует.—

Уездный Судья Коллежский Ассессор
Михаил Гринев.

Заседатель (подпись неразборчива).

Заседатель Князь Бебутов.

В должности Секретаря Шитковский.

**5. СЧЕТ НА ПОСТАНОВКУ ПАМЯТНИКА
НА МОГИЛЕ ПУШКИНА**

Из бумаг опеки, находящихся в моем распоряжении

С ч е т

По сооружению и отправке Псковской Губернии в Монастырь Святых Горы надгробного, покойному Александру Сергеевичу Г. Пушкину Мраморного памятника.

	Рубли ко.
С. Петербургскаго Монументнаго цеха мастеру Александру Пермагорову поусловию 1-го Марта 1840 г. заплачено за дело и укупорку в ящик памятника	2300. — Условие под № 1 ¹
Подрядчикам Гусеву и Семенову за доставку памятника в Монастырь Святых Горы	491. 50 Счет под № 2
Служителю Михайлу Калачникову выдано на расходы по постановлению того памятника на месте 75 руб., на содержание его Калачникова в пути на месте и при обратном проезде в Петербург (на два месяца) 60 р. на платеж за подводу при проезде обратно в Петербург 15 р., и того . .	150. — Расписка под № 3
<hr/>	
Итого	2941. 50
В то число получено из выделенных Наталье Николаевне Пушкиной 1-го Января 1840 г. денежных сумм, как значится в приложенном счете	1781 р. 60 к. Счет под № 4
Из таковых же сумм, назначенных ей Опекою 31 декабря 1840 г. из 12 650 р. 96-ть к.	1159 р. 90 к. Счет под № 5
	2941 р. 50 к.
31 Декабря 1840 г.	

¹ Счета под № № 1 и 5 не сохранились.

Счет

О деньгах, следующих от Опекы над именем и детьми покойнаго А. С. Пушкина по отправке надгробнаго ему памятника в Монастырь Святыя Горы.

	Вес пуды ф.	Цена	На сумму руб. ко.
5 Ящыков с 5 мраморными досками	190 15		
Две каменные плиты	80		
	270 15	по 45 ⁵ / ₇ к.	123. 60
За подводу с кибиткой для Служителя Калачникова	— —		13. 85 ⁵ / ₇
За перевозку ящыков от мастера и за весовое	— —		4. 40
Всего	— —		141. 85 ⁵ / ₇

(Составляет на Ассигнации 491 руб. 50 к.).

В счет сей суммы получено нами нижеподписавшимися на платеж извознику 296 р. 60 к. ассигнациями, а остальные 200 р. ассигнациями же предоставляем ему получить от служителя Калачникова по исправной доставке на место клад. С. Петербург 10-го Декабря 1840 года. Подписали: Подрядчик, за Сергея Гусева и Антона Семенова Алексей Осипов.

По сему расчету остальные деньги 200 р. ассигн. на платеже извозникам получил 10 декабря 1840 г. Михайло Калачников.

№ 3

1840 года Декабря 10 дня Получено мною из Опекы над детьми и именем покойнаго Александра Сергеевича Пушкина, на расходы по постановлению на месте могилы его памятника, на содержание мое в пути, на месте и при обратном проезде в С. Петербург и на платеж извозникам при проезде моем из Псковской Губернии в Петербург всего Сто пятьдесят рублей ассигнациями.

Подпись: Служитель Г-на Пушкина Михайло Калачников.

О деньгах употребленных на сооружение памятника, назначенных от Натальи Николаевны Г-жи Пушкиной.

	Рубли	ко.
Для сооружения надгробного памятника покойному А. С. Пушкину отчислено 1-го Января 1840 г. из принадлежащего Наталье Николаевне капитала 1768 р.		
В том числе:		
Билет Ком. Банка 23 Апреля 1838 г. за № 4380 в	1.000	—
Процентами на сию сумму по 1 Января 1840 г. за 1 год и 277 дней	69.	54
Наличными деньгами	699.	46
К тому приполнилось $\frac{0}{100}$ на 1000 р., полученных при вынужении из Банка капитала, с 1-го Января по 4 число Мая 1840 г. за 123 дня	13.	60
Всего	1.781.	60

6. ЗАМЕТКИ О. С. ПАВЛИЦЕВОЙ

Si mon frère Alexandre m'aurait laissé la jouissance des 200 paysans qu'il avait engagés c'était un arrangement qu'il avait fait avec mon père. Je l'avais ignoré—et jamais mon père n'a songé ni à me les reprendre ni à me les donner et qu'en me donnant la lettre de change il n'était pas une compensation mais uniquement il l'a fait à ma prière par l'intervention de mon oncle Sontzoff.—Sa fille Ольга Матвеевна peut l'attester—c'était en 1841 au mois d'avril—depuis je n'ai jamais manqué d'en toucher exactement les intérêts—5 pourcent—2000 assignats—depuis mon mariage jusqu'à l'année 1841, je n'avais eu fait de revenu que ce que mon père voulait bien m'envoyer et ce n'était pas une somme assignée—c'était tantot peu, tantot moins et jamais je ne lui ai demandé de quel bien je l'a (?) touchais mais depuis l'année 1830 le chiffre n'a jamais dépasse 1500 roubles.—Quant à avoir la jouissance des deux cents paysans de Кистенево après la mort de mon frère c'était, mon idée—j'en ai parlé à mon père—mais il me l'a refusé et comme je l'ai dit il a consenti par l'intervention de mon oncle à me donner la lettre de change si dessus mentionnée. Aurais-je désiré la jouissance d'un bien que je possédais, encore une fois je l'ignore.

Avant le mariage jamais rien.

la première année de mariage 1828

M. Ф. à 2000-rl. as.

la 2-r 1830 1000 mariage de d'A. P.

la 3-c 1830 500—

... в 1841 году в апреле дан заем в 1500 р. сер. и каждый год выдавалась сумма до 1849 г.

A. С. получал до женитьбы поровно со Львом Сергеевичем, т. е. смотря по средствам Сергея.

M-me P. n'a jamais joui d'aucun revenu des 200 paysans de Kistenewo.

Перевод:

Если мой брат Александр предоставил мне право получать доходы с заложённых им 200 крестьян, то это была сделка между ним и моим отцом. Я этого не знала, и никогда моему отцу не приходило в голову отнять у меня этот доход или же подарить мне этих крестьян. Вексель, который он мне выдал, он не считал компенсацией, но сделал он это исключительно по моей просьбе и благодаря вмешательству моего дяди. Его дочь Ольга Матвеевна может это подтвердить. Это было в 1841 г. в апреле месяце—с тех пор я всегда получала аккуратно проценты—5% 2000 р. асс. со времени моего замужества до 1841 г. Кроме того я имела только то, что отец мне высылал, и это была неопределенная сумма, иногда больше, иногда меньше; я и никогда не спрашивала его, с какого имения я ее получала, но с 1830 года цифра никогда не превышала 1500 рублей. Что же касается доходов, приносимых 200 кистеневскими крестьянами, после смерти моего брата—эта была моя мысль, я об этом говорила моему отцу, но он мне отказал и согласился, как я уже говорила, только благодаря вмешательству моего дяди дать мне вышеупомянутый вексель.

Какой мне был смысл лишь временно пользоваться доходами с имения, которое якобы мне принадлежало—хотя я сама, повторяю еще раз, об этом ничего не знала.

III. ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ПОМЕЩИЧЬЕГО БЫТА ПУШКИНА

1. Приказ по борьбе с холерою в Болдине.
 2. Ведомость о состоянии хлебов, доходов и приходов по Болдину 1833—1834.
 3. „Щет“ приходов и расходов Кистенева 1834.
 4. Книга для записи расхода мирских денег.
 5. Памятная книга села Болдина 1833 года.
 6. Опись имения Болдина.
 7. Из ревизской сказки 1816 года села Михайловского.
 8. Опись села Михайловскаго.
-

1. ПРИКАЗ ПО БОРЬБЕ С ХОЛЕРОЮ В БОЛДИНЕ

Из остатков вотчинного болдинского архива, ныне в Пушкинском Доме, шифр 4560 XXIII б. 58. См. в тексте, стр. 191.

От Попечителя Квартала, Села большого болдина, Управляющим Елисею Дорофееву и Михайле Калашникову.

Послучая открытия в смежных Уездах заразительной болезни холеры, нужно принять к предъохранию от оной строгия меры. апотому и предписывается Вам Все вниже следующих пунктах в самом скорейшем времени привести в исполнение.

1—Разделить селение на 20-ть частей и, приставить к каждой десяцкаго, — которые должны смотреть что бы в домах была чистота, ичтобы ни кто из жителей не выходил наулицу не одетым, а особливо босиком, а все бы одевались теплее, и чтобы десяцкие каждой день из вешали начальников о здоровьи жителей.

2—Ковсем околицам непременно приставить караул подва чело века, надень и наночь: для караульных сделать хорошие шалаши, и в шелошах кровати, к дверям же заслон ичтобы противу шелашей были вырыты ямы, гдебы без престанно горел огонь.

3—Строжайше смотреть чтобы не было пьянства!

4—Чтобы ни кто и никуда из селения не отлучался без позволения старосты или содкаго; а в другой уезд без билета даннаго Начальником. В уезды же, Симбирской Губернии — Ардатовской и Пензенской — Саранской — строжайше запретить чтобы никто не ходил и не ездил; по случаю открытия там болезни холеры.

5—Очистить два крестьянских двора под больницу, и для обсервации, чтобы избы были хорошия идворы крепкия, у иных задняя ворота завалить наглухо; избуже топить каждый день.

6—назначить десять человек на случай оцепления; зделать им имянный список и доставить ко мне.

7—назначить на случай болезни, ходить забольными — четыре мужаика и 4 — бабы.

8—из вешать меня не медленно о заболевших холерою. При начале болезни сей, открываются следующие припадки: боль в груди, трудное дыхание, переменной колючей болью с жаром вовсей верхней части живота; временное или безпрестанное кружение головы, почти безпрерывное ворчание в животе; запор наниз, потеря аппетита, по переменно озноб и жар; холодный пот налбу и безсонница.

9—Иметь в готовности наслучай болезни холеры редьку, вино настоянное стручковым перцом, для натирания оными заболевших, для курения после болезни в том доме где оная случится — селитру и горючую серу.

10—Нищих бродить отнюдь не пускать, а таковых и сторонних остонавливать, и естли оные здорovy отсылать за караулом в их селения, иотдавать под росписку; а ежели оные окажутся подоврительны в здорovy, то сажать их в отведенный двор для обсервации, и меня тот час из вестить.

11—Проходящих и проезжающих из Низовых Губерний, аособливо из уездов: Ардатовскаго и саранскаго, всех остонавливать; и естли оные небудут иметь билетов от карантинных и кардонных смотрителей, сажать в отведенныя двory для обсервации, и меня не медленно уведомить. Прилежно смотреть изатеми которыя будут иметь билеты от карантинных смотрителей, небольшие они, и если таковыми окажутся, то ионных остонавливать и сажать в отведенные двory.

12—Ежели из низовых Губерний возвратиться селский житель, то недопуская его вселение, хотябы он имел ибилет от карантинного смотрителя, посадить его в очищенный двор и немедленно дать мnezнать.

13—Вовремя остановки проходящих и своих возвратившихся, должны иметь строгой караул из назначенных для сего Десяти человек, которые должны смотреть неусыпно, чтобы к ним нетолько вызбу, но даже инадвор никто неходил; апищу идрова состорожностью пода-

вать им вокошко; о продовольствие же оных должны иметь попечение начальники Селений.

14—Где возможно прожить вокруг селения дороги.

15—инаконед, извещать меня'облагополучном состоянии жителей каждое воскресенье.

Попечитель Квартала Пантусов.

24 октябрь 1830 года.

2. ВЕДОМОСТЬ О СОСТОЯНИИ ХЛЕБОВ, ДОХОДОВ И ПРИХОДОВ ПО БОЛДИНУ 1833—1834

Ведомость сохранилась в вотчинном болдинском архиве, в Пушкинском Доме № 4576 ХХІІІ б. 114.

Его Высокоблагородию Александр Сергеевичу Пушкину.
Ведомость.

Учиненная Вотчина родителя Вашего Чиновника 5-го Класа и кавалера Сергея Львовича Пушкина Села Болдина Управляющим Иосифом Матвеевым Пенковским о состоянии ржанного и ярового хлеба с прочими доходами О продажи и расходе денег со вступления в должность прошлого 1833 года по 1-е мая 1834 года.

Что состояло на лицо, а именно.

Р о ж.

Принято от бывшего управляющаго Михайлы Иванова Калашникова обмолоченной ржи всего 512 четвертей

Найдено у рижников украденной ими господской ржи 1 четверть

О в е с.

Принято от Михайлы Иванова зеленого сыр-молотнаго овса 197 чт. 3 чтк.

Из достальных снопов вымолочено мною всего . 750 чт. 4 чтк.

Куплено на семена 450 чт.

Итого . . 1.397 чт. 7 чтк.

Я ч ь м е н ь.

Принято от Михайлы Иванова зерном 23 чтк. 1 грнд.

Куплено гороху 6 чтк.

Гречи.

Принято от Михайлы Иванова 11 чт. 4 чтк.

Семя конопляного.

Принято от Михайлы Иванова 100 чт. 1 чтк.
 23 чт. 2 чтк.
 123 чт. 3 чтк.

Приход денег.

Получено за проданое семя конопляное . . . 787 р. 50 к.
 Продано ржи, всего на сумму 9.016 „ 50 „
 Взыскано на порубку в лесу 5 дерев 7 „ 40 „
 Продано яровой соломы всего на 160 „ — „
 Продано покосни 9-пу получено за все 18 „ — „
 Продано овса всего на сумму 5.111 „ 95 „
 За проданную десятину лесу Новосилцову получено 380 „ — „
 Занято в уплату Опекунского Совета монетою 1.138 „ 50 „
 16.619 р. 89 к.

Расход разнаго хлеба.

Рожь.

Дворовым людям выдано месчины за декабрь,
 январь, февраль, март и апрель месяцы зерном . . . 8 чтв. 1 чтк.
 Абрамовской станции Смотрителю 4 чтк.
 Лукояновскому почтмейстеру 1 чтв.
 Помощнику его 4 чтк.
 Секретарю Земскаго Суда 4 чтк.
 Для своего разходу управляющий издержал . . . 1 чтв. 1 чтк.
 На солод для праздников 1 чтв.
 Продано разным лицам 452 чтв. 2 чтк
 5 грнц
 Итого . . . 465 чтв. 5 грнц

Овес.

Выдано барской лошади 3 чтв. 6 чтк.
 Дворовым людям на толажно 6 чтк.
 Птицам 3 чтк.
 Управляющаго лошадям и корове 1 чтв. 3 чтк.
 В продажу поступило 736 чтв. 7 чтк.
 743 чтвк. 1

Высеено 450 чтз.

Ячмень.

Выдано на крупу дворовым людям	2 чтк.
Для управляющего на крупу	1 чтк.
На солод выдано	1 чтв.
Дано Михайле Иванову	1 чтк.

Итого 1 чтв. 1 чтк.

Высеяно гороху

6 чтк.

Гречи.

Дворовым людям на крупу	3 чтк.
Для управляющего на крупу	1 чтк.

Итого 3 чтк.

Семя конопляного.

Продано 85 чтв.

Расход денег.

От правлено в Апекунский Совет всего монетою по курсу Страховыми и весовыми расходами по двум займам всего 6.773 р. 73 к.

От правлено к Сергею Львовичу в разные числа со всеми страховыми и весовыми променом монетою по курсу	4.592 „ 96 „
Заплачено долгу занятого М. Ивановым	1.600 „ 40 „
Разного расхода	120 „ 30 „
Гороху куплено на семена	16 „ 20 „
Для семян куплено овса на	3.179 „ 96 „

Всего 16.619 р. 85 „

На лицо.

Ржи	47 чтв. 7 чтк. 3 грнц.
Овес	204 „ 6 „
Ячмень	21 „ 5 „
Гречи	11 „ 1 „
Семя конопляного	38 „ 3 „

З а т е м н а л и ц о медной монеты 200 р.

азначены в приход занятые в уплату Опеку: Совет: 1.138 р. 50 к. неуплачны и закупленный овес остались должны 570 руб. 4 к. Тоже занято Мих. Ив. в уплату Ивану Гаврилов 550 рублей.

Всего долгу 2.258 р. 54 к.

3. „ЩЕТ“ ПРИХОДОВ И РАСХОДОВ КИСТЕНЕВА 1834

Из вотчинного болдинского архива, ныне в Пушкинском Доме
4582 XXIII б. 120.

Книги Селца Кистенева
Приходы и расходы 1834-го года

Щ е т

Его Высокоблагородию
Милостивешему Государю
Александр Сергеевичу

щ е т

от старосты Петра Петрова

Сколько мною отправлено милости вашей аброку за 1833-й иза
1834-й годы о том подданнейши изъясняю ниже сего

Щет из Книг Села Кистенева с 1833-го году

1-и Сбор по 2-а руб. с Четверушки Собрано . .	662 руб. 20	ко
2-и Собрано подущины на обе половины — всего	1394 руб. 49	ко
3-и Рекрутского сбору	192 „ 70	„
4 Собрано аброку на 3 части	3860 „ 8	„
За Земскаго получено	55 „ 45	„
вперед забранных	30 „ 97	„
За Мартовскую треть получили	25 „ 50	„
Занято у Апрак.	228 „ —	„
	<hr/>	
	6449 „ 39	„

Р а с х о д у

Выплачено подущины с прошенами и рас- ходами	1261 „ 36	„
Оброку в 3 части	3896 „ 47	„
Мирскаго расходу	385 „ 50	„
При отдаче рекрута сдержано	496 „ 25	„
	<hr/>	
	6039 „ 58	„
На лицо остается	409 руб. 81	„
Оставшихся от 1832 году за приходом по- ступило в Расход в 1833 год	129 „ 10 ¹ / ₂	„
	<hr/>	

По 1-е февраля 1834 году должно быть по			
Книгам на Лидо денег	280	„	70 ¹ / ₂ „
1834 году с первого февраля после щету Собрано			
Недоимки разных годов	543	„	55 „
Мартовскаго оброку собрано	1169	„	67 „
Петровскаго собрано оброку	285	„	10 ¹ / ₂ „
Подущины собрано	520	„	80 „
Наревскую собрано по 40-ко с души	70	„	58 „
Получено за Земскаго оброку	12	„	75 „
Занято у разных лиц	635	„	19 ко
Занято у Васильи Куз: апрак:	161	„	— „
	<hr/>		
всего	3392	„	64 ¹ / ₂ „
Упложено долгу	30 руб. 97	„	
Зачтено по рекрут: Расходу	38 „ 82	„	
Упложено долгу апрак:	228 „ —	„	
Проценту	2 „ —	„	
в Расходе аброка отправки	1842 „ 20	„	<i>Декабрь</i>
в Расходе оброка	348 „ —	„	<i>— Марта</i>
Подущины за 1-ю полов: (не разоб.)	666 „ 49	„	<i>Петров.</i>
Мирскаго расходу	223 „ 93	„	
	<hr/>		
всего	3380 руб. 41	„	
	<hr/>		
налицо	12 руб. 23 ¹ / ₂ „		

По 13-е число Июня 1834-года за Никоном
по щету недостает 92 руб. 69 ко.

Приходу Сель: Магаз:	155 четв. 4.
в Расходе по Именно: Списку	85 „ 6.
Налицо по Книге	69 четв. 6.
Найдено лишней Ржи в анбаре по перемере	16 четвертей.

4. КНИГА ДЛЯ ЗАПИСИ РАСХОДА МИРСКИХ ДЕНЕГ

Настоящая книга, в сущности тетрадь, хранилась в болдинском вотчинном архиве и вместе с остатками его перешла в Пушкинский Дом (№ 4546. XXIII б. 84). См. в тексте книги, стр. 117—118.

Книга Сия учиненная Для записывания Расходу Мирских Денег вочены Господина Статского Советника и Ковалера Сергея Львовича Пушкина Села Болшого болдина Старостою игнатьем Семеновым вострышовым

На сей 1824-й год Генваря с 1-го дня.

1824 года Генваря 1-го дня Села болдина Сергеевское тож вприказе вотчинном Правлении учиненная сия книга для записывания в оную расходов Мирских денег вновь выбранного старосты Игнатья Семенова Вострышова, что когда куда зачто и кем будить издержано Ниже Сего означается

Месяц.	Число.	РАСХОД.	Сколько издержано в приказе для каких надобностей.		Что издержано в отъезде из приказа.		Сколько кому отдано проценту.	
			руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.
		А и м е н н о :						
Генваря	5	Куплено Старостою свечь два фунта..... за	—	80	—	—	—	—
	11	Приехали из лукоянова нарочно присланные двое приказных тимофеев и щегловской отбирали подписке яспринуждением опостановлении надорогах законных вешек им дано денгами	—	2	—	—	—	—
	12	для них вина—на	—	44	—	—	—	—
	15	На угощения кистеневского антипа иванова за пожданье денег . . .	—	80	—	—	—	—
	20	На почту записьмы	—		2	70	—	—
		Куплено бумаги у осипа дмитриева	2	60	—	—	—	—
	Приехал Гагинской бурмистр Гаврила Никифоров на угощения него полштофа водки	2	50	—	—	—	—	
	Штоф Ерофейчу	1	60	—	—	—	—	

РАСХОД.

Месяц.	Число.		Сколько и задержано в приказе для каких надобностей.		Что и задержано в отъезде из приказа.		Сколько кому отдано проценту.	
			руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.
Генв.		Емуж Гагинскому бурмистру отдано проценту за 950 р. по 20-и на рубль за прошлой 1823-й год . . .	—	—	—	—	190	—
		Емуж куплены двое сани 1-е уматвея щатвеева—ценою	—	—	—	—	9	—
		2-е у фрола Евдокимова	—	—	—	—	6	—
	25	Отдано в адашewe за базар	—	—	30	—	—	—
	31	На почту за два писма	—	—	2	40	—	—
Фев-раля		абрамовскому почталиону штоф водки подарен	—	—	4	—	—	—
		наугощения тимашевских антипа иванова иаликсея степанова вина штоф	1	—	—	—	—	—
	5	Ездил Земской слукоянов куплено почтовой бумаге	—	—	1	20	—	—
	10	вкозначайстве за форму от пусков. Взято на угощения Петра ивановича коржевина штоф Ерофеичу сводкай	—	—	—	60	—	—
		икры фунт	2	20	—	—	—	—
марта		Приехал и злукоянова салдат с приказам для него вина	—	44	—	—	—	—
	15	Ивану николаеву барахманскому отдано проценту за прошлой год . .	—	—	—	—	100	—
		Емуж ивану Николаеву вина ведро	—	—	—	—	8	80
	1	Емуж разоху заплачено	—	—	—	—	1	10
		От дано Государю Петру львовичу проценту за прошлой год . .	—	—	—	—	200	—
Апреля		Петру ахматовскому за ивана григорьева проценту	—	—	—	—	30	—
	20	Приехал излукоянова салдат сприкавом чтоб везли влукоянов десятикие и емские денги пронего и задержано вина	—	44	—	—	—	—
		на угощения Петра каржевина полпива сводкай	1	—	—	—	—	—
	25	За отправку беглаго Солдата антона бугрова отдано влукояновском земском суде	—	—	12	—	—	—
		на почту барину за писма	1	—	—	—	—	—

Месяц.	Число.	РАСХОД.	Сколько и задержано в приказе для каких надобностей.		Что и задержано в отъезде из приказа.		Сколько кому отдано проценту.	
			руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.
Мая	29	Ездил бурмистр и Староста в адашев набазар. На угощения почталюна абрамовского вина	—	—	—	80	—	—
		для себя истратил	—	—	—	80	—	—
		на почту за письмо	—	—	1	—	—	—
		земской ездил провожать Яковсона истратил	—	—	1	—	—	—
	16	бурмистр ездил и староста на базар в адашево менять денги	—	—	—	60	—	—
Июня	16	Приехал из лукоянова Солдат Сприказам. высылал подавать сведение об урожае Ему дано	—	30	—	—	—	—
		На угощения кудеяровских моговщикова вина	—	20	—	—	—	—
	20	Ездил Старшина никифор кондолов сземским влукоянов для получения паспортов. куплено ими бумага и сургучу	—	—	4	10	—	—
		Секретарю штоф водки	—	—	4	—	—	—
	10	для Себя истратил	—	—	2	50	—	—
Июль	10	Ездили вадашева вдесятью на базар бурмистр Староста и земской истрачено наугощения Гагинского бурмистра и барахманского ивана николаева и петра шамарава всего.	—	—	3	—	—	—
	12	для себя истратил	—	—	2	—	—	—
	14	На угощения Семена Григорьева за денги	1	—	—	—	—	—
Июль	9	На почту записка	—	—	1	—	—	—
	13	На почту записмо в опочку	—	—	1	20	—	—
Июль	13	Запложено тимашевскому михайле Гаврилину За прошлой год проценту на угощения Ларионовскаго федора аликсеева 3 раза надом отвезено.	—	—	—	—	16	—
	16	Приехали в лукоянова приказные выслали набольшую дорогу для перемещения мостов участных две чаши дано	—	—	—	—	—	—
		вина про них	—	44	—	—	—	—
	Наугощения ивана терешенкова при нес штоф полпива с водкой на	2	40	—	—	—	—	

Месяц.	Число.	РАСХОД.	Сколько и здержано в приказе для всяких надобностей.		Что и здержано в отъезде из приказа.		Сколько кому отдано проценту.	
			руб.	гк.	руб.	к.	руб.	к.
	17	Заработания мостов по условию заключено кудеяровским	100	—	—	—	—	—
		Приехал и Злукоянова Солдат высылал на мосты народу при себе ему дано две чаши	1	20	—	—	—	—
		вина про него	—	44	—	—	—	—
	20	Сошкой во время пребывания его на мастах истратил для Себя	—	—	3	—	—	—
		приехал излукоянова Солдат высылал народ нарозыскания Ему дано две чаши	—	40	—	—	—	—
		вина про него	—	44	—	—	—	—
	25	Приехал излукоянова Солдат высылал Сплатежем Емских и десятских денег Ему две чаши дано и вина всего	—	84	—	—	—	—
Авгус	1	На Спас За службу для священников вина	1	65	—	—	—	—
авгус	13	На угощения Петра ивановича каржевина полштофа Ерофеичу	—	77	—	—	—	—
		На почту барину Записмо	—	—	1	50	—	—
	15	Куплено яблоков на поздравления Государя Петра Львовича и Пелагее Екимовны с праздником	4	70	—	—	—	—
		меду у Петра Гаврилова 8-мь фунт.	4	—	—	—	—	—
	16	Служили Молебен образу нерукотворенному вина для попов	1	20	—	—	—	—
	21	Староста Ездил набазар вадашева купил свечь	—	—	2	—	—	—
		для себя истратил	—	—	—	70	—	—
Сентябрь	16	бурмистр Ездил набазар истратил	—	—	—	60	—	—
	26	Приехал из лукоянова солдат высылал с платежом десятских емских денег ему дано денгами	—	40	—	—	—	—
		про него издержано вина	—	44	—	—	—	—
	29	На угощения Ларионовского Федора аликсеева вина	—	80	—	—	—	—
		Проехал исправник яков данилович блаватской про солдат вина.	1	50	—	—	—	—
		Орехов исправнику четверик подарен за	1	50	—	—	—	—

Месяц.	Число.	РАСХОД.	Сколько и задержано в приказе для всяких надобностей.		Что и задержано в отъезде из прик.лу.		Сколько кому отдано про-центу.		
			руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.	
			октябрь	8	Чашку староста купил	—	30	—	—
		Приехал излукоянова садат высылал всуд для платежа десятичных денег про него вина	—	40	—	—	—	—	—
		Приехал из Лукоянова Селской заседатель андрей Попов сповальным обыском. Ему подарено денгами . .	4	—	—	—	—	—	—
		вина и ерофеичу	1	—	—	—	—	—	—
		На угощения Петра Ивановича Каржевина полштофа водки	2	50	—	—	—	—	—
		Наугощения баракманскаго ивана николаева вина	—	80	—	—	—	—	—
Ноябрь	7	Ездил Староста на базар истратил	—	20	—	—	—	—	—
	16	Зачтено Садату понкратову за сиденья на по 40-ка за 24 дня.	9	60	—	—	—	—	—
		На почту Барину За письмо	1	—	—	—	—	—	—
		При ежал Лесной ферштер рамаданов и заседатель Папов—поразным допросам на угощения их вина и водки и харчу всего	12	—	—	—	—	—	—
	17	Приехал излукоянова поддекаръ для привития оспы ему дано	2	—	—	—	—	—	—
		вина про него	—	40	—	—	—	—	—
		Сошкой ездил влукоянов возил Садатку и Стратил	—	—	2	—	—	—	—
		Сидору Ермолаеву Зачтено на засиденья за 10-д по 80-и	8	—	—	—	—	—	—
ноябрь	20	На почту за два Писма	—	—	2	20	—	—	—
		На угощения якова прокофьева вина	—	80	—	—	—	—	—
		для ивана николаева баракманскаго	—	60	—	—	—	—	—
		Ездил бурмистр и Староста купил лаптей нарекрут	—	—	2	—	—	—	—
		для себя бурмистр и староста и Стратиле	—	—	1	40	—	—	—
		на угощения церковнаго подратчика	1	—	—	—	—	—	—
		рыбы куплено для разходу	1	—	—	—	—	—	—
		Свечъ куплено на	—	50	—	—	—	—	—
		чернилных орешков куплено	1	—	—	—	—	—	—

Месяц.	Число.	РАСХОД.	Сколько и удержи- жано в приказе для каких на- добностей.		Что и удержано в отсуде из приказа.		Сколько кому отдано п.о- центу.	
			руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.
			де- кабрь	3	Приехали и Злукоянова при- казные высылали с рекрутами и сранными приказами им дано ден- гами	3	—	—
		про них вина	1	—	—	—	—	—
		на угощения Петра Каржевина	1	—	—	—	—	—
		проценту ему Запложено	—	—	—	—	270	—
		Куплено свечь на базаре 10-фу	—	—	3	50	—	—
		для себя Староста и стратил	—	—	—	40	—	—
де- кабрь	5	Запложено бурмистром Злукоя- новском Земском суде десятицких денег	—	—	40	—	—	—
		Степану Макарочу подарено	—	—	4	—	—	—
		для себя и Стратил	—	—	2	—	—	—
		Запложено бурмистром Злукоя- нове десятицких и емских	—	—	40	—	—	—
		за месяцы сощкова о у рожае разнаго хлеба засведения	—	—	—	30	—	—
		ивану демидовичу штоф водки	—	—	4	—	—	—
		Аликсею Григорьеву За приемку сведения омагазийном хлебе	—	—	—	24	—	—
		наугощения оных	—	—	—	4	—	—
		для Себя истратил и Земскаго	—	—	—	4	—	—
		Ларионовскому федору аликсею проценту	—	—	—	—	16	50
	26	приехал и Злукоянова Салдат За бурмистром про него вина и удержано	—	80	—	—	—	—
		Приехал исправник Блаватской подумал мертвое тело ему подарено на всю Команду денгами	—	—	35	—	—	—
		вина и водки Для них	—	—	5	—	—	—
		водки и Злукоянова привезен штоф	—	—	—	350	—	—
		рыбы и меду	—	—	—	350	—	—
Де кабрь	26	За Погребенья Мертвого тела для Попов вина на рубль петдесят копеек	1	50	—	—	—	—
		куплено Чернильных орешков	—	80	—	—	—	—

5. ПАМЯТНАЯ КНИГА СЕЛА БОЛДИНА 1833 ГОДА

Настоящая книга или тетрадь извлечена из остатков болдинского вотчинного архива, ныне в Пушкинском Доме № 4567. ХХІІІ б. 105.

л. 1

Памятная книга 1833 году ноября 1-го дня села Болдина.

л. 1 об

Иван Максимов Никонов дал в сохранение на лошадь 20 руб: отдано

Иван Малыгин тоже дал под сохранение на лошадь 20 рублей — отдано.

л. 2

С в а д ь б ы

1833 году Ноября 8 дня Жених Федор Савин Кособрюхов Невеста Прасковья Матвеева Петраева.

Ноября 10-го дня Жених Кузьма Агафонов Пратасов
Невеста Наталья Васильева.

л. 3 об

Назначается по Мирскому приговору сего числа апреля 16 дня при собрании Назначенных Старшин иредовых в Земские Никита Михайлов Сквородов с полутора тегла на один год вчем и согласен его отец вышеименнаго Земскаго Михаила Иванов и от всяких повинностей увольняется.

Сей Мирской приговор и подписую в шнуровой книге управляющий И. Пеньковский

Назначается по Мирскому Приговору сего же числа Апреля 16 дня при собрании Старшин и Рядовых Стариков в хлебные Старосты Иван Филипов Савинов за два тегла

уволен в чем изаписываю в шнуровую книгу Управляющий И. П е н ь к о в с к и й

л. 4

Я по вступлению моем в управление в село Болдино поданой мне доверенности от Господина Сергея Львовича Пушкина нашел ослушным против моих приказаний и недостаточным исправлять должности Бурмистра Игнатия Семенова Сягина при собрании всех Стариков устраиваю от его должности которую правил по сие время Ноября 20 дня 1833 года

Назначается при собрании Стариков с сего числа Нояб. 20 дня 1833 года в Бурмистры Дениса Иванова Налевина достойнаго править сею должность как не замечаннаго нивкаких худых свойствах в чем и я согласен Управляющий

И. Пеньковский

1833 году Ноября 20: числа назначается присобрании Стариков в Старосты Агафона Григорьева на оную должность по представлению Стариков принимаю как достойнаго и доброжелательнаго Господину

И. Пеньковский

л. 4 об

Назначены Миром Старики для разбирания разных справок

1-й Кузьма Сергеев Смолин

2-й Василь Сковородов

3 Степан Егоров

4 Андрей Иванов Налевин

5 Андрей Васильев

6 Макар Протасов

л. 5

1833 году Ноября 5 дня ночью изъ печки рижной стена выгорела и уже огонь с наружи стены усилился, Рижник усмотрел за что награды дано мною 2 рубля монетою

Вислий Федоров Дякон объявил что у него занял Андрей Максимов 60 руб: монетою — и упросил он же Андрей отстрочки в уплате денег на один год 1833 году Декабря 30 Д: абъявлено —

Села Сыресева Крестьянину Короннаго Ведомства данилу Данилову дозволяется варить поташ в ведренное время при все осторожности на Купленном заводе от Михайлы Сковородова до Покрова и за место должен выплатить 25 руб: монетою

уплатил сего числа 8 руб: 20 ко: 1834 году Июля 15 дня Село болдино.

л. 5 об

Долги

с 1-го Ноября 1833 году Степану Михайлову Села Папулова Мир должен 200 руб: монетою — Генваря 1-го 1834 году отдано мною из оброчных денег 83 руб 20 ко к ему задолг поставлен работник 22-го Генваря по 8-е Ноября сего 1834 году крестьянин Петр Федоров Курушин за 70 рублей получить из Мирской Суммы 70 руб: за Курушина — с Курушина получить 8 руб зачтенных за Алек Лобанова

Апреля 27 дня поставлен к Степану Михайлову в Село Популово за Мирской дог Назар Васильев Козин с сего числа до Успения за 46 рублей 80 коп: оные деньги получить из Миру

л. 6

1833 года

Ноября 8 дня Кистеневский крестьянин Василии Игнатов просил на Кистеневского Земскаго Гаврилы Алексева что насильно перевезал овцы и прибил женщин, одной женщине разорвал рот (за долг)

Ноября 19 дня Василья Львовича Половины Крестьянин Савелий Дмитриев просил на Кистеневского Крестьянина Егора Павлова что на дороге в Дер: Кисте: отбил лошадь съупряжкою с вещами

Ноября 18 дня Кистеневской Крестьянин Иван Егоров просил на Тимофея Федорова Карженикова, за что отнял полсотни мочал за которые заплатил 8 руб: деньгами — (и он же Иван Егоров недоволен судом Никона Семенова)

Решено 21 Ноября Земской Гаврилы Алексеев лишен иску, (определено внести в мирскую сумму) от Василья Игнатьева — брата Земскаго Н.... Алексева за побои жены Василья Игнатьева наказано розгами 20 ударами.—

Решено 20-го числа, после учиненной справки за Грабежь в наказание Егора Павлова лишено иску 3 руб. 40-ко с Савелья Дмитриева, и дабы вперед онаго иску невозобновлял.—

Решено 21-го Ноября поученной справке показано что Иван Егоров еще должен полсотни мочал кроме взятой полсотни мочал Тимофеем Федоровым и я нашел решение Никона Семенова справедливым

При собрании Стариков наказывано

10 Декаб: Яков Семенов бегал от солдатчины месяц скрывался в Селе Качаево у Якова Максимова у Григорья — Ивана Ильича Алексея Сидорова работал Сани упоследнего оставил топор долото наструг — тоже у Василья Ярмалаева в Деревни Барахматова у Александра Васильева и его там же ловили

выпущен был Михаилом Ивановым из желез

Решено
наказать 25 ударами розгами

10 декаб.

Яфим Захаров принимал в свой дом Язовских воров — ослушался по приказанию моему дабы явился из Кабака в Судную — мною лично замечен с Язовскими ворами в Кабаке пьянствующего — и украл толуб у Кисьтенева Крестьянина Онже Яфим Захаров принял отдорожных Лошедь Карую упроезжающих в Починки у Василья (экономического Крестьянина) 3 меры Овса Сена 3 связки хомут до будущаго время покуда не воротится с починок с товарищами двумя на 3 лошадях, и зачто обязался Василью заплотить 80 ко заприсмотр

Решено

Наказано 50 ударами розгами

Возвратился из Починок и отдана Карая лошедь Василью, яко его собственную

10 декаб.

Тимофей Пядашов выдавал пуговицы в место четвертака женщины той половины № № за муку — был в кабаке с ворами Язовскими — ослушался в моем приказанию не явился в Судную из кабака

Решено

Наказать 40 ударами розгами прощено мною и Стариками за вызнание о многих вещах им же с ворованных прошедшим и онже доказывал на Игнатия Семенова бывшего Бурем: что из под колосников

крал рожь и привозил в свой дом тоже рыжник кирей за шубу давал барской овес 4 четверика ему же Пядашеву

л. 7

Декабря 4 дня Лаврентий Максимов полтегла земли отдал Андрею Андрееву Вдовину за 6 мер ржи июня рожь в 12 руб. в том числе и земля на пол тегла Якова бодроскина

10 Декаб:

Алексей Семенов Сягин прятался от Солдатчины в Казарнове и в Аносове у Фомы — в Болдакове у Григория Артемова

Решено

Наказать забегание 26 ударов розгами

л. 8

из копейки Вынуто из
старостою

бурмистра, Со-
приотце

Дмитрие, всего, Серебром . . .	84-р	40-ко
» . . . » Золотом . . .	231-р	
мелкого серебра . . .	1-р	20-ко
<hr/>		
Итого.	316-р	60-ко

Получено в присутствии отца Павла Двадцать пять рублей асыги: 1818 года № 2621556 от Бурмистра Г-на Новосильцова Фрола Иванова Кузавенкова в зодаток закупленный хлеб — с вырванным Гербом самой середины орла крылья с правой стороны осталось более с левой меньше —

л. 8 об

1834 году апреля 17 дня Крестьянина Лариона Абрамова Козлова изба со всеми принадлежностями клеть Конюшня Сенница Заметники погреб двое ворот и половина овина колодець оценено миром 80 рублей в которой двор переходит Семен Захаров — у Семена Захарова изба со всеми принадлежностями пристен трех увороть конюшня заметники погреб с погребдом колодець авин Ворота одни оценено Миром 80 руб: оное же все строение Семена Захарова поступает за Миром до возрасту Лариона Абрамова Козлова с его сестрою Феклюю Абрамовою — в чем изаписыватся для сведенья в шнуровую книгу при собрании Старшин рядовых и самих хозяев выше означенным дворам—

1834 году апреля 27-го дня продана изба Семена Захарова кистеневскому Якову Яфимову за 40 руб: авин кистеневскому Тимофею Федорову за 5 руб. 50-ко — Ивану Степанову Вильянову Сенница Замест одной стены замот 2-х стенный погреб Сени у избы за 50 руб. Денису Иванову Ворота и пристенок за 6 руб. — всего собрать 101 руб. 50-ко—

л. 9

За избу получено от Якова Яфимова 20 руб—45-ко—

1834 году Мая 7 дня присобрании Старшин и рядовых определено мною пересилить крестьянина Якова Семенова Козлова напозем к Ивану Григорьеву стем дабы осталось на месте при овраге крупчаной завод анбар Иван Григорьев должен сломать на Котором месте должна быть изба Якова Семенова почему дать Якову Семёнову 7 саженей — на одно тегло.

Ноября 25.

Семен Васильев Барщинин отпущен в Симбирскую Губер: в Дерев: Балдашино работать сани без билету—

1834 году Мая 7 дня за дурное поведение при собрании Старшин и Старков редовых Бывши бурмистр Денис Иванов отставлен от должности и на его место определено в Бурмистры Михайлы Васильева Терешенькова за два тягла.

в Арзамас

1833 года Ноября 11-го дня

Назначены в Солдаты из Села Болдина

Вор 1-й Яков Семенов Козлов . . . чист заравбой неставлен Выпущен
Михаи Ивановым

вор 2-й Яфим Захаров Яр течет с ушей (с затылком)

вор 3-й Тимофей Михайлов Пяда-
шев Рана в ноге (вор) неставлен

вор малый 4 Карнила Никифоров
Кандалов чист желто болен (затылок)

5 Спиридон Ананьев } Кузьковы палец на левой руке крюком

6 Яков Ананьев } (с затылком)

7 Алексей Семенов Сягин чист сбежал

в Арзамас

Ноября 20 числа

Назначено вторично в солдаты

Никита Андреев Любакин неставлен

1 Николай Агафонов Тараканов

2-и Иван Семенов Малыгинов

3 Николай Григорьев Костин

4 Павел Никитин Терехин вздан

Наряд 2-й

1-и Иван Степанов Крючков

2-и Семен Иванов Чернышев

3 Николай Прохоров—вздан

3 Прохор Романов

4 Дмитрии Константинов Смолин.

л. 10 об

в Арзамас

Ставка рекрут из 1000 душ 5 человек в 1835 году Октября 30-го
числа высланы

на 1-и день

1-я пара Карнила Кондолов подстава его брат Степан здан

2-я пара Яков Семенов Козлов—здан

подстава Игнатий Никифоров—здан

на 2-и день

1 пара Павел Григорьев Елансин

подстава Андрей Малыгин

2-я пара Федор Лаврентьев

подстава Федор Максимов

л. 11

Сергаческого Уезда Справник Сергей Петро: Званцов Лукояновского
уезда Справник Петр Петрович Серебряников

Окружной Заседатель Алекс Федор. Сметанин

Казначей Сергей Абрамович Авсяников

Стряпчий Сергей Ярмолаевич Сапожников

Нижнего Земск. Суда Секретарь Иван Анфимович Ворфоломеев

Судья Сергачского уездного предводителя протокулист Иван Семенович Петров

Управляющий Села Маресьева Благород: Василий Никитичь Крылов—
(Бурмистр в Маресове Иван Федоров Волов)

Ардатовской 3-ей Гильдии Купец Иван Фомичь Черкасов.

л. 12

Корова отелилась Декабря 28-го числа вечером—родился бычек --

6. ОПИСЬ ИМЕНИЯ БОЛДИНА

Настоящая опись составлена И. М. Пеньковским на предмет раздела между наследниками С. А. Пушкина. Очевидно, черновая. Сохранилась среди остатков болдинского вотчинного архива, ныне в Пушкинском Доме. Стоит обратить внимание на описание барского дома, в котором жил А. С. Пушкин. Шифр Пушкинского Дома № 466? X IV б. 59.

Опись имения чиновника 5-го класса Сергея Львовича Пушкина Состоящего Нижегородской губернии в Лукояновском и Сергачском уездах.

	Тягло	По 8-й ревизии	
		Души. мужские	Десятины женские
В Лукояновском уезде в селе большом болдине	160	401	
Выселенных из болдина в деревню Львово в 1838 году	80	66	
Итого в Болдине . .	240	564	602
В Сергачском уезде в сельце Кистеневе Тимашево тож . .	208	524	559
Всего с болдинскими Львовскими и кистеневскими . .		1090	1161
В Болдине земли вообще с дерев: Львова и по полюбовному разделу между двумя братьями Сергеем Львовичем и Васильем Львовичем Пушкиными состоявшемуся в 1817 году должно быть начасть Сергея Львовича			3244 ¹ / ₂
В натуре под сомнением — поверенный состороны Василья Львовича поспорил будтобы неверно было размежевано и в 1822 году Землемером Ивановым 170 десятин 920 сажень из части Сергея Львовича входил с прошением онеправильной отрезке 170 десятин			

и банк от командировал землемера для поверки прекращено тем что братья между собою нехотели вести процесс.

В раздельном акте следует наследникам упомянуть если не достанет принарезке каждому числа десяти из доставшихся поразделу 3244¹/₂ десятины на часть Сергея Львовича, тогда то количество десятины пополнить, из части нынешнего владельца полковника Зыбина, Полковник Зыбин хотя и купил сакционного торга после смерти Василья Львовича но не может удержать более, того что купил: припокупке в описи имения наверно было упомянуто число десяти а число десятины должно быть то самое, сколько было упомянуто в полюбовной сказки при разделе в 1817 году.—

В Кистеневе тимашево тож значится по большому плану

1350 1003 сажень

В Сельцу Кистеневу в пустоши Кривенке значится с прочими владельцами 111 деся: 92 сажени хотя и владеют кистеневские частью упомянутой пустошью но плану нато неимеется полагаю примерно до

50

В Сельцу же Кистеневу купленной кистенев: крестьянами на имя своего господина подполковника Петра Львовича Пушкина в 1821 г: у гвардии прапорщика Николая Петровича Беклемишева

60

Всего в Кистеневе . .

1460

1-е поле В Болдине в Господском		
поле под озимями	160	} 240
в Львове в Господ: поле под		
озимями	80	
В Болдине у Крестьян под озим.	230	
в Львове у Крестьян под озимями	115	
2-е поле Господской запашки . .	240	
под будущее яровое поле . . .	230	
тоже количество земли	115	
3-е Господской запашки	240	
под будущий Пар тоже	345	
	<hr/>	
	1755	

Лугов во всех полях пример . . .	150
но вообще с дерев: Львовою	
лесу строевого круп.	
лесу строев. мелкого	
Дровяного	
Кустарнику	

С 10 летней сложности болдино вообще с Деревней Львовой из запашки в каждый год давало доходу 28700 на ассигнации из Суммы 10 летней сложности полагая оную 8 процентами составляет ценность имения 346500 руб. ассигнац. обходится полагая 6%—450000—Заревискую душу 611 ру. 11 ко ассигнаци

Количество наобороте в 10 летней сложности давало доходу 10710 руб. ассигнац. из Суммы 10 летней сложности полагая оную 7 процентами выходит ценность имения 153000 руб. ассигнац. обходится ревизская душа 292 руб. 54¹/₂ коп., Можно положить на душу по 300 рублей ассигнац.

1. В болдине Господской Дом деревянный с мезон. сосн. и дуб. лесу длиною саж. шириною сажень на каменном фундаме. с каменным Подвалом тесом крыт, в нем 9 горниц в мезонине 2 горн. внутри святая икона Бож Мат 6 кресел 24 стульев 2 ломберных стола 2 стола столовых 4 софы 1 шкаф старинный в низу с выдвигающимися ящиками вверху полки раствор стеклянный 1 шкаф угольный стеклянный 1 шкаф в каладовой с ящиками 1 комод с 3-мя выдвиги: ящиками, 2 зеркала в 3 четв. аршина.—ценноеть Дому с вещами к нему принадлеж 5000 руб:—
2. Кухня из соснов: старого лесу большого господ. дому тесом крыта, длины 4 саж: ширины 2¹/₂ саж в ней плита столами и полками ценность кухни—100 руб.

- 3-е флигель [неразборчиво] на 7 саж. длины 3 саж. шир. в связи помещается 2 избы людских между ими сени подвал для огород. овощей и ледник—ценность 150 руб:
- 4-е Конюшня в одной связи строения длины 10 саж. ширины 4 саж. тес: крыта в ней конюшня на 6 лошадей. Сарай для повозок и амбар для помещения отсыпного хлеба. двор: людям ценность 200 руб:
- 5 баня с липового лесу длина $4\frac{1}{2}$ сажень ширины $3\frac{1}{2}$ саж накам фундамент: тесом крыта с другого конца и прашечная ценность 200 руб.
6. Аранжерейка на 6 саженьях из липового лесу крыта тесом наней 12 стекла рам и столько же ставень ценность ее 100 руб:
7. Грунтовый сарай в земле на берегу пруда длины 12 саж: над ним ставни из тонкаго тесу ценность 85 руб:
8. Сад на 4 десятинах на сажень 85 яблонями:
9. Скотный двор с камен: фундамент: и столбами длины 30 саж. ширины 27 саж. разбитый на 4 отделения в нем поуглам 4 амшеника в передней 1 амбар изба (неразобр.) для скот: 1 изба молошня и 1 ледник надворе 1 изба для телят иподогревки воды приней колодец с насосом. ценность 1240. руб: —
- 10 (неразб.) подсевальная пластинная из разн. лесу Долины 5 саж. шир. 3. Соломой крыта ценность 25 руб.
11. Амбарь господ: Соснового лесу тесом крыт внем отделения с закромами долины 14 са ширины 3 саж. ценность —600 руб.
12. Магазин: амбар осиновый тесом крытый на два отделения свакромами долины 6 саж ширины 3 саж ценность 250 руб.
- 13 Магазейный амбар липового лесу сполом крыт соломой без закромов Долины 7 саже шир 3 саже ценность 250 руб
- 14 Рыга каменная долины 8 саж шир 6 сажень к ней Сарай покопцам по 15 сажень долины в Каменных Столбах с 6-ю растворенными воротами ценность—1200 руб:
- 15 Молотильная 4-х конная машина цена 500 руб:
- 16 Рыга деревян: с Сараем длины 16 сажень шир. 5: с. ценность 150 руб:
- 17 Рыга деревян. с сараем долины 8 саж шири 4 саж ценность 100 рублей.
- 18 4 овина в них садки до 600 снопов с сараями долины 12 сажень каждый ценность 200 рублей.
19. Караульная гуменная изба с сениями долины 3 саже шир 3 саже ценность 50 руб:

- 20 Контора Соснового лесу тесом крыта долины 8 саже ширины 3 саже ценность 400 руб:
- 21 Пожарная труба в болдине с лафетом ирукавом 200 ру. ивсеми принадлежно.
- 22 в львове пожар. труба новая с рукавом ценность 200 руб.—

Вдеревни Львовой

- 1 Контора соснового лесу тесом крыта длины $6\frac{1}{2}$ сажень ширины 3 саж., состоит из 2-х изоб между ими сени ценность 400 руб.
- 2 Анбар сосновый с 6 отделениями тесом крыт долины $15\frac{1}{2}$ саже ширины $2\frac{1}{2}$ саж. ценность 800 ру
- 3 Скотная изба в одной связи с ледником длины $6\frac{1}{2}$ саж шир. 3 саж тесом крыта ценность—300 руб:
- 4 Скотный двор разнаго лесу с двумя теплыми амшенниками двумя из заборников и 1. анбарь для ссыпки ухванных зерен рапре- ляется на отделения, обнесен кругом заборниками длины 20 саже и ширины 20 сажень соломою крыт ценность 700 рублей.
- 5 Мельница на 2-х поставах с низу дубоваго в верхе липоваго лесу тесом крыта ценность—1750 руб:—
6. 2 риги разнаго лесу длины по 5 саж. шир $4\frac{1}{2}$ са к ним сарая по 8 сажень с концов, соломою крыты ценность—600 руб.
- 7 Подсевальный сарай в столбах без набору крыт соломою длины 3 саж. шир. $4\frac{1}{2}$ са цен: 50
- 8 Овин с сараем на 6 саже ценность—50 руб:

В болдине и деревне Львовой тяглы на барщине засеивается в болдине в трех полях господской запашки в каждом по 160 десяин в трех полях всего—480 де во Львове в каждом поле по 80 десятин в трех полях—всего 240 де. Крестьяне имеют для себя на тегло по $8\frac{1}{4}$ деся: вообще со Львовскими в трех полях засевают $956\frac{1}{4}$ десятин.

Общественной Магазейной запашки крестьян в каждом поле по 15 десятин в трех полях 45 десят.

7. ИЗРЕВИЖСКОЙ СКАЗКИ 1816 Г. СЕЛА МИХАЙЛОВСКОГО

Извлечено из Псковского цубархива.

Ревижская сказка 1816 года марта дня Псковской Губернии Опочецкого уезда сельца Михайловского 3 деревнями помещицы военной советницы Надежды Осиповны Пушкиной и капитан-лейтенантши 2 ранга Марья Алексеевны Ганнибаловой о состоящих мужска и женска пола дворовых людях и крестьянах.

По сельцу Михайловскому все дворовые—мужск. пола 12, женского—11.

На первом месте Михайла Иванов—41 года, у него сыновья Федор—16 лет, Василий—12 лет, Иван—6, Петр—3, Гаврила—1; жена Василиса—38 лет и дочь Ольга—10.

2) Конон Максимов—27 лет, при нем мать Анна Иванова—49 и ее дочь Агафья—13.

4) Михаил Григорьев (ум. в 1815 году) жена Катерина—49 его же дочь Аграфена—10.

5) Иван Максимов—32, жена Ненила—31, дочь Ольга—5.

6) Василья Михайлова сестра Настасья—23.

7) Егор Федоров—21, брат Степан—18, мать Ирина—55, Егора жена Аграфена—18, дочь Катерина—1.

8) вдова Ульяна Григорьева—39, ее племянница Василиса Андреева—18.

9) Терентий Леонтьев—34.

10) Девица Анна Егорова—32, сестра ее Аксинья—16.

11) Вдова Степанида Петрова—41, дочери Андреевы Анна—3, Дарья—18.

По деревне Касохново—крестьян мужс. пола—11, женск. пола—12.

По деревне Поршугово—крестьян муж. пола—5, женск. пола—7.

По деревне Лаптево—крестьяне муж. пола.

По деревне Вороново—крестьян муж. пола—15, женск. пола—11.

По деревне Морозово—крестьяне муж. пола—6, женск.—6.

По деревне Мазнино—крестьяне муж. пола—6, женск. пола—7.

По деревне Лажнево—крестьяне муж. пола—14, женск. пола—21.

По деревне Цыболово—крестьяне мужск. пола—9, женск. пола—8.

По деревне Брюхово—крестьяне мужск. пола—10, женск. пола—8.

Всего в с. Михайловском с деревнями дворовых и крестьян мужск. пола—88, женск. пола—99.

8. ОПИСЬ СЕЛА МИХАЙЛОВСКОГО

Извлечена из дел Опеки, хранящихся в театральном музее имени А. А. Бакрушина.

К о п и я.

Опись Учиненная во исполнение Указа опоческой Дворянской Опеки последовавшему от 18 сего Мая за № 37 Опоческим Земским Исправником Васюковым при члене Дворянской Опеки Дворянским Заседателем Куделине Уездным Стряпчим Постуховским и двух благородных свидетелях имению оставшемуся после Смерти Опоческой Помещицы 5 класса Надежды Осиповны Пушкиной а что имянно описано значит подсим Мая 19 дня 1838 Года.

В Сельде Михайловском	Число вещей
Дом Деревянного Строения на Каменном фундаменте крыт и обшит тесом длиною 8 А шириною 6 Сажень к нему подъездов съкрыльцами 2. Балкон 1. внем печей Голандских Кирпичных Белых с железными дверцами и чугунными вьюшками 6. дверей столярной работы распиленных на медных петлях сътакowymi же внутренними замками 4. одиноких Столярной работы нажелезных крюках и пеглах с такowymi Скопками 16 окон с рамами и Стеклами на крюках Петлях железных с такowymi же крючками и задвижками 14-ть	1
Ме б е л и.	
Зеркалов Длинное 1. и круглое 1	2
Билиарт Корелчистой Березы Старой с 4. шарами	1
Камодов Простаго дерева	2
Шкаф простаго дерева	1
Сталов ломберных краснаго дерева наклеенныя Сукном веткие	2
таковой же без сукна ветхий	1
Простаго дерева крашеные красною краскою	4
Диванов покрытые полоченою Холстинкою	4
Кресел Старых простаго дерева с набойчатыми подушками	5
Стульев с такowymi же подушками	8
Краватей деревянных в том числе одна двойная	3
Сундуков простых деревянных	2

Сталоваго прибора

Чаша суповая фаянсовая	1
Тарелок Глубоких и плоских фаянсовых	18
Салатник фаянсовый	1
Блюд фаянсовых	3
Чашек чайных с блюдичками фаянсовых	10
Малошников фаянсовых	3
Графинов Белаго Стекла	2
Стаканов таковаго ж Стекла	6
Поднос краснаго дерева круглой	1
Шандалов Медных	3
Самоваров желтой меди	1
Чайников Медных	2
Кастрюль Медных	3

Флигелей.

1-й деревяннаго Строения крыт и обшит тесом в нем Комнат 1. окон с рамами и Стеклами 3. дверей простых на крюках и петлях железных с таковыми же скобами 3. Печь русская с железною заслонкою и чугуною свьюшкою. Под одною Свячью баня с Голанскою печью и в ней посредственной величины Котел 2 й, с Двумя избами в каждой по русской печи с железными Замками и чугунными вьюшками окон с рамами небольших 3. дверей простых на крюках и петлях железных 3. крыт соломою.

3-й с тремя Комнатами в каждой по русской печи с железными Замками и чугунными вьюшками Окон небольших с рамами и Стеклами 7. Дверей простых на крюках и петлях железных с таковыми же Скобами 4. крыт Соломою.

4-й внем две комнаты с двумя русскими пчъми к ним железныя заслонки и чугуныя вьюшки окон малых с рамами и Стеклами 5. Дверей простых на крюках и петлях железных 3. крыт тесом.

Амбаров хлебных	2
Сараев для экипажей	1
Сенной	1
Скотный Двор с 4 хлевами	1
Две людских избы	2
Птичий Двор с двумя избами	1
Гумно с двумя	1
Баня люцкая	1
Все оное Строение крыто Соломою	
Лошадей ежалых крестьянских	2

Скота

Каров Старых	59
Нетелей	13
Телят нынешняго Года	10
Овец	19
Ягнят	20
Гусей старых	10
Нынешних	40
Индеек	10
Кур	12
Пчел Колод	17

Наличного Хлеба.

Ржи 32 четверти 6 четвериков жита 31 четверть 5 гарнцов Овса 55 четвертей 6 четвериков. 1 гарнец Гречи 3 четверти 4 четверика 5 гарнцов Семя льняного 2 четверти 1 четверик 2 гарнца.

Наличных денег пять сот пятьдесят пять рублей.—Серебром по народному Курсу.

При Сельце Михайловском находится Аглицкой Сад с прудом, но по малому количеству фруктовых дерев доходу не приносит.

Принем же высевается ежегодно хлеба в каждом поле ржи 35 четвертей Овса 20 четвертей 2 четверика Гороху 1 четв. 4 четвер. Гречи 2 четв. 3 четв. Семя льняного 2 четвер. 2 четв. Сена выставляется до 600 копен.

7-ая рев. 1815	8-ая ревиз. 1833 г.	Состав. в 1838 г.
----------------	---------------------	-------------------

Крестьяне и дворовые люди по последней ревизии с прибылыми	Число по последней ревизии		Число на-личных	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Дворовыя люди Сельца Михайловскаго.				
1-й Михайло Иванов . .	59		63	
Жена Его Василиса Лазарева . .		56		60
Дети 1-й Федор	34		38	
жена его Аксинья		36		40
Елена		8		12
Наталя		4		8

Крестьяне и дворовые люди по последней ревизии с прибывшими	Число по последней 8 ревизии		Число на- личных		
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	
2-й Сын Михайлы Василий . . .	30				Умре в 1837 году
жена его Меланья		22		26	
3-й Иван	24		28		Отдан в рекруты в 1837 г.
4-й Петр	21				
5-й Гаврила	19		23		
2-й Петр Парфенов . . .	30		34		
Жена его Агафья		31		35	
Дети: Никита	8		12		Новорожден- ная
Василий	4		8		
Анна		2		6	
Ольга				2	
Анна Иванова		67			
Аграфена Михайлова		28		32	
Неонила Анафреева		49		53	
дети Александр	17		21		Умре в 1835 году тож
Ольга		23		27	
Дмитрий Васильев	27		31		
Вдова Ульяна Григорьева . . .		57		61	
ея Плямяницы Марины . . .		47		51	
Прасковья		14		18	
Стефанида Петрова		59		68	
ея дочь Анна		21		25	
Еремей Сидоров	70				Умре в 1835 году тож
Авдотья Сергеева		61			
Ея зять Павел Кирилов	47		51		Новорожден- ный
жена его Авдотья		32		36	
Дети Петр			1		
Афанасия		7		11	
Мария		6		10	
Александра		1		5	
Павла брат Архип	54		58		
Жена Аграфена		47		51	
Сын Ефим	16		20		
Вдова Прасковья Афонасьева . .		50		54	
Дочь Авдотья		10			Умре в 1837 г.
Авдотья Архипова		37			Умре в 1835 г.

Крестьяне и дворовые люди по последней ревизии с прибылыми	Число по последней 8 ревизии		Число на- личных	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Деревни Каюхновой				
Павел Иванов	65			Умре в 1837 г.
Его жена Авдотья		59		63
Дети Петр	44		48	
Федот	16		20	
Пелагея		15		19
Матрена				8-м-цов ново-
Пантелей Павлов	32		36	рожденная
жена Аксенья		26		30
дочь Акулина				3 Новорожден-
Петра Михайлова внуки Ефрем.	8		12	ная
Афросинья		6		10
Их имущества изб 2 Истепка 1				
Анбар 1 Хлевов 3 ток сирьем				
1 Повети 2 Баня 1 все оное				
крыто Соломою.—Лошадей 4				
Коров 13 Телят 3 овец 19 сви-				
ней 3. кур 8 штук ржи высевает				
ежегодно по 4½ четверти Еро-				
ваго 6 четвертей Сена выста-				
вляется до 100 коп.				
2-й Ефим Григорьев	47		51	
жена Василиса		42		46
дочь Авдотья		12		16
Зять Николай Миронов	20		24	
жена Наталья Ефимова		18		22
У них имущество 2 избы 1				
хлев 1 Амбар 2 повети крыты				
соломою. Лошадей 2 коров 4				
телят 2 овец 9 свиней 2 кур 5.				
Ржи высевает 2 четверти Еро-				
ваго 4 четверти Сена накаши-				
вает до 8 копен.				
3-й Лики Афонасьев	43		47	
жена Марья		41		45
их подкидашных Назарь	1		5	

Крестьяне и дворовые люди по последней ревизии с прибылыми	Число по последней 8 ревизии		Число на- личных	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Филимон Логинов	63		67	
Зять его Ануфрий Иванов . .	44		48	
жена Матрена		41		Умре в 1836 г.
Дочь Акулина		6 м.		4 1/2
У них имущества изб 2 Хле- вов 2 Амбаров 2 Рейстоковнию Пуки 2. Повети 3 все оное строе- ние крыто Соломою Лошадей 4 Каров 10 телят 3 Овец 16 Сви- ней 3 кур 5.				
Хлеба высевает ржи 3 1/2 чет- верти Ероваго 5 четвертей Сена выставляет 90 копен.				
деревни Воронова:				
1-й Алексей Минин	33		37	
жена Матрена		35		39
дочь Авдотья		5		9
Алексея брат 1 Иван		29		33
Жена его Иринья		27		31
Дети Семен				1 1/2
Прасковья		5		9
2-й Егор Минин	26		30	
жена Катерина		26		30
дети Федосья		5		9
Дарья		3		7
Авдотья				1
Пришел Корнилий Исаков . . .	59		63	
жена Дарья		67		71
У них имущество 2 избы 1 под избаца 3 хлева, 2 амбара ток с орьем 2 пуни 3 повети 1 Амбар все крыто Соломою Лошадей 4 коров 15 телят 3 овец 17 Свиной 3 Гусей 25 кур 7 Ржи высевает 3 четверти Эроваго 5 четвертей Сена нака- нева ет 120 копен				

Крестьяне и дворовые люди по последней ревизии с прибылыми	Число по последней 8 ревизии		Число на- личных	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
2-й Спиридон Миронов	48		52	
жена Анна		50		54
дочери Пелагея		15		19
Анна		13		17
Филип	21		25	
жена его Екатерина		23		27
дочь Дарья				2 м. Новоро- жденная
2-й сын Спиридона Василий	18		22	
жена Василиса		18		22
сын Фрол			2	Новорожден- ный
3-й сын Матвей	7		11	
вдова Варвара		33		37
У них имущество 2 избы 2 хлеба 2 Амбара ток с Орьем 2 пуня 3 повети крыты Соломою Лошадей 4 коров 10 Телят 3 овец Свиной 4 Гусей 7 Кур 3 штуки. ржи высевае 3 четверти овса 5 четвертей Сена накаши- вае 50 копен				
Деревни Морозова				
Федосей Федоров	57		61	
жена Марфа		59		63
Иван Иванов	23		27	
жена Меланья		22		26
Ивана сын Николай	17		21	
его мать Аксинья		51		58
У них имущество 2 избы 1 хлеб 1 Амбар Гумно в реем 1 пуня крыты Соломою. Лоша- дей 3 коров 6 Телят 2 овец 10 Свиной 4 Гусей 13 кур 7 ржи				

Крестьяне и дворовые люди по последней ревизии с прибылыми	Число по последней 8 ревизии		Число на- личных	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
высевае 3 четверти овса 4 чет- верти Сена выставляет до 60 копен.				
2-е Авдотья Михайлова		57		Умре в 1835 году
Дочь Катерина Архипова ..		18	22	
Племянник Дмитрий Лазарев ..	46			Умре в 1838 г.
жена Мавра		42	46	
Дети Пелагея		9	13	
Лукерья		5	9	
Елена		1	5	
Приемаш Иван Егоров	27		31	
жена Прасковья		20	24	
сын Петр			2	Новорожден- ный
У них имущество 2 избы 1 хлев 1 Анбар Гумно стоком 1 пуня крыты Соломою.				
Лашадей 3 коров 4 телят 3 овец 6 Свиной 4 Гусей 3 кур 3 Ржи высевае 3 четверти Овса и прочаго Эроваго 6 четвертей Сена накашевает до 70 копен				
Деревня Малкова				
3-е Агафья Петрова		48		Умре в 1837 г.
дочь Иринья		27 ¹ / ₂	31 ¹ / ₂	
Пасынок Фрол Сергеев	68		72	
Его пасынок Яков Федоров ..	33		37	
Дети Матвей	7		11	
Андрей	2		6	
Елизавета		11	15	
Марфа			3	} Новорожден- ный
Фекла			1	

Крестьяне и дворовые люди по последней ревизии с прибывшими	Число по последней 8 ревизии		Число на- личных	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Вдова Анна Григорьева		50		54
Пришак Никита Богданов	19		23	
У них имущество 2 избы 2 хлева 1 Амбар рей стоком 2 пуня 2 повети баня все крыто Соломою Лошадей 3 коров 11 телят 3 овец 12 Свиной 5 Гусей 10 кур 9 штук Ржи высевает 2 четверти Еро- ваго 3 ¹ / ₂ четверти Сена выста- вляет до 50 копен				
Деревни Лежева:				
Кирило Афонасьев	50 ¹ / ₂		57 ¹ / ₂	
Жена Аксенья		39		43
Дети Василий	15		19	
Федор	11		15	
Сергей	8		12	
Прасковья		13		17
Аксенья		5		9
Федосья		3		7
Приемаш Константин Парфе . .	26		30	
жена Прасковья		23		27
сын Иван			3 мес.	Новорожден- ный
Константина брат Николай . . .	27		31	
сестра Домна		13		17
Кирилы невестка Марья		62		Умре в 1835 году
У них имущество 2 избы 2 хлева 2 Амбара ток с реем 2 повети крыты Соломою. Лоша- дей 4 Коров 8 телят 1 Овец 13 Свиной 5 Гусей 22 кур 9 штук. Ржи высевает 4 четверти Еро- ваго 6 четвертей Сена выста- вляет до 80 копен.				

Крестьяне и дворовые люди по последней ревизии с прибылыми	Число по последней 8 ревизии		Число на- личных	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Кондратий Макаров	41		45	
жена Матрена		42		46
дочь Прасковья		4		8
Кондратья двоюродный брат ..				
Василий Никифоров	53		57	
жена Матрена		53		57
дочь Иринья				1 Новорожден- ная
сын Андрей	23		27	
жена Авдотья		24		28
У них имущество 1 изба 3 хлева, 2 анбара ток с ирьем 2 повети Баня крыты Соломою Лошадей 4 Коров 8 телят 2 Овец 12 Свиней 7 гусей 12 кур 6 Ржи высевает 3 четверти Эро- ваго 4 четверти Сена выставляет до 80 копен.				
Авдотья Яковлева		68		Умре в 1836 году
внучка Матрена		12		16
Пришека Михайла Сысоев . . .	39		43	
жена Мавра		34		38
Вятыж Федор Козмин	22			В Солдат. с 1835
У них имущество 2 избы 2 хлева 1 Анбар ток с рьем 1 повет крыты Соломою Лошадей 3 коров 7 телят 1 овец 13 Свиней 4 Гусей 10 кур 10 Ржи высевает 3 четверти Эро- ваго 5 ¹ / ₂ четвертей Сена выста- вляется до 17 копен.				

Крестьяне и дворовые люди по последней ревизии с прибылыми	Число по последней 8 ревизии		Число на- личных	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Василий Родионов	53			Умре в 1835 г.
жена Елена		44		48
дети Петр	23 ¹ / ₂		27 ¹ / ₂	
Иринья		24		28
Акулина		14		18
Иван	8		12	
Семен	5			Умре в 1836 г.
Настасья		2		6
Брат Василья Егор	48		52	
У них имущество 1 изба 1 хлев 1 Анбар рей 1 поветь все крыто Соломою Лошадей 2 коров 5 телят 1 Овец 9 Свиней 2 гусей 8 кур 5 Ржи высевает по 3 четверти Эроваго 6 четвертей Сена выста- вляет 50 копен Деревни Цыбылова Иван Осипов				в 1836 году умре
жена Матрена		54		Умре в 1837 г.
Их вяташка Татьяна		25		29
Принятой в дом Андрей Сяльев	18		22	
Жена Степанида		12		16
У них имущество 1 изба 2 хлева 1 Анбар ток с реем 2 повета баня все оныя крыты Соломою. Лошадей 3 коровы 3 Телят 1 овец 10 свиной 5 Гусей 13 кур 6-ть Ржи высевает 2 четверти Ероваго 4 четверти Сена выкаше- вает до 40 копен.				

Крестьяне и дворовые люди по последней ревизии с прибылыми	Число по последней 8 ревизии		Число на- личных	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Иван Миронов	30		34	
жена Анна		31		35
сын Василий	9		13	
мать Прасковья Сафронова . . .		54		58
Ивана брат Сергей	18		22	
Приемаш Федор Федоров . . .	24		28	
У них имущество 2 избы 1 хлев 1 Анбар 2 пуня 3 повети все крыты Соломою. Лошадей 3 коров 6 Телят 2 овец 17 Свиной 4 Гусей 19 кур 5 ржи высеваает 3 четверти Эро- ваго 5 четвертей Сена выста- вляется 70 копен.				
Сила Федоров	52			Умер в 1835 г.
жена Прасковья		44		48
дочь Пелагея		9		13
Силы племянники Федор Георов.	22		26	
жена 1-я Марья		31		Умре в 1836 году
2-я Акулина		14		18
1. брака сын Василий	5		9	
Герасим	2			Умре в 1836 году
Приемашка Авдотья Кузьмина .		11		15
У них имущество 1 изба 1 хлев 1 Анбар ток с реем 1 пуня 3 повети крыты Соломою. Лоша- дей 3 коров 3 овец 12 Свиной 3 Гусей 13 Кур 4 шлуки. Ржи высеваается 2 четверти Эроваго 4 четверти Сена выставляется до 80 копен.				

Крестьяне и дворовые люди по последней ревизии с прибылыми	Число по последней 8 ревизии		Число на- личных	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Деревня Брюхова				
Анна Панкратьева		56		60
Сыновья Сергей Сидоров . .	32		36	
жена Анна		30		34
Дети Фирс	11		15	
Логин	5		9	
Леонтий	1		5	
Племянница Аксенья		12		16
Сергея Племянница Иринья . .		30		34
У них имущество 2 избы 2 хлева				
1 Анбар ток с иръем 1 пуны баня				
все крыты Соломою Лошадей 2 ко-				
ров 5 телят 2 овец 8 Свиной 2 Гу-				
сей 3 Кур 3 Ржи высевается 2 чет-				
верти Сена до 60 копен Ероваго				
3 четверти. Степан Григорьев .	48			
взятых Захар	22		26	
жена Татьяна		26		30
У них имущество 1 изба 1 хлев				
1 Анбар 1 пуны Крыты Соло-				
мою Лошадей 1 коров 2 телят 1				
овец 9 Свиной 3 Гусей 3 кур 4				
ржи высевает 2 четверти Эро-				
ваго 3 четверти Сена выста-				
вляет до 50 копен				
Федор Андреев	73			
Зять Николай Федоров	43		47	
жена Анна		23		27
дети Логин	13		17	
Ирина		6		10
Анна		1/2		4 1/2
Примаш Егор Богданов	39		43	
Жена Марина		34		38
У них имущество 2 избы				
2 хлева 2 Анбара рей Стоком				
2 пуны 2 повети все оное строе-				
ние крыто Соломою.				

Напоселение
1835

Умре
в 1836 г.

Крестьяне и дворовые люди по последней ревизии с прибылыми	Число по последней 8 ревизии	Число на- личных
Лошадей 4 коров 9 Телят 2		
Овец 10-ть Свиней 4 Гусей 3		
кур 7. Ржи высевает 3 четверти		
Эрваго 5 четвертей Сена выста- вляет до 70 копен.		
Итого	80 100	71 98

Крестьяна Сии ходят на барщину в Сельцо Михайловское, а иовсе означенное имение имеются Планы и межевья Книги. Сельцо Михайловскаго с деревнями Генварским (Паршахова) Рыцовой, Михайловской, Губы Морозовой с деревнями Гречевой цыбловой, лежаевой и луговой отхожим Сенным покосом Озера маленца, копии с плана пустоши луговой с пустошью игнашевой рекрутская квитанция 1828 г. Марта 20 дня за № 642 выданная из Псковскаго Рекрутскаго при-судствия на отданнаго в рекруты крестьянина Петра Михайлова. Описывал опочецкой земский исправник васюков, член Дворянской Опеки Кудишин Уездный Стряпчей Пастуховский При сей описи находился Опочецкой помещик Полковник Глаубич, при сей описи находился Опочецкой помещик 10 класса Ганнибал, при сей описи находился и по оной принял все сполна пятого класса Кавалер Сергей Пушкин—верно: Секретарь Копчин. Помощник Столоначальника Муштаков.

IV. ДОКУМЕНТЫ О КЕСТЕНЕВСКИХ КРЕСТЬЯНАХ

1. Переписка Л. С. Пушкина и П. П. Ланского. 2. Письма Никиты Сквородова Ланским и Опеке.

1. ПЕРЕПИСКА Л. С. ПУШКИНА И П. П. ЛАНСКОГО

1.

Милостивый Государь,
Лев Сергеевич.

Из переписки, которая была нынешним летом между Управляющим имением покойного Вашего родителя Господином Пеньковским и Опекою над малолетними детьми Вашего Братца Александра Сергеевича, видно, что с той части имения, которая достается малолетним детям, не предвидится в сем году никакого дохода, не говоря уже о совершенной невозможности собрать с крестьян села Кистенева огромную недоимку которая на них narosla в последние годы. Естьлибы можно было сделать какой нибудь оборот в хозяйственном Управлении села Кистенева, то можно было бы надеяться на доход с этаго имения; но как в теперешнее время этого сделать нельзя, потому что раздел между Наследниками Вашего Батюшки еще не кончен; то Опека над малолетними детьми Александра Сергеевича находится в крайне затруднительном положении, имея значительныя расходы по имению и не предвидя ни какого дохода. Чтобы отстранить это неприятное положение для опеки, я полагаю справедливым, чтобы до окончательного утверждения раздела Присудственным местом и до ввода Наследников Вашего Батюшки во владение имением все доходы с него делились бы поровну на обе части. — Этим только средством можно уровнять обе части и я, полагаясь вполне на благородство Ваших чувств и прошу Вас, еслии найдете мое мнение справедливым, приказать Г-ну Управляющему Пеньковскому делить весь доход с имения

поровну на две части и часть следующую малолетным прислать в Опеку: так между прочим условились мы при совершении в прошлом году чернового раздельного акта. — Я же с своей стороны употреблю всевозможные меры, чтобы раздельной акт был совершен скорее, что даст нам возможность действовать уже как найдем удобнее для своей пользы.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть Ваш

Милостивый Государь
Покорный слуга
Петр Ланской.

8 Ноября 1849

.....
С.-Петербург.

2.

Милостивый Государь
Петр Петрович,

Вчера только я имел честь получить письмо Ваше от 8 Ноября. Оно по сих пор путешествовало по России.

Из Москвы я писал к Наталье Николаевне о состоянии всего имения покойного отца. Из письма этаго Вы увидите, что часть, доставшаяся по полюбовному разделу моим племянникам, не только не в худшем положении, но гораздо значительнее моей.

В Болдине я нашел переписку Опекы с Управителем. Там находится предписание ея об уравниении доходов, полученных до раздела, и приказание присылать впредь оные с части моих племянников в опеку, а с села Болдино ко мне, руководствуясь впредь во всем, что касается до сего последнего, уже только моими распоряжениями.

На сем то основании я велел составить общий подробный счет доходов по имениям моего отца с показанием, сколько должно поступить таковых на каждую часть. — Окончив общие счета по 1-е ноября сего года, я отделил Экономию села Болдина, доходы котораго приказал доставлять мне, равно и отчеты по управлению онаго. Скот отделил сообразно проекту раздельного акта, а равно и мирскую сумму. Что касается до наделения Львовских крестьян землею, то и о сем сделал предварительныя сметы. Словом, полагаясь на согласие, или точнее, на распоряжение опеки, предоставить мне, в ожи-

дании раздельного акта, полное управление доставшеюся мне частью, я переустроил Болдинское хозяйство; договорил прежняго управителя и конторщика, назначив им жалованье и содержание; выслал из Москвы новыя машины, велел купить крупнаго рогатаго скота для улучшения породы, завести камыцких овец и тому подобное. Кроме того распорядился улучшением Аптеки и высылкою из Москвы повивальной Бабки. Все это, не считая уже поездки, вовлекло меня в значительныя разходы, предпринятыя для благосостояния крестьян и для хозяйственного устройства Болдина.

Ныне Вам угодно до утверждения раздельнаго Акта делить снова доходы по ровну. — Во всю мою жизнь денежный интерес был для меня делом посторонним; следовательно нет причины, чтобы и теперь я не согласился на Ваше предложение. — Но, не желая изменить заведеннаго уже мною порядка в Болдине и разстроить тем дела свои, я составил инструкцию нашему Управителю, которую, препровождая к Вам за моим подписом, прошу, буде Вы согласны с моим мнением, тоже подписать со стороны опеки и отправить к нему для руководства.

Зная, что и вы не пожелаете вовлечь семейство мое в какое либо разстройство, эту дополнителюю сделкою, я покорнейше прошу выслать мне удостоверение опеки, что при окончательном утверждении раздела, половинная часть недоимок с имений моих племянников будет мне уплачена.

С истинным почтением и совершенною преданностью честь имею быть

Вашего Превосходительства
покорнейший слуга

Лев Пушкин.

Одесса
1849. Дек. 9.

3.

Милостивый Государь,
Лев Сергеевич!

Я имел честь получить от Вас ответ на мое письмо в котором я предлагал Вам до окончательнаго раздела имения доходы с него делить по полам. В том же письме я объяснил Вам и причины, которые заставили меня сделать Вам это предложение, и главною из них была та, что Опека не предвидела ни какаго дохода с части малолетних детей. — Стало быть предложения которыя я Вам сделал, были следствием желанія пользы детей, которые состоят под введением Опеки,

но если бы Вы сделали уже значительные улучшения в Вашей части, то несправедливо было бы со стороны Опеки воспользоваться ими; а вот почему я прошу Вас от имени опеки не беспокоиться на счет сбора дохода с Вашей части, которые есть Ваша собственность. А потому возвращаю Вам для уничтожения инструкцию которую Вы изволили прислать ко мне: я вполне понимаю и вижу желание Ваше общей пользы.

При сем случае позвольте мне объяснить Вам на счет недоимки которая состоит на Кистиневских крестьянах: так как она еще не находится в сборе, то в теперешнее время Опека не может выслать Вам половину этой суммы; на счет же уплаты ее Опека сделала распоряжение, чтобы г. Пеньковский тогда только приступил к сбору с Кистиневских крестьян недоимки, когда они выплатят весь положенный на них оброк нынешнего года который есть единственный доход с имения малолетних детей; когда оброк будет собран, то Г. Пеньковский приступит к сбору недоимки, которая по мере ее сбора и будет делиться поровну на две части; из них одна часть будет доставлена к Вам, а другая в Опеку.

С истинным почтением и совершенною
преданностью имею честь быть Ваш
Милостивый Государь
покорнейший слуга
Петр Ланской.

23 Декабря 1849.

.....
Льву Сергеевичу Пушкину.

2. ПИСЬМА НИКИТЫ СКОВОРОДОВА ЛАНСКИМ И ОПЕКЕ

1.

Ваше Превосходительство!
Милостивейший Государь
Петр Петрович и Наталья Николаевна

Сим честь имею Донести вашим Превосходительству в том, что поприезде моем в имении Деревнях Кистиневе ильвова в канторах при собрании всенародных Мирских сходках Данную вами мне доверенность инструкцию¹ и найма крестьян Приказ все я крестьянам объявил,

Крестьяне все в обще Кистиневски и Львовски из явили мне всегдашнюю свою Готовность быть В исполнении в возложенной

¹ Инструкция дальше.

наних Господской Повинности и всей обязанности с должным Повиновением¹.

Но Кистиневски крестьяне в присутствии моим уних, в лице Вас смиренно и убедительно сослезами Просили меня исходатайствовать им у вашего Превосходительства хотя заполовину сего текущаго 1850 года, в положении Аброков предь да благоприятных об стоятельств малинькое облегчение, чего я нейспросив прежде у вашего Превосходительства, теперь безволи и разрешения определения вашего изменить и объявить в требовании желания крестьян сабою немогу.

По назначению Вашему в кистиневи определено раскладкою крестьянских 210 тягот с которых заполовину сего 1850 года две части аброка я объявил им по 12 руб. 50 копеек всего 25 рублей которые с сегожь числа Будет собираются.

Я Будучи убежден слезной Прозьбой Кистиневских крестьян не в значительном количестве для них Просимаго облегчения.

Приемлю смелость ия обратится к вашему Превосходительству стаковойже убедительной всепокорнейшей прозьбой, напервой рас благоволить им оказать ваше отеческое снисхождение очем они просят обойдя меня, ваше Превосходительство Приложенной при сем прозьбою.

Занебытностью в болдине Г-на управляющаго Иосифа Матвеевича Пеньковского, по случаю теперь половодья видится дапросухи я сним немогу апочему потчетности Принять по имению без личности Его нельзя, в нужности исполнения Поймению я поступил вполне к должному распоряжению!

Приложенной Присем список наопределения Вотчинных начальников и старшин Покорнейше Прошу Ваше Превосходительство в имянном списке ипрописанных относящихся обязанностей их утвердить вашим подписом я ето почитаю нужным.

Поприятии всей от четности от Г-на пеньковского буду доносить форменно, в имении Кистиневе ильвове все благополучно,

Присем Пожелав Вашим Превосходительству
Благоденственнаго Здравия

Засим честь имею пребыть с истинным
моим квам Высокопочитанием итакоюже

Преданности Вашего Превосходительства
Милостивейших Государей

Всепокорнейший слуга

Никита Сковородов

8-го ч. апреля 1850 года С. Болдино.

¹ Письмо крестьян в тексте, стр 199.

ИНСТРУКЦІЯ

Деревни Кистенева Бурмистру Федору Козмину поручается тебе подзаведыванием Управляющаго Сквородова, самострожайшую иметь бдительность и смотрение за благосостоянием Кистеневских крестьян возложенную на них повинность, сборы оброков, уплата Государственных податей и исправление рекрутской повинности, дабы это всегда и своевременно собиралось и уплачивалось безнедоимочно и без штрафа с вотчины, крестьян в неисправном платеже податей, в пьянстве, дурных поступках, и нерадению к домоводству; затаковыя поступки, в полном вашем присудствии, в вотчинном Правлении с Управляющим и определенными Старшинами, законно и справедливо обсуживать и подостоинству виновных в нетерпящем прощении представлять к строгому законному суждению.

Избранным тебе Помощникам, Старшинам, вменяется вам в обязанность также подруководством Управляющаго Сквородова приказавши и поручения его исполнять, а в необходимых случаях примогущих быть суждениях, для законной справедливости вы должны находиться, сверх всего строжайше подтверждаю и поручаю вам смотреть и наблюдать вотчинное спокойствие, тишину и благочиние, замеченных вами из крестьян людей в пьянстве, распутстве и нерадивому к домоводству в особенности молодых ребят то о таковых немедленно и без утайки должны вы давать знать управляющему и в небытность его Бурмистру и по мере вины поступать с виновниками строго, Бурмистр, Старшины все вообще должны вы снаступившей нынешней весны, строго обратить ваше смотрение, за посевом полей дабы каждый крестьянин следующую свою землю засевал собою а неотдавал впосторонние руки, впротывном случае завиновных вы мне будите отвечать строго.

Деревни Львовой старосте Наките Кондратьеву поручается тебе подзаведыванием Управляющаго Сквородова, иметь неусыпную бдительность по экономии деревни Львовой, запосевом Господских полей, с соблюдением лучшаго порядка, равномерно привозке снопов, при молотбе хлеба дабы не было в трате и расхищении а также и при отправке напристани хлеба иметь акуратную верность без упущения.

Атакже иметь бдительность и за благосостоянием крестьян замеченных тобою или твоими помощниками Старшинами, в пьянстве, распутстве неповиновении и нерачительству к домоводству о таковых немедленно давать знать управляющему а в небытность его ты

и старшины, должны в Канторе виновных по сущей справедливости законно обуживать, вкнутерпящем прощении виновников представлять куда следует к законному суждению и наказанию.

Всем вам вообще подтверждаю что приказани и поручени Управляющаго Сквородова, исполнять в точности и быть у него в должном повиновени и послушани, в противном случае строго с вас взыщется.

2.

Заведывающий именем подаверенности управляющий малолетних детей покойнаго Александра Сергеевича Пушкина, Деревнями Львовою и Кистеневом, Лукояновскаго исергацкаго уездов,—№ 24 17 марта 1851 года Село Болдино.

Опеке Высочайше учрежденной над малолетними Детьми Покойнаго Александра Сергеевича Пушкина.

ДОНЕСЕНИЕ

Сим честь имею донести к сведению Вашему в нижеследующих Пунктах.

1-е, Сельца Кистинева неймушие крестьяне в продолжении нынешней Зимы от сентября, по 1-е число Апреля м-ца, были Все в подряде Кулевоу рагожно работы Каторым доставлялось одним промышленником для работы мочало надом, подряд сей хотя и неслишком был Высокой цены но все таки впродолжении Работы Заприсмотром начальника Крестьяне зарабатывали денег напродовольствясвоих семейств, Асверх сего хотя немного но Еще оставалось инауплату Податей.

2-е, Теперь Окончившие сей подряд все Эте Крестьяне повесостоятельности своей нейимевши у себя В запасе наработу Материалу Атакже инеймея в виду подобнаго подряду остаются без промышленности.

3-е, Волжская работа послучаю дешевых поставок Судопромышленники рабочих нанимают Заничтожную цену так что понеудачному ходу рабочие Еще должны будут Кормовых от себя дадовать хозяину поневыгодности подряд сей и невят.

4-е, В прочую промышленность по пачпортам Крестьяне неотпускаются потой причине что я неймею сведения из Опеке Высочайше учрежденной О переселении Кистиневских Крестьян.

5-е, поступают ли нынешнаго лета в переселение Крестьяне или нет, сведение это для меня необходимо, потой причине что умения теперь Кистиневски Все удержаны дома из каторых моглибы быть отпущенными по пачпортам напромышленность.

6-е, Домаже то есть присвоей Деревни обойдя Полевых работ Крестьяне немогут преобрести сибe никакой промышленности, то ине-обходимо некоторых уволить по пачпортам.

7-е, преждеже Опекунского распоряжения и предписания уволены напостароннюю промышленность быть немогут, очем всепокорнейше прошу Скорейшаго Опекунского распоряжения ипредписания Дабы нездевать и у крестьян Оупущения.

8-е, Я нахожу еще одно средство ипорасчету моему должно быть Выгодным придеревне Кистиневе зделать кирпичный Сарай, в господ-скую экономию, навыработку кирпича людей определить неймущих состояния не и благонадежных в отпуске Попачпортам.

9-е, назаведение это для сараев лесу потребуется немного инетак дельной унас онаго наберется в своей рощи из сухоподстоинаго, а только будут покупатся дрова наобжиг кирпича.

10-е, Крестьянам зароботу кирпича деньги должны зачитаться воброк, Аденьги наличныя только ипотребуются призаведения сем напокупку Дров и навыдачу рабочим для хлеба, напредмет Этог полагю быть достаточным 300 руб. серебром, которыя в будущую осень все попродажи кирпича выручутся с преимуществом с тем в мести изачитающия рабочим аброчныя деньги будут выручены, чрез посредство сей работы рабочия вовремя лета зароботают за себя весь Годовой Аброк, Я ето нахожу весьма полезным.

Но без особеннаго Опекунского распоряжения ипредписания завести етаго я немогу.....

К РИСУНКАМ И ФАКСИМИЛЕ

Стр. 9. „Сельцо Михайловское“ взято—Из редкого издания „Галерея видов города Пскова и его окрестностей, снятых с натуры, издаваемая псковским губернским землемером Ивановым, часть II, 1838 Псковская литография“.

Стр. 61. Виньетка-росчерк является заголовком „Истории села Горюхина“, взята из тетради Пушкина № 2387—А (хранится в Ленинской библиотеке, быв. Рум. музей).

Стр. 65—66. Автограф Пушкина. О нем в тексте, стр. 64, прим. 2.

Стр. 97. Квитанция Опекунского Совета в получении от А. С. Пушкина капитала, процентов и просрочки.

Стр. 101. Первая страница письма М. И. Калашникова А. С. Пушкину.

Стр. 105—106. Письмо О. М. (урожд.) Калашниковой. Подлинник на трех страницах, сведен в факсимиле на две страницы. Осталась невоспроизведенной дата внизу 3-ей страницы подлинника: „Село Болдино, февраля 21 дня 1833 года“.

Стр. 133. Счет каретного мастера с пометками А. С. Пушкина об уплате денег.

Стр. 159. Рисунок П. П. Соколова, взятый из издания В. Г. Готье „Иллюстрированный альбом к роману „Евгений Онегин“ А. С. Пушкина. 48 незаданных рисунков акад. П. П. Соколова 1855—1860. Фототипии К. А. Фишера М. 1892“.

Стр. 175. Обязательство Н. Н. Пушкиной.

Стр. 189. Отрывок из письма кистеневских крестьян к Н. Н. Ланской.

Стр. 221—222. Записи прихода и расхода из собрания Государственной Публичной Библиотеки.

Стр. 225—226. Записи прихода и расхода. Второй вариант. Из собрания Государственной Публичной Библиотеки.

Вкладка в начале книги: автопортрет Пушкина, из тетради быв. Румянцевского музея № 2370, лист. 80.

Вкладка (12 страниц) между стр. 120 и 121: тетради „Щетов по части управления Болдина и Кистенева 1834“—в Пушкинском доме.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	<i>Стр.</i>
Предисловие	5
Глава I. Крепостная любовь Пушкина	7
Глава II. Помещик	59
Глава III. „Люди“ Пушкина	157
Глава IV. Кистеневское взнурение	187

П р и л о ж е н и я

I. Неизданные автографы Пушкина	215
II. Пушкинские документы	229
III. Хозяйственные памятники помещичьего быта Пушкина	238
IV. Документы о кистеневских крестьянах	279
К рисункам и факсимиле	287
